

март 2025

Творческое содружество поэтов, писателей, художников и музыкантов

ИТЧУВА

№ 5

Над выпуском работали:

Главный редактор:

Влад Галант

Редактор выпуска:

Карина Исакаева

Технические редакторы:

Карина Исакаева

Вера Арболь

Яков Наерман

Иллюстратор:

Дора Горина

Художники выпуска:

Ольга Прасол

Vita Arte

Дизайнер выпуска:

Яна Кирикова

Особая благодарность Вере Арболь за озвучку большинства произведений, которые доступны на нашем сайте

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Татьяна Демьяненко	6-7
Тикки А. Шельен	8-9
Петрова Ю.	10
Ирит	11
Анна Суттерлин	11
Семен Патлис	12-13
Наталья Е-К	14-15
Виктор Байрак	16-19
Валерия Садковская	20-21
Георгий Гришко	22
Юлия Решко	23
Данила Левицкий	23
Ольга Прасол	24
Александр Марченко	25
Георгий Ефремов	26-27
Виктор Тумаркин	28
Александр Лебедев	29
Владимир Гурвич	30
Арнольд Коптев	30

ЭССЕ

Вера Арболь, Яков Наерман	32-37
Яков Наерман	38-40
Елена Сосна	41
Карина Исакаева	42-44

ПРОЗА

Вера Арболь	46-52
Налья Е-К	53
Ольга Прасол	54-55
Марина Карандина	56-58
Тиффани Эйк	59-62
Карина Исакаева	63-67
Яков Наерман	68-73
Арик Кругляк	74-79
Эмилия Гааб	80-82
Алиса Дербенева	83-86
Лилиана Янхофер	87-88

СТРАНИЦЫ ВРЕМЕНИ

Евгений Храмов	89-91
----------------	-------

НАШИ ГОСТИ

92-93

Карина Исакаева

*Писатель, редактор, биолог,
преподаватель, маркетолог*

Сменила несколько стран и профессий.
Жила в Латвии, Грузии, Литве и в Украине.
Писательницей мечтала стать с детства.
Война лишила дома, но научила
не откладывать хорошие дела на потом.

СПАСИБО,
ЧТО ИДЁТЕ
С НАМИ.

Дорогие читатели!

Перед вами пятый выпуск альманаха «Игла».

Пять номеров назад, когда привычный мир трещал по швам, мы собрались, чтобы не дать этим швам окончательно разойтись. Нас объединило слово. Нас объединило желание понять, объяснить, найти смысл в хаосе и передать этот смысл дальше – тем, кто тоже ищет ответы. Так родилась «Игла» – тонкая, хрупкая, острая. Она беспощадно колет несправедливость, аккуратно сшивает разбитые души, вышивает истории.

С каждым номером нас становится больше. И это радует и воодушевляет. К «Игле» присоединились те, кто пишет во время тревог и блекаутов, кто борется за жизнь и за правду, кто помогает словом и делом, кто живёт в изгнании, но продолжает творить. Среди нас есть дебютанты и маститые авторы, поэты и прозаики, журналисты, музыканты и художники. Мы разные, но нас объединяет одно: любовь – к слову, к истине, к жизни.

Мы гордимся авторами, сделавшими свой первый шаг в литературу вместе с нами. Мы радуемся, когда их голоса звучат всё громче и находят отклик в известных изданиях, на крупных площадках и ваших сердцах. Мы гордимся теми, кто, несмотря на страх и опасность, говорит правду. Мы гордимся теми, кто не сдаётся и продолжает писать, рисовать, снимать – потому что искусство не может молчать, когда страдает человечность.

Пятый выпуск «Иглы» – это новые истории, новые имена, новые смыслы. Это свидетельство того, что творчество сильнее разрушения, что искусство способно преодолеть тьму. И пока звучат наши голоса, пока мы продолжаем творить, мы верим: свет обязательно победит.

Спасибо, что читаете нас.

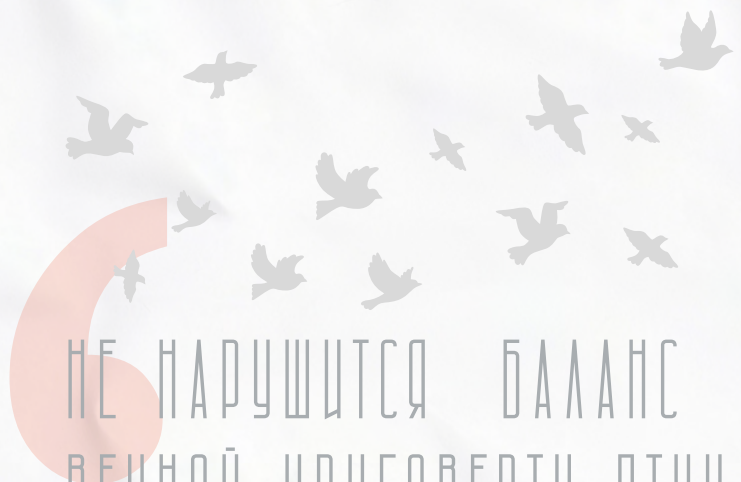
Спасибо, что верите в слово.

Спасибо, что идёте с нами.

Спасибо, что живо откликаетесь на наши публикации, делитесь своим мнением.

Спасибо, что делитесь с нами своим творчеством, мы всегда рады публиковать произведения наших читателей!

С уважением, Карина Исакаева

НЕ НАРУШИТСЯ БАЛАНС
ВЕЧНОЙ КРУГОВЕРТИ ПТИЦ,
ПРИБНОСЯЩИХ МИРУ ШАНС.

ПОЭЗИЯ

Три года

Жила как все,
И горя я не знала,
Лелеяла надежды и мечты,
Три года,
Это много или мало?
И от чего отсчёт произвести?

Февраль конец всему,
И нет начала,
Познав войны кровавой злую суть,
От зимнего, холодного вокзала,
Меня уносит поезд в дальний путь.

Там будет все:
Печаль от расставания,
И боль такая, что печет внутри,
И невозможность нашего свидания,
Умноженная временем на три.

Три года,
Словно раненые птицы,
Так больно бьются
где-то, под ребром,
Летят их перья,
Мне на чистые страницы,
Чтоб обратиться рифмой и стихом.

Умоюсь утром,
Выйду в чисто поле,
С молитвой стану смирно у креста,
Война, война!
Не просто злая доля,
Три года,
Словно три святых перста.

Но лечит время,
Заживают раны,
В душе исчерпан горестей лимит,
Смотрю на новости с огромного экрана,
И кажется, что больше не болит.

.....

Но где- то в памяти,
Занозю застряло,
И не даёт на полную вдохнуть,
От харьковского зимнего вокзала,
Меня уносит поезд в страшный путь....

Татьяна
Демьяненко
Украина

Чорний лютий

Коли ж ти закінчишся, чорний лютий?
Три роки в серці стилая зима,
Як місту рідному на чорнім світі бути?
Бо не буває білою війна.

Вона чорніє прірвою, як вирва,
Вікон пустих в будинках чорний крик,
На вулицях дерева снігом вкриті,
Але здається чорним білий сніг.

Ідуть до підземелля наші діти,
Щоб вчитися,
Та в чому ж їх вина?
І квітнуть на могилах чорні квіти,
Бо не буває білою війна.

Птахами чорними все небо наше вкрито,
Летять ракети, бомби на міста,
Усе життя ,як тонке скло розбито,
Та ми лише стискаємо уста.

Вертаються додому соколята,
Та в них життя в майбутньому нема,
І чорну хустку вже дістала мати,
Бо не буває білою війна.

Та віримо, що Україні бути!
Хоч вкрала фарби клятая війна,
Коли ж ти закінчишся,чорний лютий?
Щоб стала знову білою зима....

ТАК ХОЧЕТСЯ ВЕСНЫ,
КАК ПРЕЖДЕ, БЕЗ ВОЙНЫ.

Татьяна Демьяненко

Украина

...РАЗДЕЛИЛАСЬ МОЯ ЖИЗНЬ

Моя Украина

Я хочу жить на острове Гарда,
 Далеко от печалей и бед,
 Там не нужно мне думать о правде,
 И омаров дают на обед.
 В акватории синего моря,
 Буду просто лежать в гамаке,
 Далеко от войны и от горя,
 Без забот и тревог - налегке!
 Буду нюхать прекрасные розы,
 Будут птички порхать там и тут...
 Только что ж на глазах моих слезы,
 Ну, а в памяти вишни цветут?
 Далеко от эдемского сада,
 Из-за карлика страшных идей,
 На земле моей, черти из ада,
 Убивают родных мне людей!
 И туда моя совесть так рвется!
 Где могилы родные стоят,
 Украина моя насмерть бьётся,
 Отдавая последних ребят!
 Пусть минует ее злая доля,
 И проклятая канет война,
 Зацветут васильки в чистом поле,
 Ведь заплачена кровью цена!

Не хочу жить на острове Гарда!
 Я «у лүзі калина» пою,
 Вот она, настоящая правда:
 Я люблю Украину свою!!!

Так хочется весны

Так хочется весны,
 Такой желанной, новой,
 Чтоб без забот, тревог,
 И с трепетом в душе,
 Без проклятых дорог,
 И тяжести свинцовой,
 Так хочется весны,
 Как прежде, без войны.

Так хочется весны,
 Чтоб на окне тюльпаны,
 Вдыхать, вдыхать цветы,
 Чтоб кругом голова,
 Чтоб расцвели цветы
 На стареньком каштане,
 Так хочется весны,
 Как прежде, без войны.

Так хочется весны,
 Забыть о страшной стуже,
 Что замерла на годы,
 И в сердце и в груди,
 Чтоб теплый дождь прошел,
 И пузыри на лужах,
 Так хочется весны!
 Как прежде... Без войны .

***

Растерзали гороскоп чужие звёзды,
 Отодвинули приход моей весны,
 Разделили мою жизнь на «до» и «после»,
 По живому, острым лезвием войны.
 И в душе теперь
 Воздушная тревога,
 Так болит, и ноет, и печет!
 «До»и «после»- вот и вся моя дорога,
 Весь мой путь, куда меня он приведет?
 «До» - где в доме все уже проснулись,
 Где всю жизнь встречала я рассвет,
 «После»- лишь глазницы черных улиц,
 «После»- там в помине дома нет.
 Разделилась моя жизнь
 На «до» и « после»,
 Кажется, за «до» я все отдам!
 Растерзали гороскоп чужие звёзды,
 Разорвали сердце пополам.

***

Давно, усталый раб, замыслил я побег,
казалось бы – давай! Собрался – и побег!
Натягивай штаны, рубаху застегни,
беги скорей, урод, пока такие дни,
пока среди зимы подснежники цветут,
и солнце льет лучи, и глабусы орут,
беги уже, беги! Не жди, судьбу кляня!
О, вроде побежал! Дождется у меня!

***

Мир дорогой.
Что я могу в тебе изменить?
Ничего не могу.
Я из тебя, задыхаясь, бегу.
Просто бегу.
Криком ломаешь ты стены мои,
стены мои
Из картонок, из ракушек, мела, сухой чешуи стены мои,
не оградят, не спасут, разлетаются в пыль
от вопля, от хрипа, от горя вокруг,
и падает ночь за моею спиной,
и тьма впереди.
Просто гляди.
Мир дорогой,
да я и гляжу.
Просто гляжу.
Здесь остаюсь.
На камне сижу.
Не уйду.

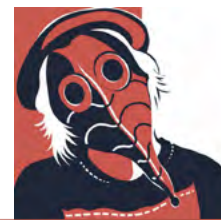

***

Странное чувство: не хочется говорить.
Хочется спать, ну может, обед сварить,
может, ходить по саду, недалеко,
чтобы синицы прыгали по ветвям,
чтобы о берег море плескалось легко,
изредка подбегая к самым ногам,
может, читать – или слушать рассказа нить,
штопать носки, деревянный достав грибок,
только ни с кем, ни о чем бы не говорить.
Ждать. И молчать. И надежду мотать в клубок...

Тикки А. Шельен

Болгария

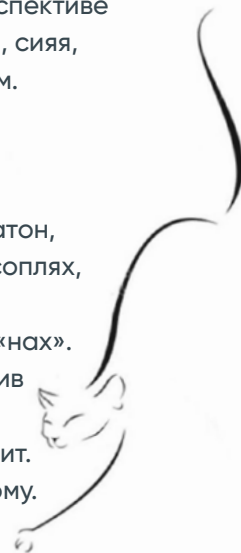

***

Мой друг меня не то что любит,
но и не то чтобы забыл,
он вообще не то что должен
на горизонте возникать,
мой друг – он с мельницей дерется,
русалок учит танцевать,
он проповедует растениям
и исчисляет ход светил,
да мне – то в общем и спокойней,
когда он реет в небесах,
по крайней мере, на свободе,
а значит, безусловно, жив.
И я не то чтобы скучаю,
его на волю отпустив, –
Ращу морозные кристаллы,
луну купаю в облаках,
пишу историю моллюсков,
шью крылья пчелам по ночам,
в хрустальной чаше вызревает
рассада будущих планет,
чтоб жить с оглядкой на другого,
у нас и времени – то нет,
оно по капле испарилось,
и в бесконечной перспективе
мы, два луча, – летим, сияя,
как и положено лучам.

***

Кот, огромный, как батон,
с драным носом и в соплях,
на моей лежит ноге,
изогнувшись буквой «нах».
Он не очень – то красив
и не верит никому,
но пригрелся – и лежит.
Всё теплей, чем одному.

Тикки А. Шельен

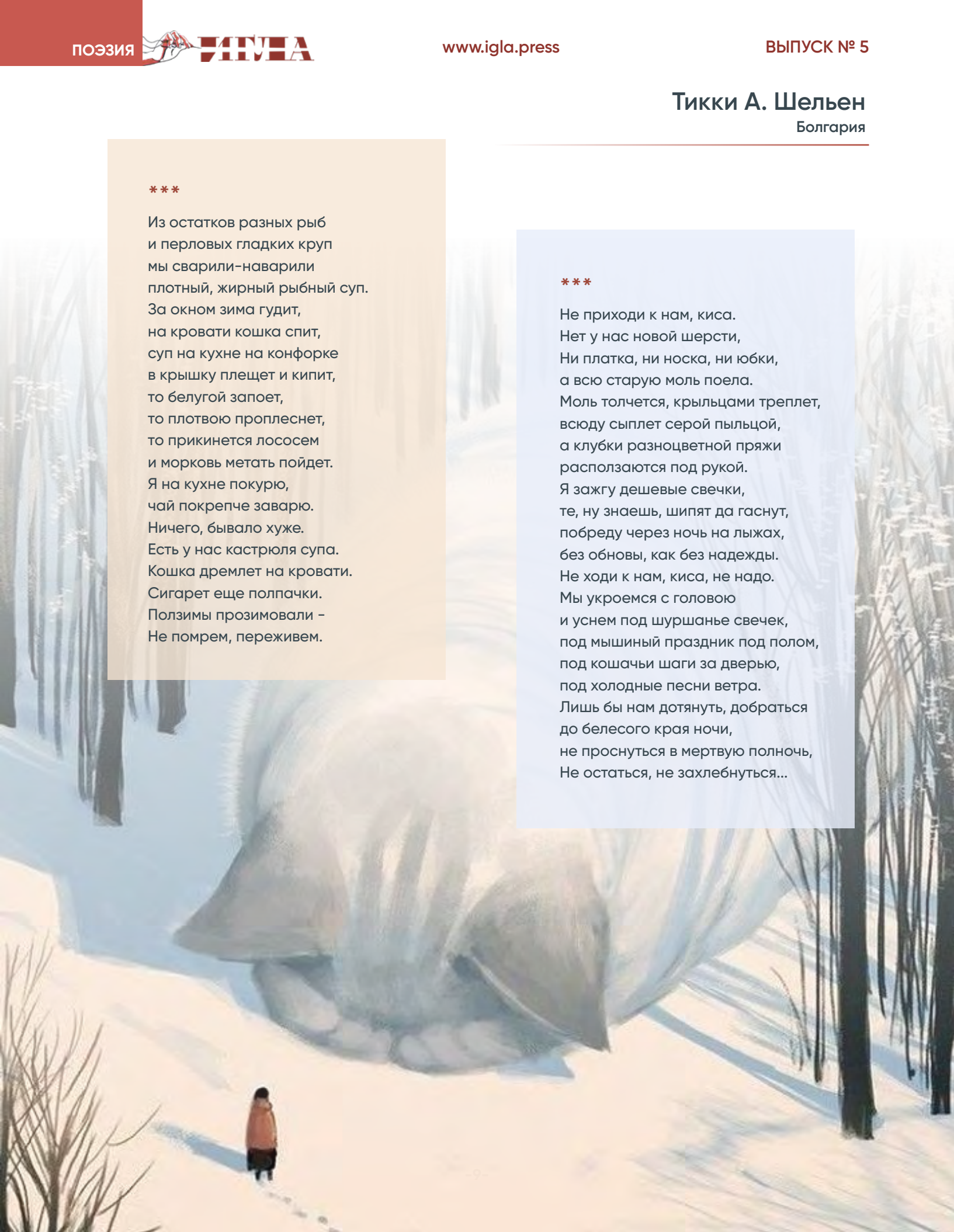
Болгария

***

Из остатков разных рыб
и перловых гладких круп
мы сварили-наварили
плотный, жирный рыбный суп.
За окном зима гудит,
на кровати кошка спит,
суп на кухне на конфорке
в крышку плещет и кипит,
то белугой запоет,
то плотвою проплеснет,
то прикинется лососем
и морковь метать пойдет.
Я на кухне покурю,
чай покрепче заварю.
Ничего, бывало хуже.
Есть у нас кастрюля супа.
Кошка дремлет на кровати.
Сигарет еще полпачки.
Ползимы прозимовали -
Не порем, переживем.

***

Не приходи к нам, киса.
Нет у нас новой шерсти,
Ни платка, ни носка, ни юбки,
а всю старую моль поела.
Моль толчется, крыльцами треплет,
всюду сыплет серой пылью,
а клубки разноцветной пряжи
расползаются под рукой.
Я зажгу дешевые свечи,
те, ну знаешь, шипят да гаснут,
побреду через ночь на лыжах,
без обновы, как без надежды.
Не ходи к нам, киса, не надо.
Мы укроемся с головою
и уснем под шуршанье свечек,
под мышиный праздник под полом,
под кошачьи шаги за дверью,
под холодные песни ветра.
Лишь бы нам дотянуть, добраться
до белесого края ночи,
не проснуться в мертвую полночь,
Не остаться, не захлебнуться...

***

Птицы за окном поют негромко,
нам поют тревожно, акапельно,
в лужах льда нетронутая кромка,
в доме хлам, накопленный бесцельно.

Ёлку размундирив, сняли свечи,
уложили в ветхую коробку,
ангелов, снеговиков, овечек,
в бойлерной пристроили неловко.

Выбросили лампу с абажуром,
пару стульев, обувную полку.
Снег летел под фонарём ажурным,
Stene осчастливив ненадолго.

В реку падал, в яблоки в поддоне,
чтоб наутро талой стать снежицей.
Был у сына в маленьких ладонях,
а ведь мог и вовсе не случиться.

***

Мама, не зови меня сомнамбулой,
проведи рукою по плечу.
пусть во времена китайских дамплингов,
я мантышки белые кручу.

Пароварка в дырочку некрупную,
дадено мне времени в обрез,
я с утра сегодня дружелюбная,
чтоб не тронул бес деликатес.

Шторм идёт на Фландрию порывистый,
первый в этом тусклом январе,
фарш блестит, приправленный, нежилистый.
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?

Дождь тревожит бледную акацию,
ветер стонет так, что не унять,
кухонная мантра-медитация —
слово спеть, кружочек раскатать.

Петрова Ю.

Бельгия

***

Где трамвай проплывёт до угла,
на Marie-Joseplein детвора:
краснощёкие суслики эти,
до college пешком пять минут,
но трамвай уже тут как тут —
малых сусликов встретил.

С побережья начнётся восход.
Красным бархатом баккеру торт,
небо — кислой пахтой и кармином,
море выпустит сливочный крем
слоем тоненьким, а затем
смажет им городские низины.

В город едет седой господин,
может, Wim его звать или Tim,
от «Меркатора» едет до рынка,
оставляя мне Павла с Петром,
пришвартованный белый паром,
пляжа зимнего половинку.

Купит фиников, жёлтый инжир,
вязкий ягодный эликсир,
чтоб не кашляли внуки и дети,
витамины и тёплый багет,
ибо все нездоровы нет-нет
на третьей от солнца планете.

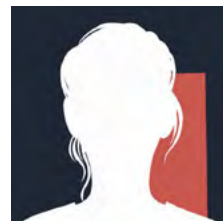
А ВЕДЬ МОГ
И ВО ВСЕ
НЕ СЛУЧИТЬСЯ

Ирит
США

Путь домой в осенней тьме,
На часах всего лишь пять.
Небо в розовом огне
До весны не увидеть.
Время движется назад,
Укорачивая день,
Шелестящий листопад
Стал безмолвным, словно тень.
Одинокая звезда
Одиноко льет свой свет.
Этим светом никогда
Не бывал никто согрет.
Но раздастся робкий стук,
Что нарушит немоту,
И по белому листу
Белым ляжет рифмы звук,
Отдохнет и улетит.
Не нарушится баланс
Вечной круговерти птиц,
Приносящих миру шанс.

МИРУ
ШАНС
...

Анна Суттерлин
Россия

Снег лёг, и мгла – легла.
Словно мелом рука криминалиста тело обвела.
Это тело
Раньше обнимало, пело,
Классно трахалось, прямо скажем:
Шутка ли, от Аэропорта до Патриарших
Всё было живым, моим, нашим...
А потом похорошело,
Онемело.
Как в вязком клею, помутнело, застыло в раме,
В дешёвых сувенирах, в хуёвой рекламе –
Новогодний поезд манит чудом, но оно не там,
Никогда не получить телеграммы в телеграм.
«У неё нет души, нет души», как сейчас говорят.
Как же так, откуда тогда взялись уят и адат?
Может, просто сменилось одно на другое?
Пластическая операция во имя стабильности и покоя?
Нет, ты ошиблась, ошиблась.
Ни эллина, ни иудея, ни другого иноверца
Нет,
Как нет у пространства сердца.
Это ты, это я тут обнималась, трахалась, пела.
Это я, оглушённая смрадом, взяла и немела.
Это со мной умирает моя страна,
А по соседству – еще одна.

Семен Патлис

США

Это он!!!

Далёкий предок, сидя в сумрачной пещере,
В другого предка пальцем ткнул и возопил:
–«Он не такой как мы, и я ему не верю!»
И в доказательство несчастного убил.

С тех давних пор сменились сотни поколений,
Но дух пещерный в нас по-прежнему силён:
В моменты страхов и серьёзных потрясений
Всегда готовы ткнуть мы пальцем: –«Это он!!!»

Кто бы «он» ни был, – бледнолицый, темнокожий,
Кудрявый, рыжий, горбоносый иль косой,
Своим обличем на соседей непохожий,
Такой чужой и подозрительный такой!

Он, видно, верует в неистинных пророков,
Поклоны бьёт, – прости нас Б-г! – другим богам;
И, предаваясь втайне низменным порокам,
Он продаёт Отчизну всяческим врагам!

Он как навоз на исторической арене;
Он ненавистен, как на белой коже прыщ!
Всегда найдётся в мире гитлер или ленин,
Чтоб поделить людей на агнцев и козлиц!

МЫ, КАК ЗА
СОЛНЦЕМ,
ТЯНЕМСЯ
ЗА СЧАСТЬЕМ

***

Не огрызаясь, даже не скуля,
Мы подчиняемся Начальственному Слову
Так растекается раскисшая земля
Под сапогом с железною подковой.
Под сапогом на всё найдёшь ответ,
И можно жить – уютно и пристойно;
Пусть здесь темно – зато не слепит свет,
Пускай здесь тесно, – но зато покойно.
Свой обживая под-сапожный дом,
Его мы, как умеем, украшаем,
Любовно «Нашей Родиной» зовём,
И беззаветно грудью защищаем.
Так и живём, впотьмах, без суеты
И болтовни, зовущихся «свободой»,
Но постепенно странные мечты
В нас возникают и пускают всходы.
Быть может, свет через изношенный сапог
К нам в подкаблучное пространство проникает,
Быть может, запахи несущий, ветерок
Сквозь дырку дует и нестойких развращает..
И всё тесней нам мир под каблуком;
Мы, как за солнцем, тянемся за счастьем,
И прорастаем маленьким гвоздём
В тугую пятаку Абсолютной Власти.

В пустыне

(этюд на тему "белая ворона")

Барханы.
 Высохший колодец.
 Останки финиковых кущей.
 Бредут верблюды...
 На восходе
 Светило плавится;
 Всё гуще,
 Всё чётче тени
 И всё ярче.
 В аду, зовуемся Магрибом,
 Всё выше солнце
 И всё жарче –
 Всё ближе,
 Всё вернее выбор,
 Где как без масла на жаровне...
 Пусты все бурдюки;
 Во фляжке
 Шуршит сухой песок.
 Бескровны,
 Мотаются верблюжьи ляжки,
 Как груди горестной старухи
 Пред воспалёнными глазами;
 Их плоть сухую жалят мухи.
 И, как мираж под небесами,
 Гриф белый –
 Белый, как проклятье! –
 Терзает красное
 Под синим,
 Толкаясь среди чёрных братьев,
 На фоне жёлтого,
 В пустыне.

Семен Патлис

США

Бабочка и цветок

Мадонна в траурной мантилье,
 Она оплакивает тело...
 Отрезал кто-то ночью крылья
 Той бабочке, что не взлетела.
 А, не взлетев, и не упала,
 А просто вяло шевелилась;
 И кто-то крылья из металла
 Ей притачал, какая милость!
 Теперь она, звеня крылами,
 Порхает над июльским садом,
 Над медоносными цветами
 И, соблазняясь ароматом,
 Слетает на цветок, чьё лоно,
 Волнуя, манит сладким даром,
 Цветок, ещё не опылённый,
 С ещё не тронутым нектаром...
 Слетает, крыльями сверкая,
 И металлические грани,
 На каждом взмахе, отсекают
 Живые лепестки герани.
 Итог трагический – о, Боже! –
 Без лепестков герань завяла...
 Но кто-то лепестки ей может
 Приделать – тоже из металла.
 И будет жить цветок вольготно
 В саду, меж прочими цветами,
 И будет бабочкам залётным
 Он крылья резать лепестками.

ВСЁ БЛИЖЕ,
 ВСЁ ВЕРНЕЕ ВЫБОР...

Мы голосеменные

Мы голосеменные,
мы живородящие.
Тела бранные
и тела сущие.
Тысячелетия
в ожидании бессмертия.
Не убий, не укради,
кумира не сотвори,
чужого не возжелай...
Обещанный рай
Эфемерен.
А судьи кто?
Кто тирану верен.
Их не пугает ад
И сегодня, как сто лет назад,
по этапу идут поколения,
не ползающие на коленях.

2024

(Арсению Турбину)

портрет вождя на стене
длинный коридор
звонки по расписанию
топот ног
тетради на столе
сортира вонь
темнота за окном
разговоры по понедельникам
это не дурдом

портрет вождя на стене
длинный коридор
звон ключей
лязг дверей
ячейки света в окне
сортира вонь
курева смрад
яруссы боли тупой
это уже ад?

СВОБОДУ НЕ ОТНЯТЬ, ОНА – В СЕРДЦАХ...

Наталья Е-К

Франция

Весна

Когда-нибудь придёт весна,
и встрепенётся птичья стая.
Проснутся реки ото сна,
и солнце тёплыми лучами
согреет землю.
Тот день настанет после долгой тьмы.
Мир без войны.
И мы
вернёмся будто птицы
на место разоренных гнёзд,
увидим тёмные глазницы
своих домов. И россыпь звёзд
на небе. Там они, кто не дожил,
кто ждал в отчаянии до самого конца.
Им нет числа, молчат
теперь их голоса.
И лишь ряды могил кричат
живущим ныне и в веках:
Свободу не отнять,
она – в сердцах.
Скорей приди весна, скорей,
чтоб всем дожить до теплых, мирных дней.

Ожидание

Иногда я не знаю, о чём
говорить можно без сожаленья.
Что оставили там – не вернём,
то, что здесь, не имеет значенья.

Я всё жду, что ненастье пройдёт,
из-за облака выглянет солнце.
Но согреет оно не моё,
а чужого соседа оконце.

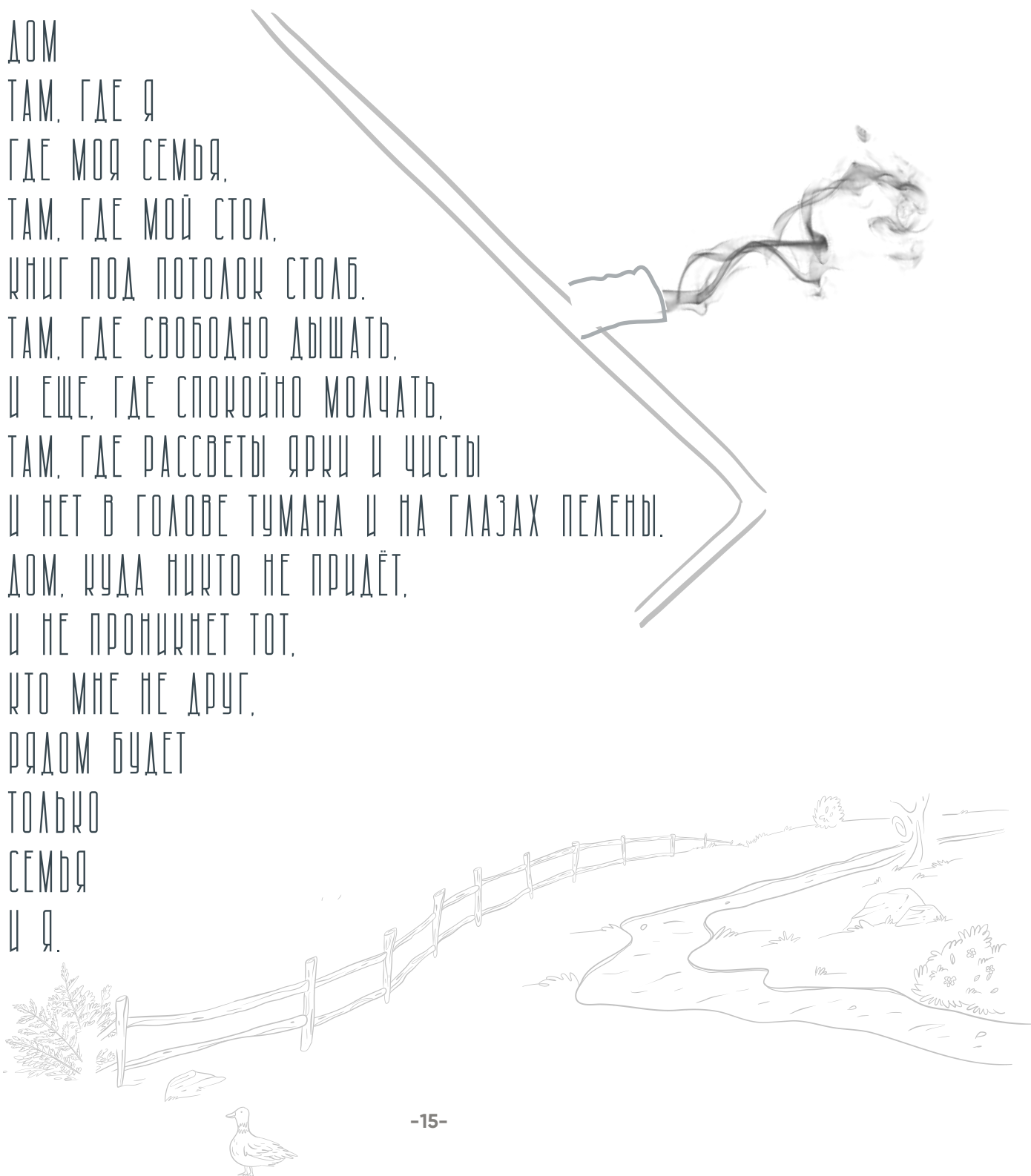
Я с тревогой смотрю на часы
и считаю до срока минуты.
Дни мелькают, хочу тишины,
а еще, просто мира хочу без войны.

Наталья Е-К

Франция

Где мой дом?

ДОМ
ТАМ, ГДЕ Я
ГДЕ МОЯ СЕМЬЯ,
ТАМ, ГДЕ МОЙ СТОЛ,
КНИГ ПОД ПОТОЛОК СТОЛБ.
ТАМ, ГДЕ СВОБОДНО ДЫШАТЬ,
И ЕЩЕ, ГДЕ СПОКОЙНО МОЛЧАТЬ,
ТАМ, ГДЕ РАССВЕТЫ ЯРКИ И ЧИСТЫ
И НЕТ В ГОЛОВЕ ТУМАНА И НА ГЛАЗАХ ПЕЛЕНА.
ДОМ, КУДА НИКТО НЕ ПРИДЕТ,
И НЕ ПРОНИЦНЕТ ТОТ,
КТО МНЕ НЕ ДРУГ,
РЯДОМ БУДЕТ
ТОЛЬКО
СЕМЬЯ
И Я.

***

Технология стиха
Требует талант от Бога,
Вдохновения немного...
Остальное – чепуха.

Вдохновенье для строки
Требует дышать сиренью,
Чтобы взять с благодареньем
Ласку трепетной руки.

Эта вечная рука
Требует руки навстречу,
Чтобы чувство от предплечья
По руке, как по реке.

Чувство требует игры,
Двух сердец изнеможенья,
Двух вулканов изверженья
Из единственной горы.

А чего же ждет гора?
Возвращенья Магомета,
А еще строки поэта
Со шлифовкой до утра.

Теорема неплоха
И довольно лаконична.
Только требует приличной
Технологии стиха.

...ПОДНЯТЬ И ПОНЯТЬ...
...ПОДНЯТЬ И ПОНЯТЬ...
...ПОДНЯТЬ И ПОНЯТЬ...

Виктор Байрак

Украина

Эврика!

Смонтированный выше роста и неглубоко,
Человек не пересекает луча:
Ни у поверхности облаков,
Ни в глубине, где не светит свеча
Из-за отсутствия кислорода,
Что недоступно уму
Любого народа
(Не силюсь понять, почему).
Но.
Если, его, человека, поднять,
Углубить
И поставить на траектории луча,
Он пересечется с лучом
И сможет понять,
Любить,
Не выскакивая из ванной
И не крича: «Эврика, ...лять!»,
А просто
Любить.
И понять.

***

Моя бабушка пахла советской властью.
Он похож на запах забытого где-то носка,
Беспардонен и страшен, как «Здрасьте»
В кабинете ЧК.

А дедушка пах абсолютной свободой –
Толстой вязкой орешника, срезанного поутру,
Свежей стружкой и старой колодой,
Подстать топору.

В доме не было радио, ссор и достатка.
Вся-то роскошь – красивая шляпа с павлиньим пером.
Как они жили вместе – большая загадка,
И странно, что выжили.
В тридцать втором.

Виктор Байрак

Украина

Я еще живой

Был у меня сто лет назад
Сердечный друг, почти что брат.
Он был нам сердцем, я был головой.
Он был талантливей меня,
А я умней, в чем вся фигня.
Но он погиб. А я еще живой.

Другой мой друг, почти что брат,
Умом был крепок, как Сократ.
Он был силен, и он владел собой.
Он говорил мне: «Никогда
Не делай шаг назад. Беда».
И он ушел. А я еще живой.

С тех пор менялись города,
Жилища, женщины, года.
Былые пашни поросли травой.
Для тех друзей, кто бросил жить,
Я смог бы город заложить,
Но не хочу. Ведь я еще живой.

Скажу тебе, как на духу, –
Я не пойму их, наверху,
Считающих часы для нас с тобой.
Я ж видел смерть глаза в глаза.
Но кто ей жал на тормоза?
Ведь точно жал, раз я еще живой.

Вчера еще один ушел...
Хоть бейся головой о пол,
Хоть выйди за околицу и вой,
Хоть средства связи отключай.
Сиди на кухне, пей свой чай
И ощущай, что ты еще живой.

Национальное

*Тут постоянно спрашивают о моей национальности. И что оно вам?
Ну, по Галахе еврей, по Украине – украинец из гоголевских мест...
По этому поводу небольшой стих.*

Время движется быстрее,
Чем хотелось даже мне:
Дети, кстати, не евреи,
Внуки, кстати, не евреи,
Я последний из евреев
В нашей маленькой родне.

Если б гены дали дочку,
Был бы шанс. А так – увы.
Бог на мне поставил точку.
Как в Совке: кредит в рассрочку
Или проданную почку
Вынули из головы.

Пью, пишу свои картины,
Разбиваю пол челом.
Я – последняя скотина,
Я – замедленная мина.
Как-то вычурно и длинно...
Проще так: «Шабат шалом».

Смотрит Бог на это тело,
Говорит: «Ты – идиот!
Вот те мел. И этим мелом
Круг волшебный сделай белым».
Я, конечно, мелом сделал.
Только знаю – Вий придет.

Потому что эти Вии
Видят глубже, чем смогли
И другие, и другие,
и другие, и другие,
и другие, и другие...
Потому что из земли.

И оттуда, из подвала,
Лучше видно, кто есть кто:
Кто прообраз из Шагала,
Кто простой любитель сала,
Кто из пропасти Гамалы
Выбрался и сел в авто.

Время движется быстрее,
Чем история в крови.
Дети, кстати, не евреи,
Внуки, кстати, не евреи,
Я последний из евреев
Нет, не Enter – Ctrl V.

Виктор Байрак

Украина

Моисей

Однажды евреев собрал Моисей,
Сказал Моисей «Айда!»
Айда потихоньку мишпухой всей,
Пока еще есть куда.
Мы выкажем в этой пустыне прыть,
Пока не настигла плеть.
Он, говорят, не умел говорить,
Он просто умел уметь.

Моше их построил в колонны по пять
(Да кто их считал тогда?),
Чтоб двинули сотни еврейских пят,
Пока еще есть куда.
И в первой колонне собрал он детей
И даже чуть-чуть внучат.
С тех пор и любит любой еврей
Своих незабвенных чад.

Вторую колонной шли мудрецы.
Их было немного, но
Он выдал им полный запас мацы
И выдал им все вино.
О, это был очень разумный шаг,
И весь иудейский народ
Знает теперь, что лишь только так
Можно идти вперед.

В третьей собрал он еврейских жен:
Девиц, матерей и вдов.
Чтобы плодиться, ресурс нужен
На случаи «Бей жидов!»
И как ни гнали, в гриву ли, в хвост,
Еврейский не гинет штамм.
Отсюда обычай пить третий тост
Стоя. За милых дам!

Четвертой колонной велел вести
Воинственных мужиков.
Частенько встретишь еще в пути
Мерзавцев и дураков.
А если дорога в один конец
И без пути назад,
Жизнеспособность решает боец,
И лучше – боец МОССАД.

И самое время б идти вперед,
Ведь вот же она, стезя.
Но оставался еще народ,
Который бросать нельзя:
Художник, писатель, джазмен, артист,
Учитель физики, программист,
Поэт, шахматист, режиссер кино,
Искусствовед, настройщик фоно,
Телеведущий и модельер,
Ну, и конечно же тьма ИТР.

И глянул Моше на весь этот сброд,
Глядящий ему исподлобья в рот,
И рявкнул братии одной –
А быть вам Пятой колонной!!!!!!!!!!!!

С тех пор прошли уже тысячи лет,
Многих империй растаял след.
Но фраза, что крикнул тогда Моисей,
Поперек горла планете всей.

НАРОДЫ ВЕЧНО
ОЖИДАЮТ ЧУДА,
КАК ПОДТВЕРЖДЕНЬЯ
ЖИЗНИ БОЖЕСТВА

Виктор Байрак
Украина

О чуде, черте и мечтах

Средь войн, обмана, глупости и блуда,
Не веря ни в дела, и ни в слова,
Народы вечно ожидают чуда,
Как подтвержденья жизни божества.

Чтоб по воде ходил он, а не плавал,
И чтобы непременно воскресал,
Забыв при этом что, однако, дьявол
Умеет тоже делать чудеса.

Ты веришь в Иисуса или в Будду,
А может даже в то, что ты – не ты.
В любом контексте ожиданье чуда
Тихонько превращается в мечты.

Летят мечты по небу, словно птицы.
И к умному летят, и к дураку.
Ах, кто там, кто там в дверь мою стучится?
Ах, это я, мечта твоя. Ку-ку.

И если я чего-то в жизни стою,
И если что-то понял я вообще,
Так это то, что за моей мечтою,
Любой моей несбыточной мечтою,
Стоит хромой, в берете и плаще.

Первый-второй

Вот снова на месте тумана дым
Стелется по реке,
И снова искусство не быть самим
Не удержать в руке,

И спорят опять Магомет с горой
На вечную тему тем.
Ты слишком горда, чтобы быть второй,
Я – чтобы быть никем.

Мы сами себе адвокат и судья,
Присяжный и прокурор.
Мы сами себе наливаем яд
И объявляем террор.

А чувство? Землей ему будет пух...
Или пухом земля.
Ты слишком горда, чтоб считать до двух,
Я – чтобы до ноля.

Вглядись – целый мир увлечен игрой,
Ангелы дуют сбор.
Командует дьявол: «На первый-второй...» –
И это с которых пор.

С тех пор, как он принимает парад
От армий до свор и банд.
Ты слишком горда для шага назад,
Я – для любых команд.

ЧТО ПРОИСХОДИТ НА СВЕТЕ?!

***

Кофе с презрением к смерти,
Чай и чуть-чуть фатализма.
И по воде, как по тверди,
В каждой семье почти - тризна.

Вечер, ложишься с надеждой,
Утром проснуться
Хотя бы.

С паспортом сумка, в одежде,
Чтоб не застали нас ФАБы -

Спящих, раздетых - врасплох...

Кошки всегда где-то рядом,
Нет их любви бескорыстней.
Смотрят таинственным взглядом,
Сколько у них ещё жизней?

В театре дают «Травиату»...
Может, вина и поедем?
Слышатся взрывов раскаты,
Что происходит на свете?!

Ближих храни наших Бог...

Косит чума урожая,
В городе пир был, гуляли.
Я их теперь понимаю...
Так они смерть попирали*.

Утром опять на работе
Я улыбнусь лучезарно.
Делайте вид, что живёте
Жизнью обычной, нормальной.

Це не фінал, а пролог!

* Пасхальный тропарь

Валерия Садковская

Украина

***

Окна заклеены скотчем,
Где-то забиты фанерой.
В доме разрушенном отчем
Пылью присыпало серой
Вещи счастливой семьи...

В комнате детской игрушки,
С рыбкой разбитую колбу,
И с именами три кружки...
В память, как в рваную торбу,
Всё, что увидел, сложи!

Чей-то портрет на серванте,
Траурный креп в уголочке.
Хлеба кусок на стакане,
Мишка разорванный дочкин,
Замерло всё в забытии...

Кот одичалый и тощий
Ищет пропавших хозяев,
Храм без креста в черной роще,
Поле не ждёт урожаяев...
Всё, что они задолжали,
Мерюю их же верни...

*«...какой мерой они меряли,
такой и Я отмерю им...»
Книга пророка Иезекииля.*

***

Ничего не останется, кроме любви.
 Может, запахи, сны или звуки.
 И горят за спиной города, корабли,
 И дрожат от бессилия руки.

Всё, что держит на свете, всегда при тебе.
 Остальное – лишь груз и помеха.
 Впечатления, память в твоём рюкзаке.
 Тишина, радость детского смеха,

Голос мамы, весна и густой снегопад,
 Первый завтрак вдвоём, запах хвои,
 И счастливых мгновений спасительный ряд,
 И из книжек любимых героев.

Разрушается мир, но ты душу не рви!
 Ничего не останется, кроме любви...

***

Вже прокляті на декілька наступних поколінь,
 Гріх Каїна не прощений й зараз.
 Від ваших злочинів та вбивств, від зради чорна тінь
 Наздожене нащадків. Мертвих галас

Завжди лунати буде гучно за плечима,
 Стискати горло, серце зупиняти,
 Вдивляться з небуття небіжчиків очима,
 І буде душу пекло поглинати ...

Ти відчуваєш погляди на вулицях щодня,
 Вони все знають, що забути мрієш!
 – Ти вбивця, гвалтівник, крадій! – їх шепотять вуста.
 З відразу до себе що ти вдієш?

Горілкою тут марно заливати страх та біль.
 Вузли судин розірвуться від тиску,
 Щоб стерти з пам'яті сліди кровавих божевіль.
 В твоєї смерті вже немає зиску...

Змінити щось не вистачить зусиль...

Валерия Садковская

Украина

***

Ожидали женщины детей,
 Жажда жизни в них неодолима.
 В ту одну из всех, что есть ночей,
 Когда дева подарила сына.

Выбрали они родильный дом
 Неслучайно в западном районе.
 Там подвалы мощные есть в нем,
 В безопасной, может быть, он зоне...

Чтобы мужа удержать в дому,
 Одна третьего уже рожала.
 А другая, что прошла войну,
 Схваткам в такт культей стучала...

И студентка, с каменным лицом,
 Мысленно в уме стихи читала.
 Сын её не встретится с отцом...
 В Риме постумом* дитя б назвали...

Зная всю дальнейшую судьбу,
 Никому не верила упрямо.
 На соломе и в простом хлеву
 Сына вымолить пыталась мама...

**Постум (лат.) – родившийся
 после смерти отца.*

НИЧЕГО НЕ ОСТАНЕТСЯ,
 КРОМЕ ЛЮБВИ.

Георгий Гришко

Россия, Австрия

ПП Берегшурань

Начну жалеть, что слухом здрав,
периодически, от «ваты»
всё слыша «кто силён, тот прав»
и «мы ни в чём не виноваты»,

на что я в ход пускаю брань,
ведь помню сам без искаженья
снег на ПП Берегшурань
за три недели до вторженья.

Он был по-девственному бел
и призывал седлать салазки.
Я очень рад, что я успел
его увидеть до покраски.

Бородинский хлеб

На чёрный день отложен чёрный хлеб.
На черенке висит блэк-лист госдепа.
Чертёнок черни впарил чёрный рэп,
хотя плие вульгарнее тустепа.

В конце туннеля – чёрная дыра,
что искривляет время и пространство.
Дорога коротка и нам пора
начать ценить не внешнее убранство,

а, образно, духовный интерьер,
и отменить экскурсию в Освенцим,
намеченный на вторник адюльтер
и встречу с ультраправым выдвигенцем,

закрыть газету – лучше бы не знать,
чем оправдает Сталина Мединский.
Наш вождь не царь, а олигарх не знать.
На чёрный день отложен «Бородинский».

На дуэли

Кастет, клинок, слезоточивый газ...
А пошумим! Давайте! Я не против.
Ва-банк, в атаку, в бой, как на показ,
иду, стихом свой крик облагородив.

Вдаваясь в изучение канвы –
поддатой «ваты» в «адике» и нерпе,
я утверждаю, что таких, как вы,
не станет, как не стало Аненербе.

Дополню исторический вердикт
словами, что вы кашу не доели,
что каждый третий ваш – уже аддикт,
что на гробы рубить бы надо ели,
что я на вас смотрю, как на реликт,
что мне морали ваши надоели,
что как поэт я сам любой конфликт
решал бы по старинке – на дуэли.

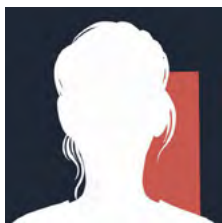
***

Она одна, как зрачок в глазу,
В полумраке комнаты сжата тревогой.
Пара женщин что-то кричит внизу.
Если что-то с ней... я не доползу...
До двери, зовущейся перемогой.

Она одна. За окном гудит.
Новостные строки, как тряпкой по лбу.
Никого нет рядом. Никто не бдит.
Если что-то вдруг... если долетит...
Разбросав, рассыпав, как ветер полбу...

Позвонит навряд ли её сосед...
Я загнусь и вымру на медосмотрах,
В очереди расспросов, речей, бесед...
Раскроит тисками стальной корсет
Бранденбургской девы мне каждый потрох...

Говорить потом я смогу едва...
Всё сожму в слова, а слова – в катрены.
А они похожи на кружева...
И на них ни шва...
Вместо швов – рефрены.
Но пока надежда ещё жива...
Все халифы смертны, а царства бренны...
Мирный Киев жестоко бомбит Москва.
А она одна, где орут сирены.

Юлия Решко

Украина

***

Если клевер выше колена,
а язык ещё не освоен,
нет и быть не может размена
этого огромного неба
на мгновенья – всё очень важно.

Когда ростом ты почти с маму,
а отцу всё ещё по плечи,
самым важным кажется, самым,
прямо как хлеб, или, скорее, как воздух,
быть свободным, абсолютно свободным.

Мама с папой всё ещё за плечами.
Невозможное считаешь возможным,
любишь, веришь и мечтаешь о счастье.
А потом вдруг понимаешь, что люди
не меняются – ни ради, ни просто.

Когда мама уменьшается в росте,
а отец глядит уже с неба,
каждым нервом знаешь, как важно
быть любимым, безусловно любимым,
если клевер выше колена.

Данила Левицкий

Россия, Франция

Славянский брат

Почему ты не хочешь есть мой салат
С майонезом, он такой дивный!
Новый год на дворе, мой славянский брат,
Ах не будешь, накормлю силой!

Почему ты не хочешь принять мой мир,
Ты же видишь, он идеальный
Может быть, ты не хочешь иметь сортир
На улице, деревянный?

Почему говоришь на другом языке,
Ты же знаешь, он мне не понятен
Чувствует сердце, быть беде
Ну ты сам захотел, приятель!

Почему ты не видишь моей руки,
Что протягивал я столько лет?
Тебе на меня клеветают враги –
Ведь это понятно, нет?

Да ладно, пустяк, ты не любишь меня,
Мой салат, мой сортир с гнилой кровлей,
Зато у меня есть огромный танк,
Но не думай, я зла не помню!

Ольга Прасол

Украина

***

Среди осколков оконных стекол
Россыпь кристаллов разбитых сердец.
Дождь слезами течет в водостоках
Тихо: вдох-выдох... Еще не конец...

Город спит – просыпаются КАБы,
Это рулетка: куда попадет?
Утром латаются свежие раны,
Делаем вид, будто Харьков живет...

Салтовка, центр, Госпром и Научка –
Город стабильно стирают с земли.
«Рост», Алексеевка, ниже все тучи...
Пока еще живы. Но что впереди?

***

А снега нет. Который Новый год.
И веры нет в Рождественскую сказку.
А здесь война. По-прежнему идет...
Промозглый ветер хлещет и неласков.

Загадывай желание. Одно.
Молчи. А то не сбудется, считают.
Шампанское, и в комнате темно...
Лишь на гирлянде огоньки мерцают.

Нет сил звонить, смеяться и писать...
Речь президента в записи и складно...
Допью бокал, под одеяло спать...
Год на исходе. Выжили – и ладно.

ПОКА ЕЩЕ ЖИВЫ.
НО ЧТО ВПЕРЕДИ?

***

Горящие свечи.
Промозгло. Дождь.
Шарфик на плечи,
Чтоб меньше дрожь.

Забиться бы в нору.
Разжечь камин.
Уехать в город,
Где нету зим.

То дальше, то ближе
Глухие взрывы.
Дроны над крышей,
Стоим у обрыва.

Опять тревога.
Плеснуть вина?
Все мы под Богом,
А жизнь одна.

Рыжие клены,
Бокал до дна
Под вой сирены.
Ведь жизнь одна.

Александр Марченко

Украина

***

Отправляясь до заката
И в пути минуя встречи,
Поезд шёл, наверно, в вечность,
Потому что – без возврата.

А назад, как на полозьях,
Невзирая на фальстарты,
Плыл... Но что теперь твоё здесь,
Пассажир своей плацкарты?

Напоследок чьи же руки
Долго машут на прощанье?
Но на это лишь разлука,
Лишь вослед и отвечает.

Допивай компот из банки:
Он – последний провожатый...
Сколько эти полустанки
Видели рукопожатий

Наших! Понимали сколько
Обо всём, чём мы – друг другу...
Ах, осколки, ах, осколки
На перронах, бритых вьюгой!

И ещё беспутства святы,
И ещё в окне замечусь...
Поезд шёл, наверно, в вечность.
Потому что – без возврата.

РИТМ

Когда уже во всём
не видишь ничего,
Хоть ты ещё орёл
в шестнадцатом колене,
И силам не конец,
и зоркость – ого-го,
Орлиная; и, всё ж,
возможно дело в зреньё.

Когда, что ни возьми,
не ладится никак,
И со всего того
хренеешь напоследок,
Возможно, тут ничей –
ни твой, ни мой – косяк.
А просто как-то так,
а просто как-то эдак.

Неужто, зря паря
с тепла до января,
Не в срок не в тот поток,
не в ту байду вскочили?
Но так оно давно
и так оно вдали,
Что даже и орлы
едва ли б различили.

А ПРОСТО КАК-ТО ЭДАК
А ПРОСТО КАК-ТО ТАК,
НИ ТВОЙ, НИ МОЙ – КОСЯК

***

Только дата неизвестна
и фантазия слаба:
белена, безверье, бездна
и бесследные слова...
В дымном небе тает птица.
Жаль последнее терять.
Поздно! Нечего скупиться –
всё, что есть, транжирь и трать!
Кто виной? зачем? доколе?
Отвечаю, как могу:
я отечество такое
пожелаю лишь врагу.
Свалки в ледяной коросте,
тьма без края и без дна...
Хоть всю землю заморозьте –
всё равно придёт весна.
И скажу вам на закате
без надежды на ответ:
хоть всё чистое загадьте –
всё равно придёт рассвет.

Багульник

Я ветку с кладбища лесного
оттаяла и в дом взяла.
В ту зиму онемело слово,
была в беспамятстве земля.
Провинность наша неоплатна.
Искали снедь, таскали кладь.
Луна, как пыточная лампа
убитым не давала спать.
Мы обойдёмся без сокровищ,
их блеск обманчив и жесток.
А голый прут губами тронешь –
и распускается листок.
Как будто медленное пламя
со дна облизывает лёд,
и над горбатыми полями
туман дыхания плывёт.
Потом в запорошённых ульях
согласный нарастает гуд,
и ветер, селезень, багульник –
взмывают, плещут и цветут.

ВСЁ РАВНО ПРИДЁТ РАССВЕТ...

Георгий Ефремов

Литва

***

Мы едины в высшей мере:
смерть – и облако взамен,
комья сросшихся артерий
сообщающихся вен.
Не спасись мечтой о тыле
на передней полосе:
кровью Венгрию поили,
а захлёбывались все.
Коротка родная сказка,
а похмелью сколько лет?
С мостовых Новочеркаска
протянулся скользкий след
от нагайки, сапога ли...
Всё под нож – Норильск, Арцах...
Прагу танками пахали,
вот и родина в рубцах.
В струпьях весь наш край великий –
заскорузлое руно,
нам что Грозный, что Маврикий
что Аляска – всё одно:
ров укромный, гроб наёмный,
всюду ворохи ворон,
и над ширью неуёмной
машет крылышками дрон,
жёлтый он наполовину
и, конечно, голубой...
Убивали Украину,
а казнили нас с тобой.

Георгий Ефремов

Литва

«СПАСИТЕЛЬ ЙЕНСЕН»

(из цикла «Заметки к несостоявшимся текстам Бертольта Брехта»)

Вдаль от порога –
 семья, листва, человечество;
 а у пророка
 неистребимо отечество.
 Трижды милее
 всё, что дано и отобрано:
 от Галилеи –
 разве допросишься доброго?

В том Эльсиноре
 только что стихло побоище,
 небо земное
 жадно решает: кого еще?
 Жалок твой замок
 в памяти и мироздании:
 кроме русалок,
 что еще теплится в Дании?

Нет, не голубка
 петли свивает над палубой;
 в трюмах Колумба –
 цепи и бисер напалмовый,
 сумерки храма,
 страсть и гордыня бесстыдная.
 Чем, кроме срама,
 нас породнила Вест-Индия?

Вёрткие гиды,
 ваша понятна испарина:
 что из Колхиды
 может прийти, кроме Сталина?
 Розга и плаха,
 грех нас держать дураками-то:
 кроме Аллаха,
 кто за душой у Мохаммеда?

Что, кроме страха?
 Что, кроме жажды и голода?
 Что, кроме мрака?
 Что, кроме зноя и холода?
 Звездные реки,
 женщина, птица и дерево,
 всё, что навеки
 обретено и потеряно.

Виктор Тумаркин

Россия, Израиль

Стихи, написанные ночью...

Все упыри когда-нибудь помрут.
Кто ночью, кто в обед, кто поутру.
Кто от болезни сдохнет, а кого
Прикончит окружение его.
А может быть, отчаянный храбрец
Осмелится вогнать в него свинец.
А кто-то не дожидется часа «Ч»
И захлебнется в собственной моче.
Кто, как, когда – потомки разберут,
Но главное – что все они помрут.
Все сдохнут. Никому не отложить.
Так хочется до этого дожить!

***

Амстердамский погром накануне Хрустальной ночи.
Все – своим чередом. Не беснуйся, седи и молчи.
За повтором повтор, просто неравномерны витки.
Кто в учении скор, различит продолжение строки.
Жизнь летит, как всегда, напролом, без особых прикрас.
Ничему никогда не научит история нас.
Только собственным лбом, только судьбами тысяч других.
Подсчитают потом, ужаснутся, забудут о них.
Это вечный закон, ты попробуй, его отмени!
Можно лезть на рожон, не бурчать, оставаясь в тени,
Можно жечь корабли, можно все, но кричи – не кричи,
Мы еще не ушли, только кто нас услышит в ночи...

***

Свершенье замыслов злодейских
Мир наблюдает в эти дни.
ХАМАС восточноевропейский
Ближневосточному сродни.
Распространению заразы
Порою трудно помешать,
Но из России сделать Газу...
Нашлись умельцы, вашу мать!

Александр Лебедев

Греция

Инициация

Последних лет лукавый хромакей
и хоррор беззастенчивой эпохи
уже так жадно пожирают крохи
оставшихся недолгих наших дней.

Нам не помог мифический Эней
и мы одни отныне на дороге,
где нет коней и в кровь растёрты ноги
и кроны увядают без корней.

Всё в декабре суровой и темней,
и долгое прощанье на пороге
сулит расстригам катарсис в остроге...
Вот тут и вспоминаем мы о Боге,
вдруг убоявшись собственных теней!

Монолог Иакова

Брат мой, Исав, я уже замочил чечевицу –
будет похлёбка навариста, будет остра.
Что там журавль, когда в тренде простая синица,
сытый желудок, покой и тепло у костра?!

Сколько забот и волнений несёт первородство,
сколько печалей сулит и немислимых бед,
в мире подлунном, лишённом навек благородства,
истинной ценностью стал теперь сытный обед.

Я без сомнений взвалю твою ношу на плечи,
суп свой отдам, обману и судьбу, и отца!
Время не лечит, ничто мою жажду не лечит –
Каин вот также, однажды, пошёл до конца...

Помилуй мя!

Когда я вижу в амальгаме
Твой зазеркальный строгий лик,
прошу Тебя в тот редкий миг:
«Помилуй мя, возьми деньгами!»

Но непреложен Твой закон,
ненарушаемый веками –
в конце мы платим не деньгами,
поставив жизнь свою на кон.

Не всё сказал «прекрасной даме»,
и позади мой Рубикон.
Я знал, что не найду икон
Твоих в бездарном инстаграме,

но пусть звучит мой долгий стон:
«Помилуй мя, возьми стихами!»

Ни с кем ничем не меряться,
не рваться больше в первые –
я так решил. Не верится?
Мой век оплачен нервами.

Разрушенными кармами,
покинутыми стервами,
неточными ударами
и рифмами неверными!

Есть кайф в унылой старости,
есть драйв в осенней мудрости,
в пустой высокопарности
из-за ментальной скудости...

Болезнями и стрессами
я поклонился Господу,
и убегаю лесом я,
замученный вопросами.

Пришла пора взыскания,
но и пора прощения.
Крещение? Обрезание?
Смятение?
Смятение!

Владимир Гурвич

США

***

Россию не понять с утра,
Она не та уж что вчера.
Да и хотелось-то не очень,
Трещит поскольку голова
И лезут невпопад слова
Про всякие там вечера
И упоительные ночи.
Понять Россию можно днём,
И то, конечно, не умом,
А разве что душой и сердцем,
Да и при том с большим трудом,
Лишь патриотам и имперцам;
У них все мысли об одном.
Причем любую изречешь,
А на поверку выйдет ложь.
Уж лучше б помолчать, но это
Невыносимо. Бродит спесь:
Россия, Лорелея, Лета,
Индийский океан, планета,
Галактика и космос весь.

***

Россия, Лорелея, Лета,
Рекою вспять текут года.
На заливных лугах поэтов
Пасутся тучные стада,
Все прочие сидят в испуге
По норкам. Голосуют За.
С амвона рассуждает Дугин,
В узилище Кара-Мурза.
Все ждут: того гляди шархнет,
И завершится славный путь.
Там русский дух, там Русью пахнет,
Да так, что и не продохнет.

Арнольд Коптев

США

***

Вы научитесь говорить спасибо
Родителям, что воспитали вас,
Жене, что с вами вырастила сына,
Друзьям, спасавшим от беды не раз.

Вы говорить спасибо научитесь
Всей вашей жизни. Это нелегко.
И за успех детей всегда молитесь,
Как не были они бы далеко.

Спасибо научитесь говорить вы
Невзгодам, бедам, смерти, маете.
Тогда на поле, выиграв все битвы,
Поймете, если есть среди вас не те.

Всегда и всем, без зависти и лести,
Вы пробуйте спасибо говорить.
Прощайте всех, любя, живя без мести.
Сумейте ложь от правды отлучить.

Вы научитесь говорить спасибо.
Как благодарность украшает мир!
И вам воздастся, знаю точно, либо
Вас жизнь к чертям отправит в ад на пир...

КАК БЛАГОДАРНОСТЬ
УКРАШАЕТ МИР!

«БУДЬ ТЕМ ИЗМЕНЕНИЕМ,
КОТОРОЕ ТЫ ХОЧЕШЬ
ВИДЕТЬ В МИРЕ»

Махатма Ганди

ЭССЕ

*Послушайте! Ведь если звезды зажигают –
Значит – это кому-нибудь нужно?
Значит – кто-то хочет, чтобы они были?
В. Маяковский*

*«Будь тем изменением, которое ты хочешь
видеть в мире».
Махатма Ганди*

Вера Арболь, Яков Наерман

ВОЛОНТЁРЫ ПОДДЕРЖКИ

Вступление

В последнее время мозг чаще закипает от зла и лжи. Когда-то Марк Шагал сказал: «Когда мне становится грустно, я начинаю рисовать счастье». Вот и нам захотелось написать о чем-нибудь добром и бескорыстном – в противовес гадкому и лживому. Долго искать не пришлось – относительно недавно нас пригласили в группу волонтеров, которые переписываются с российскими политзаключенными (ПЗК).

О том, какое значение имеют такие письма, мы впервые услышали из выступлений Яшина, Кара-Мурзы и публикаций Жени Беркович. Потом в нашем писательском чате появилось сообщение о смелом гражданине России: живя благополучно в Чехии уже несколько лет, он в 2023 году без пафоса и истерик прилетел в Москву и вышел на Красную площадь с плакатом “Свободу Навальному! Свободу политзаключенным!”, и, разумеется, скоро за ним пришли. Этот поступок нашего соотечественника всколыхнул душу. Найти волонтерскую группу по переписке с ПЗК российских тюрем и колоний оказалось несложно.

Сначала мы совсем не были уверены, что связь с заграницей не навредит. Но знатоки объяснили – напротив: это придаёт в глазах тюремных властей статус значимости и дополнительной защищённости. Непонятно также было, как, живя в США, мы можем переписываться с каким-то СИЗО в Таганроге. Но оказывается за небольшие деньги можно и это. Тюремам и колониям тоже нужно зарабатывать валюту. И за небольшую мзду (около 65 рублей = \$ 0.75) они передают

письмо адресату. За такую-же сумму отправляют ответ обратно. Но они оперируют только на территории РФ. И вот тут обнаруживается замечательный бизнес – платный портал «Prisonmail», расположенный в Казахстане. «Всего» за 100% навару (1 страница – \$1.50, за ответ – ещё \$1.50) они переправляют ваш электронный текст в зону заключения, и вы получаете об этом сообщение. После прохождения тюремной цензуры распечатка письма передаётся адресату. Ваш адресат пишет ответ, отдаёт его внутренним властям, которые его проверяют, сканируют и отправляют вам через Prisonmail. И спустя какое-то время вы получаете сообщение по электронной почте с приложением отсканированного рукописного ответа...

Написали. К удивлению, ответы пришли довольно быстро. Слова в одном из первых предложений «письма с воли – единственный способ не сойти с ума» несомненно повлияли на окончательное решение: мы подсели на переписку с ПЗК. Людям в заключении интересно всё, особенно из Америки: новости техники, ИИ, нейросети, программирование, трансгуманизм, антропология, этнокультура, информация о японской религии синто, ситуация с амурскими тиграми, гик-культура...

Однако, писать мы будем не о самих заключенных и не о том, через что они проходят (хотя оно возможно будет косвенно проступать сквозь текст). Во-первых, об этом многое уже написано, и будет написано ещё больше. Ну и соображения

безопасности приходится учитывать: поскольку все письма на волю сканируются, по возможной публикации в открытой прессе теоретически можно восстановить авторство. С совершенно непредсказуемыми последствиями.

Мы же хотим рассказать о тех, кто остаётся в тени, – тех, кто абсолютно бескорыстно и без огласки поддерживает этих людей, тратя своё время, душевные силы и деньги. О них слышат очень мало. Может, потому что в их поступках мало привычно героического.

Небольшой дисклеймер: всё по тем-же соображениям безопасности здесь не будет реальных имён или непосредственных цитат из писем, прошедших цензуру.

2. Из постов волонтеров

Волонтеры создали группу общения, где они задают друг другу вопросы, делятся советами. Мы решили (с небольшими изменениями) показать здесь несколько из их постов. Они, на наш взгляд, не нуждаются в комментариях, но говорят об этих удивительных людях (и об их «друзьях по переписке») немало:

Друзья, мой собеседник просит прислать ему пару стихотворений Бродского, но я не знаток его творчества – это не мой поэт. Какие знаковые произведения вы бы порекомендовали?

Привет. Кто-нибудь недавно отправлял книги в СИЗО-4 или сейчас в процессе? Там такая ситуация: у них нет списка разрешённой и запрещённой литературы, поэтому по умолчанию вся литература считается запрещённой. Книги не выдают заключённым, а отправляют в каптёрку.

Психологические трудности в заключении: как справляться? Бесплатный онлайн-семинар. Как человек чувствует себя в тюрьме? На первый взгляд, это банальный вопрос, но на него нет односложного ответа. Сказать просто «плохо» – недостаточно. Заключённые по-разному переживают этот опыт, и он в разной степени влияет на их психологическое состояние. В этот раз мы обсудим:

- с чем приходится сталкиваться в заключении,
- какие психологические реакции это может вызывать,
- что помогает справляться.

Семинар проведёт психолог, сотрудничающий с нашим психологическим центром.

Всем привет! В** прислал письмо и очень просит поддержать заключённых из его колонии. По его словам, там 10 – 11 человек, которым особенно не хватает общения в письмах. Родные помогают с посылками, но переписки всё равно не хватает. Особенно просят писать А**, 18-летнему парню. Мой собеседник пишет, что ему шьют новое обвинение – заставили начальника и сослуживца «вспомнить» то, чего не было. Оказывают давление на его родных, завели дело на отца, который инвалид.

Моя собеседница – украинка. В письмах с украинцами некоторые темы лучше избегать. Я, например, с украинцами вообще не обсуждаю внутреннюю политику. С россиянами можем пошутиться над глупостями, которые предлагают наши политики (а их в последнее время хватало). С украинцами – нельзя. Может навлечь. И ещё. Про возможные обмены тоже лучше не писать, потому что мы, по большому счёту, ничего не знаем, а они начинают ждать – а нет ничего хуже, чем пустые ожидания. Мы с ней обычно обсуждаем бытовые вещи. Она вспоминала, как было раньше, рассказывала про жизнь в СИЗО. Говорили про детей. Уж простите, но немного и про мужиков. Она простая девушка, но очень душевная. Если кто-то может, напишите ей.

Ответ: Понял, спасибо! Про мужиков не буду (сам мужик), но попробую что-то написать.

Вопрос: Здравствуйте. Подскажите, пожалуйста, можно ли делать заказ в магазине для человека, который уже на этапе, но известно, что в транзитном СИЗО пробудет ещё пару недель?

Обратные конверты лучше отправлять уже заполненными, потому что пустые могут спереть. А если на них уже указан адрес, то, скорее всего, оставят в покое.

Если у вас были ситуации, когда ваши ПЗК делились своим отчаянием, и вы искали способ поддержать их, пожалуйста, поделитесь. Если вам удалось найти хорошие, конструктивные слова, буду очень благодарен.

Добрый день. Сегодня у И** юбилей – ей 60 лет. Я уже написал ей, но если кто-то ещё отправит поздравления, ей наверняка будет очень приятно.

Здравствуйте. У нас есть кто-то из города М? Мама В** спрашивает, кому можно передать вещи, которые не особо ждут.

Здравствуйте, да, есть. Напишу вам в личку.

Поделитесь, пожалуйста, кто-нибудь отправлял книги в [название тюрьмы]? Передают ли их? Обязательно ли новые с чеком, или можно любые?

Ответ: Я отправляла. В конце 2024 года – кучу книг, все новые, с чеком и описью вложения. В последнем письме он пишет, что бандероль получил, и теперь просит ещё новые книги.

Так у них же одна бандероль в год?

Ха! Мой хитрый – теперь хочет на чужое имя отправлять.

Хотим сказать спасибо всем, кто участвовал в сборе на адвоката для Р**. Благодаря вам удалось собрать 15 000 рублей, а с оставшейся суммой помог правозащитный проект. В ближайшее время адвокат навестит его, и мы обязательно поделимся новостями.

Моей реп-ра! приснился сон, что её обменяли. И вот она в растерянности, какую причёску сделать, ведь при обмене мешки надевают. А если серьёзно, дай Бог, чтобы сон сбылся.

3. Интервью

Мы обратились к нашим волонтерам с четырьмя вопросами. Ответили всего лишь четверо.

Как убедительно объяснил один из волонтеров: «Извините, что не отвечаю на ваши вопросы. Но времени нет совсем, а за то время, что уйдёт на интервью, я десять писем напишу...». Мы постарались сохранить стиль и лексику наших респондентов, но кое-что пришлось подсократить, и имена приводим не полностью. Итак:

ПОЧЕМУ ВЫ ЭТИМ ЗАНИМАЕТЕСЬ?

Настя

Занимаюсь я этим потому что не могу иначе. Я против войны. И я против репрессий. Никто не должен оставаться один на один с системой.

Нелли

Начала писать ПЗК года 2 назад. Написала пару бумажных писем.

Вполне отдаю себе отчет в том, что те первые пару писем мне подсказали написать спикеры, как, например, Шульман, Муратов, тг-каналы.

Сама бы я, наверное, никогда до этого не додумалась. Но неожиданно пришли ответы, и это меня подбодрило. Не в пустоту и, судя по тону ответов, было не зря.

Ну а потом всё образовалось как-то вдруг. При этом же я – это подчеркну – никогда не замечала за собой склонности к активизму сверх пассивного волонтерства.

Катя

Я недавно написала одному своему пзк-респонденту (кстати, теперь я думаю, что, скорее всего, это письмо не пройдет цензуру): «Такие люди, как ты – наша совесть, наш билет в будущее. Потом, правдивые историки скажут, что далеко не все россияне поддались режиму и поэтому мы, как нация, будем иметь шанс на раскаяние, прощение, и движение вперед. Твое испытание не из легких: получится ли остаться верным себе? Волонтеры очень хорошо это понимают и стараются облегчить участь пзк насколько это возможно». Если продолжить эту мысль, то волонтеры занимаются этим делом, потому что не могут им не заниматься – совесть не позволяет. Волонтерство для политзаключенных – это альтернатива противостояния режиму, вид борьбы и сопротивления драконовскому государству. Если мы не выходим с антипутинскими и антивоенными плакатами на площади России, то хотя бы помогаем тем смелым людям, которые это сделали.

Яков

Когда я столкнулся в письмах с людьми меня осенило: вот оно, доказательство того, что Добро живо! Реакция моих соавторов и даже самых, казалось бы, непримиримых друзей оказалась правильной.

Эти переписки добавили смысловой нагрузки в моё ржавеющее существование.

И ещё. Во всякие чудеса я не очень-то верю, но... бывают исключения. Когда мне предложили поучаствовать в этом начинании, я не сразу принял решение. Думал (как тот индюк). А потом на берегу увидел эту скалу за забором, с тоской и надеждой смотрящий на бесконечно свободный океан. И сразу подумал о тех, кто ТАМ. Увидел в этом знак свыше. Подошёл к забору поближе и сказал этому песочному зэку: «Забор здесь – временный. И скоро его снесут. А пока что будем вам обязательно писать!»

ЧТО ВЫ ОЖИДАЛИ И ЧТО ВАС УДИВИЛО?

Настя

Ожидала в самом начале – ничего. Не ожидала, что они отвечают. Я думала, я напишу всем заключённым, и дело на этом кончится. А ко мне как повалили ответы! Теперь я общаюсь примерно с парой сотен человек постоянно. Смотря как считать, бумажные письма иногда идут месяцами. С марта 2022 года я хотя бы 1 раз написала 463 людям. Не ожидала, что я такая продуктивная. С кем-то переписка не завязалась, кто-то потерялся, с кем-то прекратила общаться я.

Нелли

Про Зазеркалье, которое впустила в свою жизнь. Что показалось неожиданным? Пожалуй, что это – наблюдения из серии «всюду жизнь». И это не только про то, насколько же адаптивен человек вообще. Иногда действительно бланк ответа или бумажное письмо на листке из школьной тетради содержат столько новизны, что хватит на множество вспышек осознания и рефлексии в рутине собственных дней (о рутине будней – собачье счастье – пусть себе длится и длится, меня совсем не утомляет, особенно теперь невольно научилась ее ценить!).

Из примеров – их много. Ну вот, недавно, один мой собеседник похвастался, что они на новый

Вера Арболь, Яков Наерман

год в СИЗО сделали шубу! И мои одноразовые новогодние тарелки, которые ему прислала, пришлось в самый раз для атмосферы. “Шуба – это ещё что... Мы и куда более изысканные блюда собираем. Главное – сырьё”. Человеку, кстати говоря, 20 лет. Сроку дали – 17. В результате его террористических действий ни одна муха не пострадала.

Другой собеседник мне пишет: “Привет! Я наконец в лагере, устроился художником в храм, попал в отличный отряд и очень счастлив”.

Катя

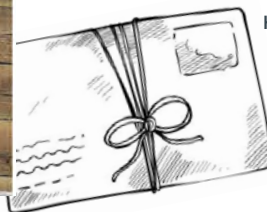
Абсолютно не знала, что ожидать – такого опыта никогда не имела. А удивило то, что все волонтеры общаются как одна большая семья, типа как пчёлы в улье. Все друг друга поддерживают и рассказывают всё, что знают на данную тему. Все априори доверяют друг другу и позволяют некорректные по сегодняшним временам шутки. Это мне напоминает, как дети общаются друг с другом в летнем лагере после отбоя: собираются в группки в тёмной комнате и делятся впечатлениями о прожитом дне или травят страшные истории.

Яков

Разносторонность и многообразие интересов моих адресатов меня впечатлили, но не сильно удивили. Я предполагал, что люди, оказавшиеся за решёткой по политическим мотивам, представляют самые разные слои общества.

Меня поразили их высокий уровень русского языка, но по содержанию ответы были вполне ожидаемыми: интерес, любопытство, благодарность – и, конечно, постоянная оглядка на цензуру. Скажешь лишнее слово – письмо не пропустят.

Но что действительно меня удивило, так это разброс просьб. Чего там только нет: профессиональная помощь психологов, предложения отправить посылки или даже передать их лично, если почта отказывается принимать. Сотни вопросов, советов, оживлённые дискуссии среди людей, живущих в самых разных уголках России и мира.

Вера Арболь, Яков Наерман

КАКИЕ САМЫЕ ЯРКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ ИЛИ ДЕТАЛИ ВАМ ЗАПОМНИЛИСЬ?

Настя

Самые яркие впечатления всегда от ужасов, которые происходят с моими собеседниками. Когда их закрывают в ШИЗО, когда они рассказывают о нарушении закона в их адрес (запрет получать посылки для женщин, например). Когда пишут о пытках или намекают на них (упал 2 раза, пока шел до туалета, разбил лицо). Ещё запоминаются какие-то хорошие истории, шутки, например про ёлку из снега, на которую блюёт соседка по камере – такое украшение, смеётся собеседница.

Нелли

Что я за год активного участия в проекте про себя могу отметить? Ну, наверное, что, пожалуй, прокачала какие-то скилы взрослого человека. Как бы объяснить? Кроме уважения к собственному суверенитету, блюдения границ и пр., под этим я понимаю определённую сложившуюся авторскую позицию (Как субъекта эпистолярного общения. А, надо уточнить, что – да, у меня со всеми новыми знакомцами роман в письмах. Ну, и плюс в посылках-передачах.). Здесь же в чем фишка – с одной стороны, я (бывшая училка) знаю, что любому человеку, а особенно попавшему в рамки жёсткой системы, необходимо, чтобы был кто-то где-то, кто целиком на его стороне. Для этого надо помнить про нежное, детское «я» человека. И давать понять, что для тебя право собеседника на это «я» самоочевидно и ценно. Как правило, он/она не найдёт чуткости и такта, а главное, лояльности в своих казематах. Вот и приходится поставлять извне. (Хотя, конечно, бывают счастливые истории встреч, дружб, хороших компаний и там, за колючей проволокой. Но часто это по правилам игры – не надолго.) Каждый из нас может оказаться в ситуации ущемлённых прав или возможностей – в ситуации депривации. Когда так нужен кто-то, кто возьмёт за руку твоего потерянного внутреннего ребёнка. Поначалу. А вот другая фишка в том, что надо испытывать и выказывать уважение, искренний интерес ко взрослой

личности твоего товарища по переписке. Всё это вызывает чувство ... осмысленности. И какого-то собственного пути, убеждённости в правоте. Для самой себя, не больше. Но это же не мало, да!?

Верно у Окуджавы: «А душа, ведь это точно, ежели обожжена, справедливой, милосерднее и праведней она».

Катя

Я давно живу за границей и поэтому регулярное общение с соотечественниками может быть исключительно виртуальным: в телефонных чатах и соцсетях. Когда я присоединилась к чату волонтеров пзк, меня приятно удивил стиль и атмосфера сообщений: доброжелательная, всё по делу, без спама. К тому же чат живёт очень интенсивной жизнью – за один день, бывает, натекает около ста и больше сообщений. Волонтеры делятся любыми деталями и мелочами, сопряжёнными с жизнью их подопечных: какие марки лучше использовать на конвертах, какого цвета может быть одежда для пзк, как лучше ответить на ту или иную фразу из письма, в каком магазине заказывать еду в сизо, и т.д. Меня-то эти вопросы не касаются непосредственно из-за моего нахождения вне страны, но прокручивать ответы интересно – из них складывается общая картина волонтерской жизни со всеми подробностями. На любой мой вопрос тут же находятся отвечающие, не говоря уже о том, что кураторы и админы чата в высшей степени профессиональны и отзывчивы. О! Для волонтеров чата есть даже самый настоящий психолог, который проводит духоподъёмные встречи по зуму раз или два в месяц.

Яков

Просто невероятное количество добрых людей. Добрых – в самом настоящем смысле этого слова. Для них помощь другим – не просто жест, а жизненно важная потребность.

И если объединить этих людей с теми, кто оказался по ту сторону решётки – теми, кто, не боясь подвергать свою жизнь и свободу риску, вставал на сторону добра и правды, то получится довольно ощутимая прослойка общества.

Именно об этом я и подумал пару дней назад, когда увидел слова Бориса Акунина: «Для всего мира уже три года Россия это – Путин. А я помню, какой она была. И верю, что она снова такой будет».

КАКИЕ У ВАС ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ КОЛЛЕГ ПО ВОЛОНТЕРСТВУ?

Настя

Коллеги по волонтерству бывают разные. Очень грустно, что не все хорошие и приятные, что есть противные, злые, абьюзивные, демотивирующие. Понятно, что их буквально по пальцам одной руки можно пересчитать, но сколько негатива они приносят! А так очень приятно, что есть такие же «ебанутые», как я. С кем можно обсудить переписку, у кого можно спросить совета или просто поделиться.

Нелли

Меня не привлекала идея сближения с посторонними. Как-то так вышло, что в моём ближнем окружении не было недостатка в единомыслии. Но когда я стала радостно всем вокруг, не сомневаясь в их надёжности, рассказывать о своей находке – проекте, на меня смотрели немного искоса. Хотя и не без любопытства. Я даже пару раз попробовала пригласить подходящих, на мой взгляд, кандидатов – исключительно для причинения им блага. Но потом очнулась – ну что за наивняк? Реклама, как агитация за счастье, работает, когда ты хочешь кому-то что-то продать. Ну а когда, выходит, призываешь его что-то отдать, с неясными дивидендами – сразу как-то это даже и для близких мутновато звучит.

Обязательно хочу ещё сказать, что теперь общество людей меня ещё как греет. Их активность, эмпатичность, бесстрашие, щедрость и ещё много хороших слов напрашивается. Всё это абсолютно верно про этих моих новых «коллег». Конечно, они помогают мне тянуться к «лучшей версии себя».

Катя

Я искренне восхищаюсь стопроцентной самоотдачей волонтеров. Часто создаётся впечатление, что волонтерство – это их единственная главная миссия в жизни. На её выполнение уходит прорва времени и сил – по себе знаю. У меня четыре-пять собеседников, и я постоянно выискиваю время для нашей переписки. А у других волонтеров таких “друзей по переписке” в разы больше! И мало того, что они им регулярно пишут, они ещё собирают для них посылки, отправляют

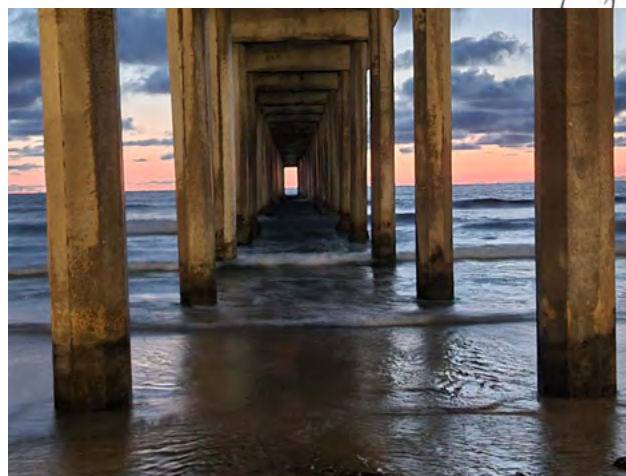
и отвозят их в сизо и колонии, ищут для них адвокатов и врачей, пишут петиции в их пользу. Они даже заботятся о их родственниках! Поздравляют их детей, мам и жён – шлют им подарки и букеты на праздничные даты. Словом, для меня волонтеры без всякого сарказма – ангелы во плоти. Они помогают и поддерживают пострадавших – по-человечески. Для меня честь принадлежать к группе таких замечательных добрых людей. В чёрные времена вместе с ними жить всё-таки немного легче.

Яков

Их сотни. И сотни постов, вопросов и цитат на групповом чате. И НИ ОДНОГО я не увидел гаденького, завистливого или озлобленного. Ни одного слова брани, которыми так полнятся социальные сети... Т.е. сюда идут люди, прошедшие жёсткую самофилтрацию доброты и самопожертвования. Эти несколько сотен человек, которые без какой-либо корысти и тщеславия пишут письма незнакомым им заключённым, – это именно те, о ком говорит старая пословица: «Не стоит село без праведника, а город без святого».

Заключение

В заключении хотим показать один закат, который мы наблюдали недавно в Сан-Диего. Нам кажется, очень символично. А также хотим привести слова из священного писания, которые, на наш взгляд, полностью относятся к волонтерам по переписке: *“Высший уровень благотворительности, когда дающий не знает, кому он даёт, а получающий не знает, от кого он получает”*.

Яков Наерман
США

Обычная Прогулка Необычных Гостей

Звонит родственник из Израиля.

– Слушай, у вас там, в Лос-Анджелесе, сейчас проходит выставка-экспозиция о трагедии 7 октября на музыкальном фестивале Nova. На ней волонтерит один мой хороший сосед, Натан. Он давно мечтал посмотреть Сан-Диего, о котором я ему прожужжал все уши. У него там будет пара свободных дней. Примешь? Покажешь?

– Да, конечно, – ответил я. Тем более что мы через неделю собираемся на эту выставку. Попробую там с ним встретиться.

Действительно, в конце октября, незадолго до закрытия выставки, мы с гостившими у нас друзьями поехали в Лос-Анджелес. Целый день провели на экспозиции Nova, и впечатлений было так много, и они были настолько сильными, что я на чисто забыл о Натане.

Я ожидал увидеть нечто подобное экспозициям в иерусалимском музее Яд Вашем или вашингтонском Музее Холокоста. И да, документальной наглядности зверств и страданий, случившихся в тот трагический день, было предостаточно. Но лозунгом и главным лейтмотивом экспозиции стали слова "We will dance again" («Мы будем танцевать вновь»). Эти слова были везде: на открытках, оставленных посетителями, на камнях, которые, по традиции, вместо цветов кладут на могилы.

Всё, что там показывалось, было пронизано удивительным оптимизмом сквозь кровь и слёзы.

Как сказал мой друг, с которым я был на этой выставке:

– Эта экспозиция даёт лучик надежды.

И мы, и наши друзья, были совершенно раздавлены увиденным. Я отправил жену и друзей отдыхать и вернулся на выставку – встретиться с Натаном.

Это был невысокий, кругленький, очень подвижный одессит лет семидесяти, с лохматыми седыми кудрями, мохнатыми бровями и небольшой бородкой. Он говорил очень быстро, активно размахивал руками и сильно картавил. Обнял меня, как старого и близкого знакомого, и сразу перешёл на «ты». Сказал, что знает и любит мою израильскую родню, и что по моему лицу и манере говорить сразу узнал во мне «ту же кровь».

Мы договорились встретиться после закрытия выставки. Он позвонил через два дня, в понедельник. Сказал, что им надо срочно отправляться в Майами готовить новую экспозицию, что у него будет всего один день – среда, и что он может приехать на поезде утром и уехать вечером. Среда меня вполне устраивала.

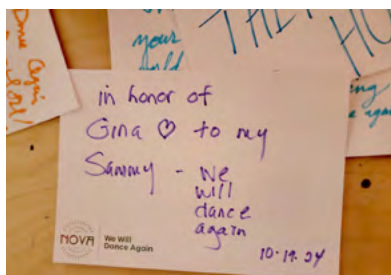
Потом он извиняющимся голосом добавил:

– Можно вместе со мной приедет ещё одна очень хорошая, добрая знакомая, израильянка? Она психолог, приезжала для сбора средств и тоже очень хотела бы посмотреть Сан-Диего.

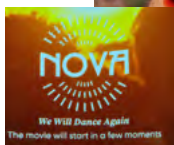
– Ну, конечно, – ответил я. – Поскольку я не собирался возить тебя на мотоцикле, место для второго пассажира у меня найдётся. Она по-русски говорит?

– Лучше нас с тобой! Только, Яша, извини, но не надо её спрашивать о детях. Во время военных действий у нас это не принято. Трое из них сейчас где-то воюют: одна – на Юге, а двое – на Севере, и она не всегда знает, живы они или нет.

И вообще, если бы не необходимость волонтерить по сбору средств, она бы сейчас ни за что не выехала из страны.

«МЫ БУДЕМ
ТАНЦЕВАТЬ ВНОВЬ»

В среду утром в 9:00 я встретил их на станции.

Её звали Марина, рижанка, лет 60, и... очень красивая. Есть такие удивительные люди, которые с возрастом не теряют своей привлекательности, а превращают её в новую, соответствующую новому возрасту красоту. На них всегда хочется смотреть. Морщины, которые появляются на их лицах, кажутся настолько гармоничными, так естественно вписываются в общий облик, будто их специально выделявал талантливый косметолог. Её седина, смешиваясь со светло-коричневыми прядями, выглядела как тщательно подобранные пёрышки. Добрая полуулыбка и низкий грудной голос.

В Израиле она жила с 15 лет, но русский язык у неё был идеальный, без малейшего акцента. Она представилась, протянув руку, и начала с благодарностей за встречу и ещё не начатую прогулку по городу.

Я провёз их по своему излюбленному маршруту для однодневных гостей: пляжи с песчаными обрывами Torrey Pines, лежбища тюленей в La Jolla и испанские бутафории в Balboa Park. Гости мои были в полном восторге и находили Сан-Диего очень похожим на Хайфу. Говорить и рассказывать приходилось в основном мне.

Закончили мы в мексиканском ресторанчике La Agave в Старом городе. До восьмичасового поезда на Лос-Анджелес оставалось ещё три часа, и мы не торопились. Интерьер ресторана с сотнями различных бутылок текилы, как всегда, произвёл впечатление. Марина, на удивление, как и Натан, предпочла всяким коктейлям и маргаритам дегустировать разную текилу. Здесь её подавали для пробы по три или пять стопок.

Я был за рулём, так что ограничился тремя. А гости мои, под прекрасную мексиканскую закуску, вошли во вкус и вскоре охмелели. Натан стал ещё шумнее, а Марина, раскрасневшись, наоборот, говорила тише и медленнее, как бы проверяя каждое слово. Я старался больше молчать — мне было интересно наблюдать за их эмоциональным разговором.

Натан иногда сбивался на иврит, но Марина тогда дотрагивалась до его руки и как бы изви-

няющимся голосом тихонько напоминала: «Дабер русит» — «Говори по-русски».

Очень быстро они перешли к спору, который, похоже, начали ещё давно и который был на уме у большинства израильтян: какую цену можно платить за освобождение заложников.

Натан, всё более распаляясь, говорил, что, как ни прискорбно, выторговывать заложников — неправильно, это приведёт к новым похищениям. Главная цель — уничтожить террористов и Хамас, даже если при этом пострадает несколько заложников. И что политиканы от оппозиции играют на самом святом — на жалости к заложникам, чтобы раскатать лодку и свалить правительство, и цинично используют таких, как Марина.

Марина же терпеливо объясняла, что нет ничего ценнее жизни человека, и если государство проворонило 7 октября, оно обязано перед своими гражданами сделать всё, чтобы освободить оставшихся в живых. А потом уже думать о том, как не допустить повторения.

— Я воспитана в Израиле так с детства, всегда знала — и когда сама в армии была, и когда детей в армию отправляла, — что страна нас не бросит. Мой мир пошатнулся, когда я увидела, что заложников бросают на произвол судьбы.

Они обменивались примерами: он — из того, что видел, и историческими аналогиями, она — из личного общения с родными и друзьями тех, кого держали в тоннелях Газы.

Натан явно проигрывал, и я решил прийти ему на помощь. Как почти сразу выяснилось, сделал я это довольно бестактно...

— С точки зрения американских налогоплательщиков, деньги, которые идут на военную помощь... пожалуй, поддержу Натана. Наблюдать, как из-за нескольких плененных уходят недели и месяцы беспочвенных топтаний в Газе и как из-за этого гибнут солдаты, несколько странно.

Реакция моих гостей была неожиданной: Марина ничего не сказала, а только слегка наклонила голову, а вот Натан на мои слова поддержки стал краснеть, а потом, заикаясь, почти прокричал:

— А пошли они на хер, эти твои налогоплательщики со всеми своими долларами, чтобы нам указывать!

...ВСЕГДА ЗНАЛА — И КОГДА САМА В АРМИИ
БЫЛА. И КОГДА ДЕТЕЙ В АРМИЮ ОТПРАВЛЯЛА.
— ЧТО СТРАНА НАС НЕ БРОСИТ.

Яков Наерман

– Погоди, Натан. Но я ведь ничего не сказал больше того, что ты же говорил Марине. Чего ты вдруг именно на мои слова так распалился?!

– Потому что только израильтяне имеют право решать, что им делать со своими жизнями! Ты знаешь, через что Марина прошла в последние несколько месяцев?

– Не надо, Натан, – попыталась остановить его Марина.

– Нет. Нет. Я хочу, чтобы он хоть немного себе представлял. Как дополнение к нашей лос-анджелесской выставке. И пусть кому-то из этих своих налогоплательщиков расскажет!

Он кивнул в сторону Марины:

– Её дочка – сапёр. Её призвали утром 7 октября и сразу послали разминировать территорию фестиваля и дома в тех кибуцах, что были захвачены террористами. Заминированы были где вход в спальню, где холодильник, а иногда и трупы погибших. Сама Марина каждый день привозила им домашнюю еду, забирала одежду для стирки. И она знала, что её «маленькая девочка» должна была извлекать мины из гитар, спальных мешков и даже трупов собак и детей. А потом её, бывшего офицера, пригласили работать психологом. Потому что у наших солдат и солдаток от всего увиденного начали съезжать крыши. Марина должна была за 20–30 минут разговора определить, кто из них ещё может оставаться, а кого надо срочно менять. При том, что все они категорически уезжать не хотели. А потом она проводила ежедневные многочасовые беседы с родными тех, кого захватили хамасовцы. Никто из нас не может себе представить, сколько горя, тихих рыданий и слёз пришлось ей увидеть и услышать.

– Поэтому ОНА имеет право говорить мне и всем нам за заложников. А ты – нет! Да и я, наверное, не очень.

– Натан скромничает, – тихо сказала Марина. – Он сразу бросил работу и на своём «Фордике» начал вывозить беженцев и их скарб. Там мы с ним и познакомились. Он спал в своём грузовичке и останавливался только тогда, когда тот ломался. Его Форд Кахуль – голубой «Форд» – все знали. У него в телефоне был список предлагаемых комнат в центре страны. Он сам, увидев

очередную семью беженцев, определял, к кому их везти. Обычно на семью уходило две-три поездки. Потом – следующие. А потом он уехал на север, вывозить оттуда.

– Ладно, хватит об этом. Давай ещё по одному набору текилы. Только тёмненьких – они мягче.

Погода была сказочной, и до поезда осталось ещё часа полтора. Марина попросила погулять по набережной.

Солнце исполнило нам один из своих закатных шедевров: розовые и бордовые облака подсвечивали барашки волн. Вдали, тоже розоватые, скользили по воде парусники.

– Кстати, о яхтах, – вдруг заговорила Марина. – У нас есть несколько добровольцев с яхтами. Они берут инвалидов войны и учат их управлять парусами одной ногой или рукой. Но самое удивительное – эти яхты оказались лучшим лекарством для восстановления израненной психики. Пара поездок – и люди начинают возвращаться в состояние нормальности.

Мы ещё немного погуляли молча. Потом я отвёз их на станцию. Обнялись. Я пообещал навещать их в Израиле.

Они уехали. А я стоял ещё несколько минут на перроне, медленно осознавая, что провёл день с настоящими героями... В голове звучала старая пословица: «Не стоит село без праведника».

Жити у Харкові

Елена Сосна
Украина

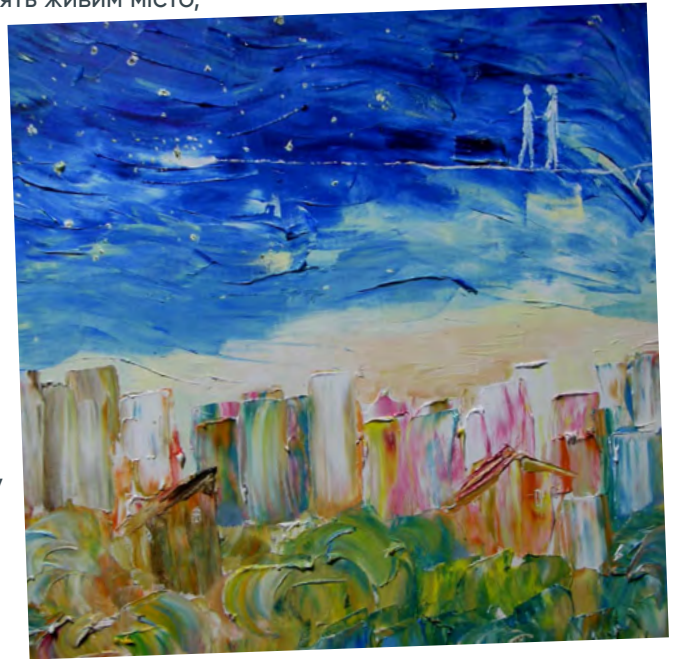
Яке воно життя у Харкові? Як люди витримують ці постійні обстріли, шахеди і КАБи... я думаю у всіх свої методи, я спробую написати про людей, які тримають Харків... про Людей, бо саме люди роблять живим місто, місто яке в 25 км від фронту, і має бути надійним тилом для хлопців.

Харків ковтає в себе ще один обстріл, земля здригається і чути низьке, потужне відлуння... впало за містом, але там також людські домівки... з часом звикаєш до обстрілів, але щось в тобі весь час слухає небо...

Цілий день волонтерський бусик розвозить, коробки з їжею і гігієною, кормами для тварин з Голландії, дякую друзям, що вони не втомлюються то все збирати...

Зустрічі, щирі посмішки, не тому що нам весело... ти просто намагаєшся підтримати людей які поряд, а вони тебе... можливо посмішка, то така захисна реакція...

Обійми, посмішки і справи... тільки так можна жити у Харкові...

Жить в Харькове

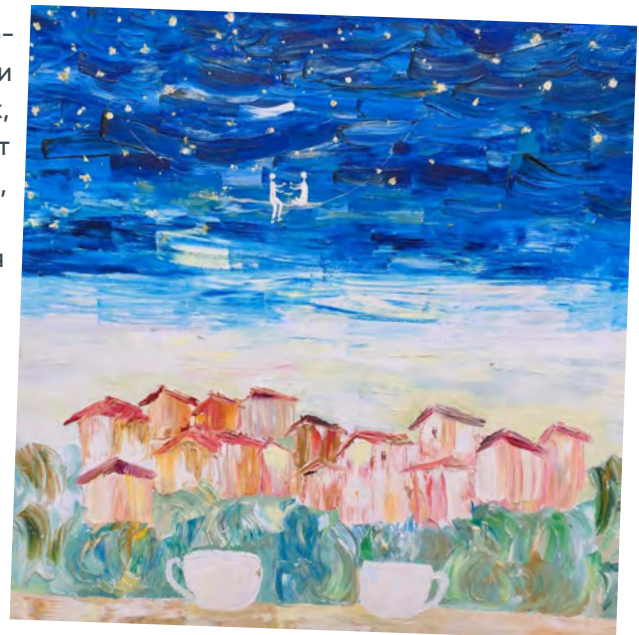
Какова она - жизнь в Харькове? Как люди выдерживают постоянные обстрелы, «Шахеды» и КАБы... Думаю, у каждого свои способы справляться с этим. Я попробую рассказать о людях, которые держат Харьков... О Людях – ведь именно они делают город живым. Город, который всего в 25 километрах от фронта, но должен оставаться надёжным тылом для наших ребят.

Харьков снова поглощает в себя очередной обстрел. Земля сотрясается, в воздухе глухо раскатывается мощное эхо... Ударило за городом, но там тоже дома, там тоже люди... Со временем привыкаешь к обстрелам, но что-то внутри тебя всё время слушает небо.

Весь день волонтерский бусик развозит коробки – с едой, средствами гигиены, кормом для животных из Голландии. Спасибо друзьям, что не устают собирать помощь...

Встречи, искренние улыбки – не потому, что нам весело. Просто стараешься поддержать людей рядом, а они – тебя... Может быть, улыбка – это такая защитная реакция.

Объятия, улыбки и дела... Только так можно жить в Харькове.

Рисунки
Елены Сосны

Карина Исакаева

Украина

Супербавовна

Знаете, кто такие украинские волонтеры?

Это элита Украины, самое благородное сословие, душа, честь, гордость, опора и кислород страны.

Война терзает Украину уже десять лет, десять лет народ Украины защищает своё право на свободу и независимость. И волонтеры на этой войне – армия без оружия, бойцы невидимого фронта.

Они – отряды быстрого реагирования, всегда знают, что именно вот в этот самый момент нужно нашим бойцам на фронте. Они вывозят мирных жителей из прифронтовых территорий под огнём, рискуя жизнью. Они помогают тем, кто остался. Заботятся о домашних животных, потерявших хозяев. Организуют производства, собирают и ремонтируют дроны. Ремонтируют специальную технику. Комплектуют аптечки не из того, что есть, а из того, что реально спасает жизнь. Плетут сети. Шьют ноши. Сушат мясо, овощи, фрукты и изобретают из этих сушек рецепты домашней кухни. Залил кипятком – и вот тебе, боец, мамин борщ, а вот жаркое – от которого на душе тепло, а врагам будет жарко и совсем не так уютно. Пекут хлеб. При свете свечей в холодных домах делают окопные свечи – чтобы было светлее и теплее там, на нуле. Находят обмундирование. Броники – бронезилеты, которые не только защищают, но и позволяют активно воевать, потому как анатомичны и легче на несколько килограмм. Автомобили, которые умеют ездить по дорогам и бездорожью, и ремонт в полевых условиях, потому как всё-таки больше по бездорожью.

Если все волонтерские пути нанести на карту, то она покроется густой сеточкой пунктиров. Вот в этих странах волонтеры находят и покупают автомобили для фронта – те, что нужны, – вот через эти страны другие волонтеры перегоняют их в Украину, попутно загружая по самую крышу нужными вещами. А вот этот пунктир идёт по растерзанной Украине в самое пекло. Туда и черти бояться сунуться, в аду, небось, попрохладней. А волонтеры – ребята закаленные, не боятся ни огня передовой, ни льда чиновничьего равнодушия.

У каждого из них – куча страшных, смешных, грустных, ужасных и прекрасных историй. Слушаешь, и трудно поверить, что все эти события произошли с одним человеком за одну войну – и он пережил это всё, жив и полон идей.

Мои друзья волонтеры заезжают ко мне, в маленькую польскую деревню, по дороге на фронт из Голландии. Там другие волонтеры, на собранные всем миром средства, купили автомобиль для наших бойцов.

Друзья усталые, изможденные, позади тысячи километров по обледелым дорогам. У них всего несколько часов на сон, график очень плотный. И, конечно же, мы засиживаемся почти до утра, смеемся, плачем, вспоминаем. Прошу рассказать про какого-нибудь невероятного волонтера.

ЕСЛИ ВСЕ ВОЛОНТЕРСКИЕ ПУТИ
НАНЕСТИ НА КАРТУ, ТО ОНА ПОКРОЕТСЯ
ГУСТОЙ СЕТОЧКОЙ ПУНКТИРОВ.

Знаю, что задаю трудную задачу. Волонтерство само по себе предполагает невероятность, ожидаю, что они задумаются. Сотни достойнейших, судьбы одна другой удивительнее, сотни историй героических, драматических, трагических – каждая из них, будь она изложена в романе, была бы сочтена выдумкой автора, а в жизни так не бывает, ну не может столько приключений выпасть на одну голову. А они даже не запнулись – закричали в один голос:

– Пан Олександр и его бавовна (по-украински – хлопок).

Рассказ звучит настолько сказочно и невероятно, что я всё время переспрашиваю и уточняю.

Времени мало, они предлагают задавать все вопросу самому пану Олександру.

Мы успеваем рассказать друг-другу много историй, решить пару вопросов, обсудить горячие рабочие дела, детей, жён, мужей, котов – как быстро летит время, когда встречаешься с друзьями!

Обнимаемся, они торопятся, машину нужно доставить в срок туда, где её ждут, где она жизненно необходима для борьбы за свободу.

А я набираю номер пана Олександра, волнуясь, понимаю, что у человека дела времени на разговоры крайне мало.

Волонтерит пан Олександр одиннадцатый год, с самого начала войны. Уже тогда занимался организацией многих процессов. Он – один из тех, кто сделал волонтерское движение системным. Ведь мало знать о потребностях бойцов и жителей оккупированных территорий, нужно молниеносно найти это, собрать, доставить. И у него получилось. А еще у него получилось организовать семейные соревнования и конкурсы – новое слово в волонтерстве! Главное – нестандартный подход! Например, футбольная команда, по его задумке, состояла из детей, родителей и учителей. И сумел же провести эти соревнования в разных городах Украины! А это тренировки и проезд, координация игроков и тренеров, договоры с местными властями и призы для каждого участника. И ему это удавалось! Рассказывает легко, как о само собой разумеющемся.

С началом полномасштабной войны пан Олександр сконцентрировал усилия на ускорении победы Украины. Сыновья его воюют, так что о нуждах наших защитников он знает, как никто другой. А нужны самые разные вещи, очень разные, в том числе и туалетная бумага, куда же без нее. Простая, казалось бы вещь, да? Закупили, добавили в комплект к прочим нужностям и отправили бойцам на фронт. Да, но это слишком просто. Но пан Олександр решил, что даже туалетная бумага, кроме своей основной, сугубо прозаической функции, могла бы выполнять ещё парочку. Скажем, повышать боевой дух и вызывать улыбку. В трудное время каждый выполняет несколько задач одновременно, вот пусть и бумага выполняет. Для начала, решил пан Олександр, неплохо бы было освободить публичные и личные библиотеки граждан от произведений малопопулярных ныне политических деятелей советского минувшего и прочих классиков марксизма-ленинизма.

Сказано – сделано. Пан Олександр сокрушается, что только четыре области приняли участие в этом сборе макулатуры. Целых четыре, пан Олександр, целых четыре – вы невероятны! Организовать такой сбор в воюющей стране – аж в четырех областях! И заставить классиков марк-

Карина Исакаева

Украина

сизма-ленинизма пусть вот в таком виде, но принять участие в борьбе за свободу и независимость – это дорогого стоит. И вот четыре области – Киевская, Львовская, Житомирская и Харьковская – собрали литературу, которая наконец-то вот-вот станет полезной. Пан Олександр организовал доставку сокровищ в древний город Жидачов, помнящий Магдебургское право, славный чудотворной иконой Богоматери Воплощения и картонно-бумажным комбинатом, который, в отличие от многих других, умеет перерабатывать книги. А в другом городе, в Самборе, произвели из этого сырья собственно туалетную бумагу.

Конечно же, для продукта с таким богатым внутренним миром нужна была соответствующая этикетка.

Пан Олександр нашел в Ровно специалистов, которые изготовили клише. А в Калуше нашлась типография, которая отпечатала тираж этикеток.

Итак, пан Олександр объединил четыре области в сборе сырья и четыре города в изготовлении готового продукта. Как вам такая логистика?

Стратегический продукт обрёл лицо и имя. И имя это – Супербавовна.

Тут нужно пояснить значение некоторых слов.

Начав войну в XXI веке в самом центре Европы, агрессивное государство стыдливо назвало ее военной операцией. Специальной. Ну, дальше пошло-поехало словоблудное словотворчество с дьявольскими метафорами и смысловыми подменами. Геноцид стали называть освобождением, убийство – защитой русскоязычного населения, а взрывы – хлопками. Ну, когда говорят, еще, может быть, можно понять этот Эзопов язык, а когда пишут, то вообще не ясно – при чем тут хлопОк. Или хлОпок? Кстати, хлОпок по-украински – бавОвна.

А туалетную бумагу назвали «Супербавовна». И на этикетке – пылающая башня кремля. Говорят, именно эта башня потом и горела. Не иначе – от хлОпка. А может быть – от хлопкА?

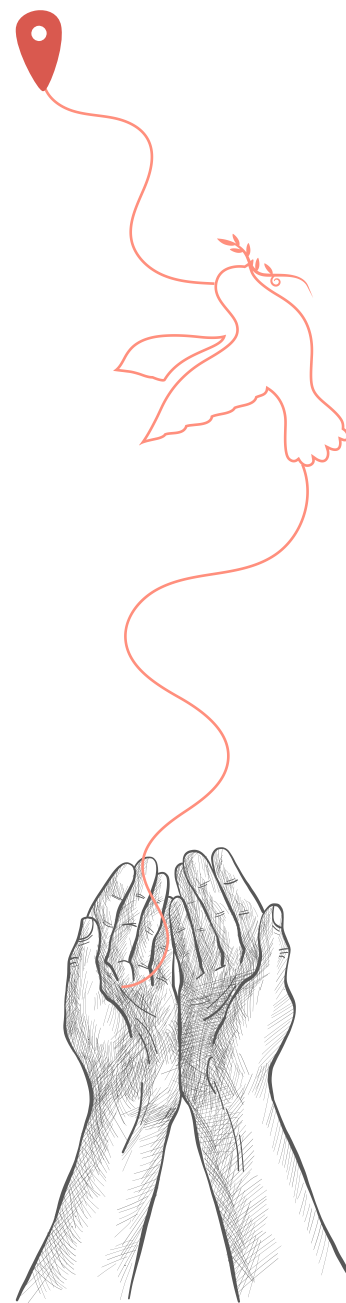
Так что теперь Супербавовна входит в подарочный набор защитников Украины. Классики марксизма-ленинизма наконец-то принимают активное участие в борьбе за свободу и независимость. Или, по крайней мере, укрепляют боевой дух тех, кто с оружием в руках отстаивает нашу свободу и независимость. И уж точно, никогда этим классиком не удавалось вызывать столько взрывов. Взрывов хохота на передовой.

Спрашиваю у пана Олександра: а как сама идея в голову пришла?

– Это же очевидно, – говорит пан Олександр, – с одной стороны старое должно уступить новому, и книги эти нужны теперь только историкам. А место в библиотеках и домах занимают – не жечь же их, жечь книги грешно и бесхозяйственно. А значит что? Должны приносить пользу.

Так что, если у вас в домашней библиотеке пылятся без дела материалы каких-нибудь съездов КПСС, или труды всяческих классиков марксизма-ленинизма, или знакомы с библиотекой, которая изнывает под тяжестью стеллажей с неактуальной литературой, вы теперь знаете способ сделать этот балласт полезным и актуальным.

А у пана Олександра всегда есть еще тысяча и один способ помочь нашим бойцам. Он знает, что нужно прямо сейчас для того, чтобы они выстояли и победили. Присоединяйтесь!

ПЕРЕВЁРНУТЫЙ МИР
НЕ БЕСКОНЕЧЕН

ПРОЗА

Вера Арболь
Россия, США

Моя прошлая жизнь

Здравствуйте, люди. Впрочем, совсем не уверен, что кому-то будет интересно узнать о моей никчёмной жизни – когда я жил среди людей, никто особенно мной не интересовался. Я был самым заурядным парнем – не успевшим жениться, родить ребёнка, построить дом. В школе слыл троечником и неудачником. Некоторые даже считали меня просто тупым, потому что я мало разговаривал, практически ни с кем не общался. Один раз меня жестоко высмеяли за то, что я подобрал в школьном дворе больную кошку и забрал её домой. Только ленивый не дразнил меня, одноклассники кричали мне вслед: «Эй ты, идиот! Твоя плешивая кошка ещё не сдохла?!» Я не оборачивался, и тогда мне в спину летели огрызки яблок, пустые пластиковые бутылки и прочий мусор. Вообще, меня часто травили просто так – потому что я попадался им под руку. Поэтому когда я получил аттестат об окончании средней школы, вздохнул с облегчением.

Дома меня тоже не баловали вниманием, точнее, они меня не замечали. Мать постоянно была занята работой и готовкой, отец пропадал в гараже с корешами – они бухали, смотрели футбол, в перерывах чинили машины. Старший брат всегда был для меня тёмной лошадкой. Я никогда не знал, чем он на самом деле занимается. Он был старше меня на одиннадцать лет, поэтому всегда относился ко мне свысока, как к салаге. Самое отвратительное время наступало, когда к нам, случалось, приходили его дружки, они шпыняли меня, как могли: «Мелкий, сгоняй в магаз – купи пива и сигарет» или «Эй, рыжий, сделай нам пожрать!» Как я ненавидел их в те минуты! Однажды ради забавы они выловили моих золотых рыбок из аквариума и поджарили их на сковородке. Они ржали, как кони, а я давился слезами в ванной. Я был готов избить их до крови, но, конечно, даже не попытался ударить хоть одного – они были старше и сильнее. А я был всегда унижен и подавлен.

После школы я подал документы в ПТУ на крановщика – «а чо, хорошая профессия, рабочая», – одобрил отец. «С куском хлеба всегда будешь», – приговаривала мать. Очевидно, они не ждали от меня ничего большего, более интеллектуального труда, так точно. Родители были довольны уже тем, что не имели со мной каких-либо хлопот, как со старшим сыном – тот явно проворачивал какие-то криминальные делишки. Один раз его поймали за торговлю марихуаной. Отцу пришлось занимать деньги на взятку – ох, как он был зол! Пашка потом две недели бегал от него, боялся на глаза ему попасть, дома не ночевал. Я тоже не хотел попасть под горячую руку, поэтому сидел тихо, запершись в своей комнате.

Через пару лет я окончил училище и пошёл работать в СМУ. Надеялся, когда у меня будут свои деньги, я тут же съеду от родоков, сниму какую-нибудь сносную хатку и даже адреса им не дам. Заведу наконец-то котов и собаку и буду жить, как хочу. Но на поверку всё вышло не так, как я планировал. Моей зарплаты совсем не хватало на съёмную жилплощадь. А мать наоборот воодушевилась и обрадовалась: «Вовка! Это ж хорошо! Теперь у нас три зарплаты будет вместо двух! На продукты больше денег будет». «Дура» – думал я, – «какая же ты дура!» Днями я работал, тянул лямку крановщика, а вечерами уходил из дома и шатался по городу: заходил в кинотеатры, бары и пивные. На работе ко мне относились без особенных придирок, потому что я был безотказным работником, но и не особенно выделяли. Обычный чувак с низкой зарплатой. О девушке тоже не могло быть речи – кому я сдался такой неудачник? Приличные явно на меня не смотрели, а ушлых или страшных я сам не хотел.

Когда началась СВО, первым заикнулся отец: «А чо, Вовка, может, сходишь повоюешь, капусты срубишь? Мужиком, может, наконец, станешь». Потом замолчал. Но через месяц, когда по городу развесили баннеры о контрактах на миллион рублей – большие деньги, эти разговоры в семье возобновились. На срочную службу меня не брали – у меня имелась справка о врождённой глухоте на одно ухо. Жить с одним здоровым я приспособился. На работе даже, кажется, не догадывались о моём физическом недостатке. Мать заганашилась. Пашке они с отцом это даже не предлагали – тот косил от армии всеми правдами и неправдами, к тому же он пропадал где-то неделями. Мной же они привычно помыкали, я всё чаще стал слышать недвусмысленные намёки на участие в спецоперации. Наконец, отец прямо спросил меня: «Ну чо, Вовка, в военкомат уже ходил?» Короче после раздумий я и сам пришёл к выводу, что служба в армии может оказаться хоть каким-то разнообразием в моей жизни и обогатит меня, как в прямом, так и в переносном смысле. Как всегда, действительность оказалась намного жёстче, чем я себе её представлял.

Шёл второй год военных действий в Украине. Срочников явно не хватало, и контрактники шли в самые горячие регионы. В военкомате никто даже не поинтересовался о моих проблемах со здоровьем – солдаты нужны были позарез. Как человека без опыта боевых действий, меня направили на двухнедельное обучение. Оно в основном сводилось к тому, что старший сержант орал на нас как умалишённый, заставляя постоянно ползать по-пластунски и копать окопы. Пару раз нас вывезли на полигон и показали, как стрелять из калаша, и как его разбирать и чистить.

Единственным светлым пятном в моей службе было знакомство с Жендосом. Он возникал перед глазами, словно моё отражение в зеркале: такой же забитый и тихий. Тем не менее, каким-то непостижимым для меня образом мы нашли с ним общий язык. Обычно я избегал подобных себе – не хотел, чтобы меня гнобили ещё больше из-за дружбы с неудачниками. Но Женька или Жендос, как я его впоследствии стал называть, отличался от меня своим простодушным чувством юмора.

Даже в самых унижительных обстоятельствах он умудрялся находить смешное. Он, конечно, ни с кем не мог им делиться – ни с кем, кроме меня. Мы и друзьями-то стали больше по несчастью, чем по счастью, если можно так сказать.

Как-то наш дядел, сержант Ковальков, заставил новобранцев драить пол в казарме и оттирать чёрные следы от подошв зубными щётками. Мы драили этот грёбанный пол вчетвером. В какой-то момент Ковалькову показалось, что мы недостаточно быстро работаем, и он приказал нам сначала отжиматься от пола двадцать раз, а потом стоять на руках в этой же позе двадцать минут. Я оказался рядом с Женькой, и своим здоровым ухом услышал его шёпот: «Редькин, я так хочу пёрнуть, ты даже себе не представляешь». Я с досадой так же тихо ответил: «Ну пёрни». «Думаешь?» – ответил он – «я боюсь». Ещё че-

рез минуту: «Я уже не могу терпеть». Когда он наконец это сделал, бедный Ковальков разорался так, что покраснел от натуги: «Недоноски хреновы! А ну валите отсюда! Чтоб глаза мои вас не видели! Все

валите! Ничо не могут сделать по-человечески! Уроды!» Мы, конечно, шустро свинтили оттуда, и Женька, обращаясь ко мне, заметил: «Ну и кто из нас придурок: я пёрнул, он нас выгнал, а сам-то остался!» Теперь мы оба закатились в смехе и долго ещё всхлипывали от внезапного разряда эмоций.

С тех пор мы стали практически неразлучны с Женькой. В тех мерзких обстоятельствах, в которых мы оказались, только дружба с ним скрашивала моё тамшнее пребывание. Постепенно выяснилось, что у нас были как общие пристрастия, так и проблемы. Мы оба любили животных, оба с детства являлись жертвами буллинга и оба оказались на войне, благодаря своей неустроенности и неуверенности в жизни. Женьке, правда, повезло немного больше, чем мне: его воспитывала мать-одиночка, которая не могла дать ему стабильности и достатка, но она хотя бы не гно-

КАК ВСЕГДА, ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
ОКАЗАЛАСЬ НАМНОГО ЖЁСТЧЕ,
ЧЕМ Я СЕБЕ ЕЁ ПРЕДСТАВЛЯЛ.

била его, как гнобили меня мои предки. У Женьки даже была девушка пару месяцев, пока он покупал ей тряпки и водил её в клубы. Но она его бросила. На мой вопрос «почему?» он пожал плечами и сказал: «Один раз я чего-то там не смог ей купить – дорого было, так она и послала меня куда подальше. Я подумал и решил, что мне тоже это надоело. Она ж меня просто юзала». После этого рассказа я его зауважал. Сам-то я даже не пробовал общаться с девушками – они пугали меня своей сложностью и непредсказуемостью. Для себя я решил отложить этот вопрос на как можно дольше, а в будущем, глядишь, и разберусь что к чему. Или нет. Да и без них жить можно, думал я.

Словом, к тому роковому дню, получилось, что Жендос являлся самым лучшим, что произошло в моей прошлой жизни. Какая ирония, что мы встретились на войне. Жаль, что мы совсем недолго дружили. И случилось это в тот последний день по-идиотски: даже смерть моя была жалкая и ни фиги не героическая – даром, что на войне. Конечно, все знают, что на войне убивают, но ты почему-то думаешь, что с тобой этого не случится. С кем-то другим – да, скорее всего, но не с тобой. Охренительное заблуждение. Хотя, когда нас привезли на передовую, я на полном серьёзе ощутил, как там стрёмно. Грохотало всё время очень рядом. В первые же минуты я на расстоянии видел, как солдаты пачками падают навзничь, словно кто-то сверху гигантской рукой потравил мошкар, и она теми же тучами, что летала минуту назад, падает замертво. Поля мёртвых тел – то ли реальность, то ли ты внутри кровавой виртуальной игры.

Полуживые от страха и холода, мы, новобранцы, кое-как переночевали в промозглых окопах. От упадка сил впадали в забытие, стуча зубами. В перерывах скабрёзно переговаривались, травлили сальные анекдоты. Мы с Жендосом сидели рядом, тоже напускали глупую бравату – наверно, так мы поддерживали друг друга. Спасибо тебе, друг, что ты был рядом в мои последние часы.

Только забрезжил рассвет, как поступил приказ передислоцироваться небольшими группами по разным направлениям. В нашу группу определили пять человек (включая Жендоса) и дали

направление на северо-запад – в тыл противника. Мы передвигались в основном перебежками вдоль изрытой воронками просёлочной дороги. Вдруг впереди увидели брошенный уазик с распахнутой дверцей. Наш старший с позывным Демон кивнул на него мне с обрывистым «Проверь». Я оглянулся на Жендоса – тот смотрел на меня во все глаза, может, предчувствовал что-то? Ну а мне по молодости невдомёк – побежал к машине, даже рад был, что меня как-то выделили. Только взялся за дверцу, как прогремел взрыв – огненный шар сожрал моё тело в считанные мгновения. Хорошо, что быстро всё произошло, не мучился. Я умер и потом ощущал только мрак и глухой гул вокруг меня плотной стеной. И нельзя было его избежать или вырваться из него – он был повсюду.

КОНЕЧНО, ВСЕ ЗНАЮТ, ЧТО НА ВОЙНЕ
УБИВАЮТ, НО ТЫ ПОЧЕМУ-ТО ДУМАЕШЬ,
ЧТО С ТОБОЙ ЭТОГО НЕ СЛУЧИТСЯ.

Сейчас я в своём городе и смотрю сверху на кладбище. Небо плотно затянуто тусклым тёмным полотном. Тропинки между нестройными земляными прямоугольниками расквашены сезонными дождями. Иногда они скрываются под лужами внушительных размеров. Грязь смачно чавкает под ногами пришедших, налипает жирным слоем на обувь. Зябко, сыро, неуютно – не ожидал же я, что мои похороны могут быть другими. Мать, отец и брат стоят около моей могилы. Рядом колготятся ещё несколько каких-то человек, есть даже парочка военных в парадной форме – все они пытаются притулиться на сухом клочке земли, но это не просто, и некоторые тихо чертыхаются. Прислушиваюсь: всё-таки называют меня героем СВО – чудно. Ещё есть один парень в форме и в инвалидной коляске – это Жендос, хоть сам на себя не похож: лицо потухшее, серое. Ему оторвало ноги – видно с первого взгляда.

Мать с невыразительным лицом бестолково бормочет: «Вова любил гороховый суп...» Отец опускает глаза, играет желваками. Брат откашливается и как будто объясняет кому-то очевидное: «Он был младше меня».

Я смотрю на них – лучше б они молчали. Но вот через бессмысленную возню прорывается хриплый голос Жендоса:

Вера Арболь

– Я недолго знал Вовку Редькина. Мы оказались в одной части, перед передовой нас обоих послали на двухнедельное обучение – там мы и закорешились... Мы с Вованом зверюшек очень любили, то есть я и сейчас люблю, конечно – собак, кошек, да всех. И мечтали иногда, что когда вернёмся домой, откроем приют для животных. Обсуждали, как мы там всё устроим. Вован добрый был очень. А все думали, что он тряпка. Он и повоевать не успел толком – его убило в первый же день на передке, да и я тоже не успел – через несколько часов после его смерти подорвался. Мы никого не убили. Но он там был, и я там был тоже. Там реально жесьть.

Он замолкает и упирается взглядом в землю, по его лицу текут крупные капли пота. На минуту воцаряется тишина. Мать не выдерживает испытание ею и талдычит, как заведённая: «Он любил гороховый суп...» Словно сговорившись с ней, вступает брат: «Он был младше меня».

В это время Жендос мучительно о чём-то думает – это читается во всём его облике. Наконец он решает, что должен сказать это что-то вслух, и говорит: «Я теперь должен жить за нас двоих». И уже тише добавляет: «Я тебя не подведу, Вован».

Если бы я был из плоти и крови, я, наверно бы, разревелся: никто никогда не говорил мне таких тёплых слов. Но я могу только думать: «Держись, Жендос – у тебя ещё будет шанс стать человеком, стать хоть кем-то живым. Я тебе помогу, по-дружески». Я направляю близ летящего голубя к Жендосу – тот легко повинуется и сбрасывает свой помёт вниз. Белёдые плевочки стекают по щеке Женьки, оставляя длинные следы. Жендос тут же вскидывает голову к небу и весело отмечает: «О! Вот и знак! Значит всё будет окейно! Слышишь, Вован: всё у нас получится!» Я слышу. Его многие слышат – грохочет весенний гром, и небо с готовностью извергает ливень на людей внизу. Те натягивают капюшоны, раскрывают зонты и спешат прочь от моей могилы. Вскоре около неё остаётся только инвалидная коляска. Жендос не торопится. Он зажмуривается, подставляет лицо льющим струям – оно расправляется, розовеет. Жендос улыбается. И я улыбаюсь вместе с ним. Мы с ним никого не убили. Наверно, в моей прошлой жизни всё-таки был смысл.

...МЫ С НИМ НИКОГО НЕ УБИЛИ. И
НАВЕРНО, В МОЕЙ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ
ВСЁ-ТАКИ БЫЛ СМЫСЛ.

Вера Арболь

Смерть героя

Кап.... Кап... Кап... Кап... Кап... «Заткнись, сука. Воды бы. А лучше водки».

– Ден, прикрой меня!

– Ложись!

Ба-бах!

Денисов вскакивает на кровати, его мутные глаза широко распахнуты. Дыхание сбившееся – жадно глотает спёртый воздух. Во рту навязчивый металлический вкус. Он спускает ноги и сидит минуту. Ему вдруг кажется, так же, как казалось когда-то в детстве, что сейчас в любой момент кто-то может схватить его за ногу. Он тут же встаёт и ковыляет в кухню. Идёт к раковине. Вода из крана ритмично капает. Денисов отворачивает вентиль, набирает в кружку холодной воды и залпом выпивает. Рядом с коркой чёрного хлеба на столе лежит лимон и валяется грязный кривой нож – наконец-то наточил. Денисов берёт нож в руку, большим пальцем слегка трогает лезвие – довольно хмыкает. Звонит мобильник – пришло сообщение. От кого это в такую рань? Денисов проверяет: незнакомый номер, прислали только одно слово «завтра». Что это значит? Бред какой-то. Нетвёрдой походкой он возвращается в комнату и валится на кровать.

Кап... Кап... Кап...

Собачий холод – сырой, вездесущий. Лицо покрылось тонкой сковывающей коркой, как речка под первым льдом. Мгла. Так, наверное, выглядит космос. Но в космосе невозможно дышать – значит, нет. К тому же, очень тесно. Нельзя пошевелить ни рукой, ни ногой. А, может, их и нет уже? Как понять-то? Проходит сколько-то времени – пять минут или год. Холод побуждает полузамёрзшее тело к движению. То ли руками, то ли всем телом Денисов расшатывает плотную массу, окружающую его. Силы быстро уходят, холод – нет. Отвратительный запах забивает нос – его так много, что приходится дышать лишь им, он неотвратимо заполняет все внутренности. Денисов, наконец, вылезает из-под груды затвердевших трупов, выглядящими чёрными в серых сумерках. С третьей попытки ему удаётся встать и, запинаясь о тела других, он плетётся вдоль траншеи. Трупы везде, они лежат в неестественных позах, заставляя думать, что всё это не по-настоящему, сюрр.

Кап... Кап... Кап..

«Сука, сколько можно». Голова чугунная. И опять это железо во рту. Впечатление такое, что день заканчивается, едва успев начаться. Ночь проходит в полузабытье. Денисова пробуждает резкий звук бьющегося стекла. «Что за чёрт?!»

Шатаясь, он шлёпает в кухню. Смотрит по сторонам. Картофельные очистки разбросаны около мусорного ведра, видны старые бурые пятна на белой плитке. «Палец, что ли, порезал?» Денисов смотрит на руки – вроде целы. На полу недалеко от стеной полки замечает фотографию в рамке и разлетевшиеся вокруг осколки стекла – мать когда-то притащила свой портрет и оставила его тут: «Чтобы не забывал, сын, звонил иногда». Денисов пожимает плечами и лезет по привычке в холодильник. Там только два лимона и старая открытая банка с рассолом, в котором одиноко плавает сморщенный огурец. Он вылавливает огурец неуклюжими заскорузлыми пальцами, кусает его, но тут же выплёвывает – кислый.

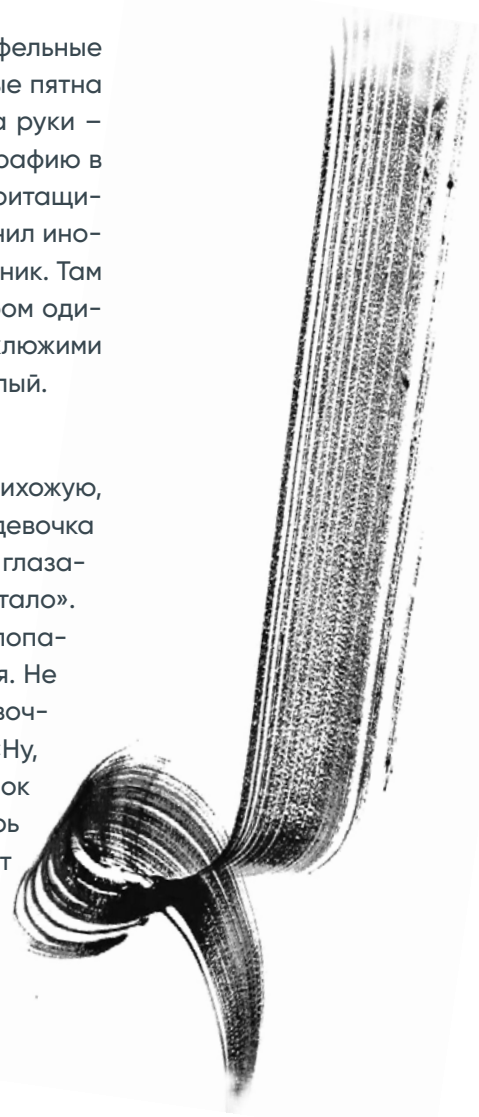
Кап... Кап... Кап...

В дверь звонят. Денисов вздрагивает и нехотя ковыляет в прихожую, смотрит в глазок. На лестничной клетке перед его дверью стоит девочка лет восьми – серьёзная, с двумя косичками и большими голубыми глазами. В руках у неё не то яблоко, не то лимон. «Ещё этого мне не хватало». Денисов тихо стоит у двери. Звонок снова звонит – настырная попала. Слышен голос старой ведьмы-соседки: «Иди отсюда, милая. Не нужно в эту квартиру заходить». «Почему же? – спрашивает девочка, – мне как раз в эту квартиру нужно». Соседка настаивает: «Ну, так завтра придёшь. А лучше вообще забыть сюда дорогу». Ребёнок упрямо отвечает: «Сегодня». Она звонит и звонит. Видя, что дверь не открывают, она вырывает из тетрадки листок и что-то пишет на нём, складывает лист вчетверо и вставляет в дверь. Денисова сковывает беспричинный страх. Он сжимает голову руками, словно хочет заглушить слова, бьющиеся о стенки внутри черепа и бесконечно повторяющиеся эхом: «Дяденька! Не надо!» У этой за дверью такие же пшеничные волосы и огромные не детские глаза, как и у той. «Да уйди уже ты, сучка малолетняя!» – раздражается Денисов.

Кап... Кап... Кап...

Та, наконец, уходит. Денисова бьёт озноб. Хочется опохмелиться и поест по-человечески. Когда же он ел в последний раз? Начинает шарить по карманам – искать деньги. Находит с облегчением пару смятых бумажек, горсть мелочи, напяливает куртку. На выходе из двери выпадает бумажка с одним, написанным детской рукой, словом – «сегодня». Денисова тошнит, он спешит на воздух. В ближайший магазин можно идти дворами – это хорошо, меньше людей встретиться. Люди его в последнее время не то, чтобы утомляют, – бесят по-настоящему. Была б его воля, он бы всех их сук! Кто тут герой, в конце концов. Всё время кажется, что за ним кто-то идёт, кто-то неотступно буровит ему спину. Мерзкое ощущение. Вдруг ухо выхватывает пронзительный тонкий голосок: «Мама! Мама!» Другой, женский незамедлительно отвечает: «Я здесь! Иду-иду!»

Продавщица-сытая рожа даже не смотрит. Делает противный вежливый вид, что разговаривает, а сама отвечает через губу, морду воротит. Кривится при виде бутылки. Денисов долго считает мелочь.

Вера Арболь

Продавщица напряжённо ждёт. Обслуживает на отвяжись, ну и хрен с ней, её счастье, что башка гудит, а то б как треснул.

Он чувствует лёгкое постукивание по спине и слышит детский голос:

– Дяденька, извините, пожалуйста! Наша школа проводит акцию для людей, живущих по соседству.

Денисов нетерпеливо оборачивается и торопееет, видя ту же самую девочку, что полчаса назад звонила в его квартиру. Её глаза впиваются в него, она протягивает ему лимон.

– Это мячик для снятия стресса. Когда вы чувствуете, что нервничаете, начинайте его с силой сжимать – видите, он легко сжимается – вам легче должно стать.

– А, ну... давай, – говорит Денисов и в замешательстве берёт лимон-мячик из её рук. Он запикивает его в карман штанов и порывисто выходит из магазина. На улице он сплёвывает, пытаясь избавиться от железного привкуса слюны, и торопливо направляется к своему дому. Подальше отсюда. На детской площадке те же мать и маленькая девочка играют в прятки, громко кричат по очереди: «Ку-ку! Я здесь!», «Я тебя нашла!»

Придя домой, он опрокидывает почти полбутылки водки в себя, снова сжимает голову руками и долго сидит на стуле в кухне. «Суки, смерти моей хотят. Ненавидят меня. Все!». Он ухмыляется пьяной усмешкой, с наслаждением выпускает отрыжку. Смотрит вперёд невидящим взглядом. Неожиданно порыв ветра открывает балконную дверь, подхватывает фотографию матери и приносит её к ногам Денисова. Тот долго смотрит на неё. Почему-то ему чудится лицо украинки, убитой им в Буче. И её дочка с большими голубыми глазами.

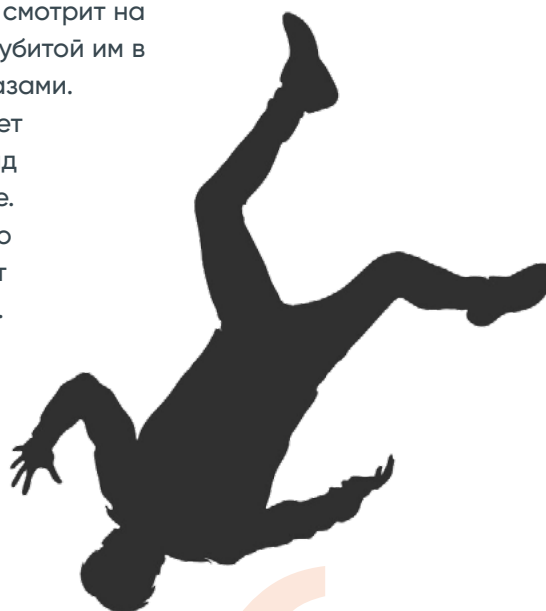
«А умирать легко, я же сам видел», – думает он, – «раз – и нет». Его блуждающий взгляд натывается на лимон, лежащий на столе. Он хватается нож и со всей силы тычет его в лимон несколько раз. Лимон брызжет ядрёным соком, и он попадает Денисову в глаз.

Тот ревет медведем и устремляется к крану с водой. Потом, чертыхаясь, переходит в комнату и заваливается на диван, но лежать мешает какая-то шишка в кармане штанов. Денисов вытаскивает лимон-мячик и с ужасом смотрит на него. «Ах ты, сука, нашла меня! Взорвать меня хочешь!», – мгновенно решает он и вскакивает с дивана. «Хрен тебе! Я тебе покажу!» – орёт во всю глотку Денисов. Бежит в кухню, находит нож и с бешеным криком: «Иди сюда, сука!» резко хватается себя по горлу. Сонная артерия перерезана – кровь хлещет обильным потоком.

Кап... Кап... Кап...

Когда по характерному запаху соседи обнаруживают Денисова, весь подъезд вздыхает с облегчением: ещё один герой СВО покинул их безвозвратно.

Вера Арболь

«А УМИРАТЬ ЛЕГКО,
Я ЖЕ САМ ВИДЕЛ»

Наталья Е_К
Франция

СПОКОЙНО. ДЫШИМ.
СИМКА НАДЕЖНО СПРЯТАНА.
ТЕЛЕФОНА НЕТ. ВЫПУСТИЛИ.

Там и сям

Мы зависли в каком-то безвременье. Черная дыра. Именно таким провалом мне всегда представлялись периоды войн в истории. Была жизнь «до» и началась «после». А между ними ничто, тьма, ужас и смерть.

Теперь мы сами оказались в такой пучине. Притаились, задержали дыхание, зажмурились. А вдруг? Мы приоткрываем глаза и оглядываемся – вдруг мир уже стал прежним? Но нет. Представляешь, уже две недели... два месяца... два года... почти три года. Мы всё отчаянно ждём.

Мы не просто ждём, мы меняемся. Мы здесь, а они там. Нас настойчиво пытаются поделить на уехавших и оставшихся, на оставшихся и вернувшихся, на протестующих и соглашающихся, на говорящих и молчащих, на отщепенцев и патриотов. Нам навешивают ярлыки и прозвища. Нас стягивают в зловещую воронку вражды всех со всеми. Но мы не масло и вода, чтобы делиться на фракции и не смешиваться. Иногда обстоятельства вынуждают.

«Буду без связи восемнадцать часов» – последнее сообщение. Вынимаю из телефона симку. Прячу. Компьютер почищен. Жесткий диск не беру. Сам телефон тоже не беру. Теперь я готова относительно безопасно пересечь границу страны моего паспорта. И я готова увидеть снова тех, кто там.

***

– О! Вернулась! Давненько не было. Поди была нас. Надолго? А чего так мало? А, ты ведь знаешь, наверное, у меня нет больше дома, – в прямоугольнике окна-форточки я вижу блеснувшие влагой глаза консьержа, – разбомбили. Подчистую. Ничего нет, даже сарая, – он говорил на одном дыхании,

– А в моем огороде пятьдесят трупиков лежит. Их с августа не забирают. Ужас. Понимаешь. Да, мне видео присылали. А пёс их знает почему. Не до них видать сейчас. Вот и нет у меня ничего больше. Буду тут век доживать, – консьерж отвернулся и высморкался.

***

– Вас записывать на следующий приём? А... за границей живёте, понятно. А мы вот тут приспосабливаемся. В общем нормально, но я за сына переживаю. Он уже в третий класс ходит. И там у них в школе такое... Дома я ему объясняю, что вот бывают разные мнения. Вроде бы понимает. Хотя, вот с этого года, стало сложнее. Посещения требуют, оценки ввели по этим «разговорам». Да и глупостей хватает. Вот, например, они по понедельникам должны приходить в школу в белой рубашке, потому что там гимн, флаг поднимают и всё такое. А осенью они этот флаг на улице поднимали, так потом проверяли если ли белая рубашка под курткой, представляете? Маразм. Какая им разница! И вот раньше там ничего такого особенно не было на этих уроках, у нас учительница нормальная вроде, ну про березки они говорили, про поэтов. А в этом году уже темы про войну пошли. И куда нам деваться? Уехать денег нет и некуда. Будем терпеть. – говорит администратор в стоматологической клинике.

***

– Здравствуйте! Как вы? Да, у нас все хорошо. Старшей моей уже восемнадцать. Вот время бежит. У неё уже и молодой человек есть, встречаются. Я ей говорю – вам надо скорее пожениться, да ребеночка сделать, чего тянете, раз такое дело. Время сейчас беспокойное. Ему как раз весной в армию идти. Заберут на эту войну, убьют там. Так хоть ребеночек останется. А учеба чего? Потом доучится, успеет еще. – сосед, отец четверых детей, как всегда, озабочен бытовыми проблемами.

Мы не смешиваемся. У каждого своя жизнь. Я еще раз убеждаюсь в правильности своего выбора. Последнее испытание – паспортный контроль на вылете. – «Куда летите? С какой целью?» Я знаю правильные ответы. Спокойно. Дышим. Симка надежно спрятана. Телефона нет. Выпустили.

Ольга Прасол

Украина

НАДЕЕМСЯ. БУДЕТ...

В Харькове

...Я мету двор. У сосен «иглопад». Бесит. Сирена воет, как бешеная. Третий день не утихают глухие, но не слишком далекие взрывы. Почти ритмичны. Кажется, этот ритм уже отбивается в лёгких и барабанных перепонках. Хочется залезть под одеяло и заткнуть уши. Но двор должен быть чистым. Как и Харьков.

... Наш лесочек понемногу погибает. То там, то сям сосны желтеют и сохнут.

Три года назад в нашу область с Черниговской прилетел короед. Наверное, там уже все сожрал. В «Лесозащите» говорят, такая напасть лет на 11-12, потом они мигрируют в другие края. Чтобы хоть что-нибудь сохранить, кооперируемся с соседями и заказываем обработку деревьев. Нам уже выращивают специального мурахожука, который ест короедов. Весной его запустят в наш лес.

Надеемся, весна будет...

...На выходных едем в «Эпицентр». Последний раз были в салтовском, 25 мая, за пару часов до взрывов.

Чувства какие-то странные и противоречивые. Но нужно. Пленка, краска, лампочки и все такое. Пока муж выбирает то, что запланировали, я, как зомби, блуждаю среди только что выставленных стеллажей с елочными украшениями.

На кассе выкладываю на ленту пару рождественских цветочков в блестках и имитации снега. «Мне это нужно. Очень!» — смотрю на мужа глазами кота из «Шрека». Он улыбается, словно я немного притрушенная. Еще октябрь...

Надеюсь, Рождество будет...

Ольга Прасол

...В салоне, куда пришла на стрижку, показываю фото симпатичной модели. «Давайте так. Хочется чего-нибудь новенького»

«Если хочется, то надо, – уверенно говорит парикмахерша, – Когда, как не сейчас? Сейчас иначе просто нельзя... Не понравится – через несколько месяцев отрастет». Понравилось.

Надеемся, «через несколько месяцев» будет...

... Тетя мужа с сестрой из общежития на Рогани ездит в Конный рынок за помидорами. 86 и 75 лет. Выбираясь из горящего Волчанска в июне этого года они вынесли с собой банку меда, остановившийся будильник, немного лекарств и ключ-закрутку для банок. Теперь консервируют на зиму. Надеются, зима будет...

«Да они каждый день куда-то собираются и едут, каждый день, как на работу, – немного осуждающе говорит комендантша общежития. – Не сидится им»

«Так, наверное, это и хорошо» – замечаю ей я.

...Пациентка в кабинете смотрит в одну точку и тихо плачет. Чуть за 60, на пенсии. Из ближайшего пригорода. Дети в безопасности, выехали за границу, остались вдвоем с мужем. Нечего делать. Депрессия...

Разъясняю лечение. Говорю, что с таблетками состояние улучшится, и этим нужно пользоваться, понемногу гулять, ездить в город, в парки-зоопарки... Женщина смотрит на меня возмущенно и резко говорит: «Какие парки, вы что? Я и раньше в Харьков ездила только к врачу. К чему оно! Дома посижу. В молодости не ездила, и теперь не надо»

...Муж коллеги с начала войны спит в тамбуре. Даже не в коридоре. В тамбуре. Благо, что соседей пока нет, уехали.

...Ежемесячно на прием забегает девушка. 23. Педагог. Не за лекарствами, просто поговорить. Каждый раз ее бросает в панику, когда где-то услышит информацию о мобилизации женщин. Я успокаиваю. Говорю: «Сначала нас призовут, медиков, но пока все только по желанию».

И каждый раз этого хватает. На время...

... «Подруга совсем с ума сошла, – рассказывает пациентка. – Из дома не выходит, в коридоре все время, дрожит, никуда ее вытащить не могу, боится, что прилетит...»

«Пусть придет» – говорю я.

«Да я уже сколько ей о вас рассказывала, о том, что мне лучше стало... Уговариваю, ни в какую не хочет...»

Схожих историй о подружках-коллегих-соседках слышу очень много. Из таких обращаются единицы.

Иногда кажется, что все мы разделились на тех, кто еще как-то пытается плыть, кое-где из последних сил, кое-где по течению, и тех, кто принял для себя решение не барахтаться, а медленно идти ко дну...

Такое у нас «ментальное здоровье».

В Харькове...

Мушимакамская спираль

Марина Карандина

Польша

За два дня до отправления в Мушимакам, Натан сидел на берегу Brenta с учителем – профессором богословия Лауро Филипо.

– Натан, ты мой лучший ученик. Скоро ты увидишь Мушимакам – город богатый и таинственный. Мой отец рассказывал, что слышал от венецианских купцов – если и есть на земле счастливое устройство мира, то оно в Мушимакаме. Давно это было, многие вещи забылись, многое додумалось, ведь уж лет семьдесят, а может, и больше, город закрыт для большинства людей. Я и сам пять раз просил пропуск в Мушимакам, да и пять раз получал отказ. Но ты лучший ученик, о ком как не о тебе хлопотать у послов.

Натан смотрел на воды Brenta, щурился, прячась в тени чахлого бульденежа от неумолимого падуанского солнца. А Лауро Филипо, не обращая внимания на движения своего ученика, продолжал:

– Буду ждать твоего возвращения, Натан. Мучительные споры у нас велись на кафедре – существует ли вольность и счастье в закрытом городе или же их там нет? Сколько мы ругались, сколько ссорились, доказывали каждый своё, а так ни к чему и не пришли.

– Я помню, профессор, вы часто повторяли, что закрытый город под стать тупику, всё новое, ударяясь о него, только иссушается. Исчезает. А я, профессор, думаю так – если оттуда никто возвращаться не пожелал, значит там нет тупика.

Лауро Филипо завидовал Натану. Когда Лауро было лет пять, он слышал рассказы уважаемых сенексов о мушимакамской библиотеке. Была она величественной – три этажа древних трудов об устройстве мира, звезд, универсиума. Лестницы и стены обиты буйволиной кожей – мушимакамцы оберегали труды от огня. Сам Галилео изучал там труды Фалеса и Платона. В библиотеку съезжались учёные со всего известного мира, творили дискуссии. Состязались в диалектике. А потом мушимакамцам надоели вечные

споры и даже драки учёных мужей, и они решили жить по своим книгам. Отгородились неприступной стеной и дискутировали между собой. Даже самое пронырливое сословие выпроводили за крепостные стены – купцам запретили въезд в Мушимакам. Превратился город в призрак и в то же время в город мечты. Ох как хотелось подняться по ступеням библиотеки профессору Лауро Филипо, вдохнуть выстраданную пыль древних времён, окинуть взглядом тома, которых касались Коперник и Галилей, Бруно и Петрарка.

Через два дня Лауро Филипо провожал Натана. Они простились у западных ворот Святого Климента:

– Пусть удача не убирает руки с твоего плеча, мой дорогой Натан! Я жду тебя, жду твоих историй!

Натан шёл утоптанной дорогой, впереди поднималось солнце, ещё совсем маленькой алой точкой оно напоминало о себе, не имея пока силы ослеплять.

К вечеру следующего дня, пройдя фронтьерные* посты, Натан оказался перед воротами Мушимакама. Показав разрешительное письмо, Натан ступил на мощеную улицу цитадели.

****

Натан шёл по улицам, втягивающим его в «раковину» – никогда он не видел города с дорогами без перекрёстков – одна длинная лента, ведущая по спирали в точку, окружённую лесом и частоколом. А в лесу дом Жонда – правителя Мушимакама.

Обойдя частокол по кругу, Натан упёрся в помост со скрепой, на ней значилось – завтра здесь выступит первый/второй Жонд. Натан перечитал скрепу, оглянулся, увидел мальчика.

– Эй, когда приходит слушать первого-второго Жонда, здесь ничего не говорится, – окликнул его Натан, указывая на скрепу.

– Завтра, синхур, надо быть завтра. Никто не знает, когда Жонд будет свободен.

*Фронтьерный – пропускной пункт

– А что значит первый-второй, сколько всего Жондов?

– Жонд один, синхур, но никто не знает, какой образ он выберет на этот раз. Надо здесь быть завтра, синхур.

Натан продолжил путь по линии дороги, считая витки. На первом возвышалось здание, выделявшееся среди маленьких домов горожан. Здание было крепким, высоким, напоминающим донжон. Натана поразили окна – они были размером с кулак. У входа висела скрепа – приют нежелательных. Натан понял, что перед ним тюрьма и решил, что это разумно – тюрьму назвать приютом, в этом есть благозвучие и незлобливость.

На другом повороте перед ним возникло здание, от которого исходил душок плесени, мышей и неуютной старости. На доме были выбиты слова – Дом Коперника и Бруно. Название пытались замазать свинцовыми белилами, но имена учёных проступали сквозь них. Натан толкнул дверь, она хотя и с трудом, пища высокими ладами клавикорда, но поддавалась. За дверью оказался зал. Совершенно пустой. Он давил объемом. Пол прогнул, и сквозь его дощечки росли цветы «монашеской головы». На некоторых половицах попадались кусочки то ли кожи, то ли какой-то плотной материи. Такие же кусочки он увидел и на сходах лестницы, которая стояла посреди зала. Подняться по ней Натану не удалось – несколько шагов ступеней были выломлены французской или алебардой... интересно, зачем? «Что же такое случилось с Домом Коперника и Бруно? – подумал Натан. – Какое несчастье его постигло?»

Натан надавил на дверной затвор и покинул неприветливое место.

С каждым поворотом дорога разрасталась в диаметре, идти становилось тяжелее и скучней. Одинаковые дома горожан утомили Натана, теперь лишь здания, отсчитывающие новый поворот, привлекали его внимание. Шестой виток – Дом целительства и врачевания. На седьмом повороте в дорогу вросла огромных размеров харчевня, за дверью которой было тихо, но слышался стук посуды, а значит, чувствовалась жизнь. Натан вошёл, за трапезой сидело много людей, но все они ели и пили, не разговаривая друг с другом. Хозяин харчевни протянул Натану восковые трубочки для ушей.

– Возьмите, синхур, в городе порядок – ничто не отвлекает от еды. Минимум разговоров – максимум пользы. Наша важная скрепа.

Съев седло ягнёнка, выпив кружку приличного эля, Натан спросил у хозяина, на каком круге искать в городе храм.

– У нас нет храма. Зачем он, если Бога нет. Был давно, в Доме Коперника и Бруно. Но Дом закрыт, а всё, что внутри отдано огню.

Вздыхнув, Натан закутался в свой плащ и отправился к постоялому двору, который обозначился на девятом круге от центра города.

****

– Вам повезло, синхур, у нас есть покои с альковым. Первая дверь по лестнице, – хозяин двора указал наверх.

Натан чувствовал, что выпил лишнюю кружку эля, путь по ступеням ему давался с трудом.

– Пять, шесть.

– Тринадцать, – подсказал снизу хозяин. – Тринадцать сходов. Было двенадцать. Но оказалось, что двенадцать библейское число. Сходы заменили, теперь их тринадцать.

Переступив порог покоев и увидев альков, Натан ощутил желание выйти вон, дух горя и боли, казалось, тяжёлым сгустком повис над комнатой. Натан никогда не видел пыточную, но первое, что пришло в голову – вид покоев вполне подходил под неё. Кровать из чёрного металла была прикована к полу толстыми огромными гвоздями, была узка и вдавлена в серую нишу стены. Если бы не тюфяк, наполненный свежей соломой и пахнущий добрым миром, Натан побоялся бы и присесть на это ложе.

Решётки на окне стягивали пространство, а от прибитых на стенах таблиц со скрепами начала кружиться голова. Все скрепы – цитаты из речей Жонда. Таблиц с цитатами было развешено шесть, и каждая врезалась призывом в голову, давила на сознание, сковывала ноги и руки. Хвала, хвала, хвала великому Жонду! На секунду, а может, даже на доли секунды Натану показалось, что глаза, занесённые холодом и жестокостью глядят на него со скреп.

Марина Карандина

— Неужели это глаза Жонда? Да нет не может быть, ведь я никогда не видел его лица, и не знаю его взгляда, — сказал сам себе Натан, а потом накрыл скрепы кусочками шкур и ветошью, которые лежали на кровати.

На стене у двери висел лист стекла с амальгамой. В родной Падуде на весь город было всего пять листов стекол, а тут в маленьких уютных покоех висит пусть и небольшое, но настоящее стекло отражений. Натан посмотрел в него, оно почти не искажало. Но прямо рядом с его ухом появилась скрепа. Она была на латыни и совсем не о правителе, на ней было одно лишь слово «Silentium». Натан оглянулся, на стене за спиной не было скрепы, сзади находилось зарешеченное окно.

Натан ещё раз взгляделся в стекло — надпись не исчезала. Натан испугался, закрыл лист руками. Потом почувствовал жар в ладонях и убрал их от стекла. Страх исчезал, и Натан стоял, читал новые надписи на латыни. Он не успевал сложить в голове вопрос, а на стекле уже имелся ответ.

— Натан, ты будешь арестован и приговорён к смерти.

— За что?

— Найдётся и за что. Хотя бы за осквернение скреп.

Натан сорвал всю ветошь и шкурки с таблиц.

— Тебе столько раз отказывали в пропуске, Натан, — продолжало нечто из стекла. — Но ты с упрямством осла добивался его. Машумакам — город не для шелеста свободы.

Испугавшись, Натан хотел покинуть комнату, но не успел придумать способ бегства, а на стекле уже возникла надпись:

— Невозможно! За тобой следят. Спустись к хозяину, попроси масло сома, скажи, что болит голова. Смешай масло с порошком под скрепой у кровати. Натан, это облегчит боль. Ты не почувствуешь её.

— Я умру?

— Нет, но ты не попадёшь в Падую.

Надпись исчезла, на стекле оставалось лишь отражение Натана. Обезумевшие, совершенно чужие глаза смотрели из стекла.

За решёткой окна угасал розовый с всполохами закат. Серое с чёрным затмило его и накрыло пологом тьмы.

Натан не видел, как в город пришёл рассвет, не слышал шаги по сходам. Он вздрогнул, когда в дверь постучали. Встал, поправил пояс плаща, сжал покрепче флакон с маслом сома, который попросил у хозяина после страшного ночного разговора у стекла, и отодвинул засов.

****

Через день Натан был казнён. Расправа произошла в самом центре узкого круга на помосте, превращённом в эшафот. Двое горожан написали картулярии, в которых обвиняли Натана в неверии в Жонда, в нежелании ожидать Его на главной площади и в осквернении скреп на стенах постоянного двора.

Вечером после казни страж прочёл на стене темницы, где ещё недавно сидел Натан: «Перевернутый мир не бесконечен». А у железной кровати обнаружил осколки раздавленного пузырька с лужицей вязкой воды.

Слова закрасили белилами, но когда свет тонкой нитью проходил сквозь оконце — они вновь появлялись на стене сквозь кровавую белизну.

«ПЕРЕВЕРНУТЫЙ МИР
НЕ БЕСКОНЕЧЕН»

Тиффани Эйк
Франция

Возвращение

Я возвращаюсь туда раз разом, так часто, будто я там и живу. Будто я там живу до сих пор. Я помню все запахи и звуки, я помню с каким звуком открывается входная дверь, как скрипят половицы, как гудят пружины старого дивана, как хлопают дверцы книжного шкафа, как тренькают струны давно расстроенного пианино, на котором я умею играть только «Два веселых гуся» и «Собачий вальс». Я помню свет от запыленной хрустальной люстры, которую сколько раз мыли, столько раз и недосчитывались хрустальных элементов, я помню утренний свет окон, выходящих на запад и яркий вечерний свет, заливавший оранжевым две комнаты и кухню, и даже санузелу немного доставалось сквозь окно под потолком, которое потом покрасили пыльно-голубой краской. Я помню ночной свет от фар проезжавших под окнами машин. Почему по двору ночью постоянно ездят машины? Откуда их столько и почему они ездят ночью?

Я помню гулкий подъезд, пахнувший кошачьими экскрементами и немного теплой земляной сыростью подвала. Лестничные пролеты – все разные! На пять этажей не найдешь двух одинаковых, они даже положены под разным углом, так что на какой-то этаж бежишь бодро, а на какой-то еле влезает по крутому склону.

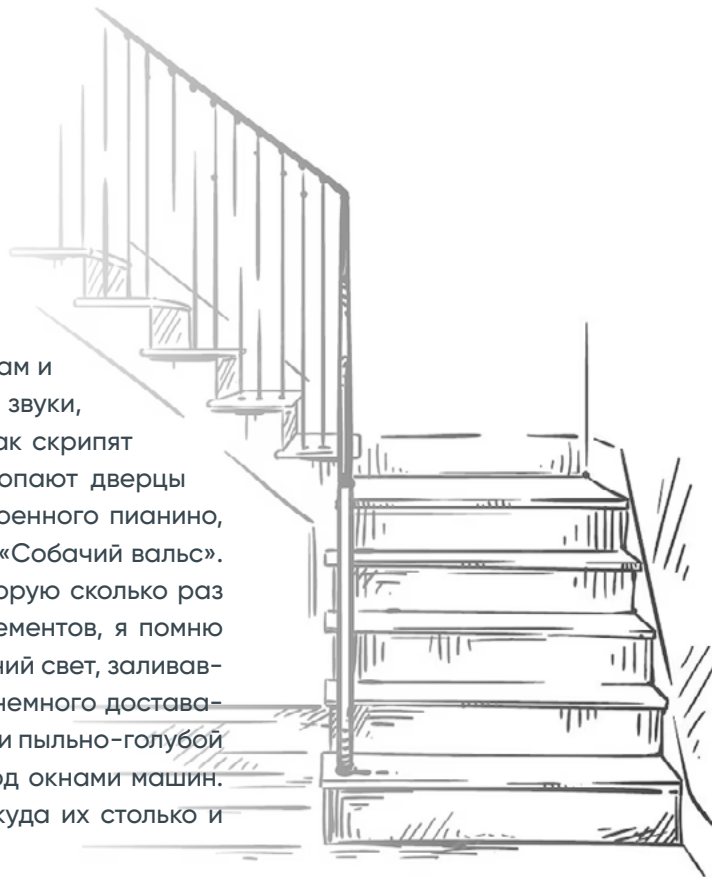
К нашей квартире ведет особенная лестница, она по форме и цвету ступеней отличается от всех остальных. И приводит прямо к нашей двери, обитой потрескавшимся дерматином, с номером 12.

Замок заедает, так что дверь, чтобы открыть, приходится слегка встряхивать в определенный момент поворота ключа. Я не очень понимаю разницу между «слегка» и просто встряхнуть. Я очень сильная и умею открывать эту дверь вовсе без ключа.

Иногда на дверном звонке висит на ниточке бумажная табличка с надписью «Дежурная квартира», это значит, что надо подмести и вымыть два лестничных пролета, ведущих на второй этаж, и две лестничные клетки. Я этого не люблю, но если этого не сделаю я, тогда придется бабуле. И мне будет жутко стыдно. Меня никто ни разу не заставит, не попросит и не попрекнет. Я сама.

Мокрая лестница пахнет кошками и цементом. Все еще пахнет цементом, хотя дом построен больше двадцати лет назад. Говорят, угол подъезда, где квартира моего дяди, на пятом этаже, во время строительства чуть не отвалился и его подпирали железными палками. Поэтому я побаиваюсь там бывать.

Сам дядя нечасто к нам заходит. Мы слышим, как он поднимается мимо нашей двери к себе на пятый. Тогда бабуля готова через секунду после звонка открыть сыну, но он обычно проходит мимо.

У нас большая семья. Когда все съезжаются, то спят на полу, потому что кроватей не хватает. А когда не все, то мы достаем из кладовки раскладушки.

В кладовке пахнет нафталином, пылью и старым тряпьем. Однажды, когда все собрались, то из старого шкафа соорудили там полки от стены до стены для матрасов и одеял. И там стало можно играть в поезд. Игра обычно заканчивается падением всего и всех с полок и изгнанием из кладовки навсегда, то есть до завтра, а если что-нибудь сломали, то и на всю неделю. Тогда дверь запирают на тугий шпингалет, который можно открыть только при помощи плоскогубцев.

Плоскогубцы, а так же молотки, ручная дрель, отвертки, стамески, долота, рашпили, ножовки и лобзики, шурупы, гайки, мотки проволоки, точильные бруски, гвозди и «гвоздочки» для ремонта обуви, а еще «лапа» лежат в диване. Лазить в диван и копаться в инструментах нельзя, но не запрещено. Но не потому что нельзя трогать инструменты – это-то как раз можно! А потому что кто-то должен держать половину дивана, а иначе она свалится тебе на голову. И пришибет.

Из дивана пахнет железом и немного машинным маслом. Мы перебираем эти богатства, что-то прикручиваем, откручиваем, шлифуем наждачной бумагой и заколачиваем гвозди. Дедуля показывает, как прибить каблук. Человек, говорит он, в жизни должен уметь все – и борщ варить и сапоги тачать. Еще у нас есть рубанок, из-под которого золотыми кудрями вылетают стружки. Жаль, что мы редко им пользуемся.

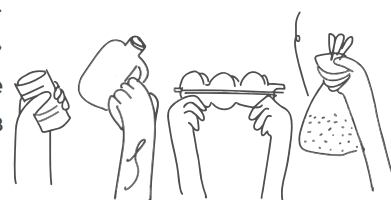
На кухонном косяке дедуля отмечает мой рост и делает зарубки. Я быстро расту.

В кухне пахнет оладушками и жареной мойвой. Не всегда, но очень часто. Пахнет кипяченым молоком, свежей булкой и черносмородиновым вареньем. Я не люблю черную смородину. Я вообще не люблю варенье. Я его не ем. Но «ты не ешь – другие едят!»

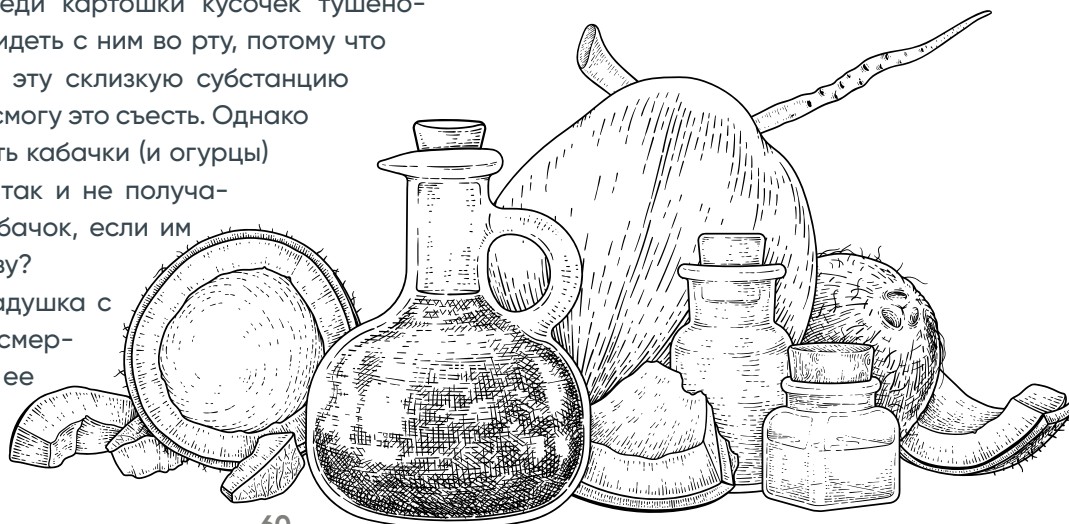
Это значит, что чернику, притащенную из леса в огромных корзинах, есть просто так нельзя, клубника тоже посчитана, пронумерована и пойдет на варенье. Которе я не ем. Наверное это несправедливо, но так устроена жизнь.

Из кухни пахнет котлетами. Или тушеными кабачками. Потрясающее блюдо – если попадется среди картошки кусочек тушеного кабачка, то так и будешь сидеть с ним во рту, потому что плюнуть нельзя, а проглотить эту склизкую субстанцию нет никаких сил! Я никогда не смогу это съесть. Однако убедить бабулю не выращивать кабачки (и огурцы) до стратегических размеров так и не получается. Какой смысл растить кабачок, если им нельзя накормить всю эту ораву?

Зимой на балконе стоит кадушка с квашеной капустой, капуста смерзается в единый конгломерат, ее приходится вырубать оттуда каким-то топориком.

ЧЕЛОВЕК, ГОВОРИТ ОН,
В ЖИЗНИ ДОЛЖЕН УМЕТЬ ВСЕ –
И БОРЩ ВАРИТЬ И САПОГИ ТАЧАТЬ.

Тиффани Эйк

Франция

Она хрустит ледком, пока не оттаяет. В другой кадлушке тоже капуста, заквашенная особым способом, она называется «дунганская». В ней много перца и специй, она необыкновенна на вкус. Секрет изготовления знает только дедуля, но ни с кем не делится. Говорит, унесет рецепт в могилу. Мне больше не случалось пробовать ничего подобного. Еще на балконе стоит бочонок с моченой брусникой. Который прямо доказывает существование кармы: ничем иным, кроме идеального поведения в прошлой жизни, нельзя объяснить этот божественный нектар. К сожалению, он обычно быстро заканчивается. Наверное все-таки вели себя недостаточно хорошо.

У нас принято накрывать стол к завтраку, обеду и ужину. По выходным на завтрак всегда вареные всмятку яйца и манная каша, вкусней которой наверное не приходилось пробовать. Каша идеальной густоты и гладкости, чуть солоноватая, в меру сладкая – прекрасный сбалансированный вкус. И ни единого комочка. Из центра растекается к краям растаявшее сливочное масло. Ячменный напиток «Колос», имитирующий кофе с молоком. Индийский растворимый кофе из жестяной банки только для той, кто без кофе не мыслит жизни – для бабули. Мы с дедом не возражаем, поскольку не разбираемся. Нам и ячменный кофе хорош.

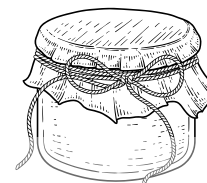
Завтрак всегда накрывается в девять. К завтраку надо явиться умытой и одетой, никаких пижам и нечищенных зубов. Неважно, в котором часу вчера закрыла книгу – ровно в девять завтрак на столе. Я очень балованная, однако ровно в девять занимаю за столом свое место. Все рассаживаются.

Если приехали все, дедуля надевает галстук. Вообще-то он носит галстук каждый день. И пиджак. И брюки со стрелками. Он как-никак директор завода. И инженер. И отец большого семейства. Он посадил сад, построил дом и вырастил четверых детей. Прошёл всю войну без единой царапины. Я иногда спрашиваю его, принёс ли он что-нибудь трофейное. Он никогда не рассказывает о войне. Кроме того, что однажды ему прострелили рюкзак. Я никогда в жизни не брал чужого, говорит он мне.

Я не очень его понимаю. Мы часто смотрим по телевизору фильмы о войне, там все время говорят о чем-либо необычном, что мол это трофейное: патефон или губная гармошка или какая-нибудь фарфоровая статуэтка. У нас тоже есть статуэтки, бабуля купила их на экскурсии в Ленинграде. Но в них нет ничего необычного. Они стоят в серванте рядом с хрустальными бокалами и чайными чашками, которые соприкасаются боками и звенят, когда я пробегаю мимо к себе в комнату.

Телевизор выключается ровно в десять. И все ложатся спать. Что особенно досадно летом, когда солнце еще не село, но черные шторы с серыми кругами на них задергиваются, и наступает ночь. За окнами еще верещат стрижи и орут приятели, а я уже в постели. С книжкой и фонариком.

Я много читаю. Я все время читаю. Я даже раскраски прошу мне покупать с познавательным текстом. Я думаю, что если прочту энциклопедию, то буду знать все на свете. Правда наша энциклопедия заканчивается на двенадцатом томе, и написано там в основном о вождях коммунистических партий разных стран.

ЗА ОКНАМИ ЕЩЕ ВЕРЕЩАТ СТРИЖИ
И ОРУТ ПРИЯТЕЛИ.
А Я УЖЕ В ПОСТЕЛИ.
С КНИЖКОЙ И ФОНАРИКОМ.

Тиффани Эйк

Франция

Мы выписываем три газеты: «Сельская жизнь», «Известия» и «Правда». В них нет ничего интересного или познавательного.

Зато у меня есть «Библиотека приключений», хоть и неполная.

Я часто болею. Тогда бабуля меня лечит горчичниками, компрессами, синей лампой и микстурой пертусин. Пертусин вкусный и, если его не спрятать, то очень быстро кончается.

Когда я болею, бабуля читает мне вслух книгу, потом гасит свет и уходит. А я лежу в темноте, наблюдая свет фар, скользящих по потолку. Почему ночью по двору все время ездят машины?

Там давно живут другие люди. Я, поднимаясь по лестницам, каждую ступеньку могу определить на ощупь, особенно на той особом пролете, ведущем к двери с цифрой 12. Это давно другая дверь. Она не откроется, сколько ее не тряси. Я прохожу мимо на пятый этаж, в угловую квартиру, которая так и не отвалилась.

Меня узнают соседи, они не помнят как меня звать, но помнят из какой я квартиры. У нас большая семья и мы все похожи, поди отличи одну девочку от другой, особенно когда они выросли и уехали так давно и так далеко.

Я возвращаюсь туда раз за разом во сне. Я вижу каждую трещину на потолке, каждое пятно на обоях, каждую щель в полу, каждый застывший потек краски на ребристых батареях. Каждую зарубку на дверном косяке. Слышу каждый скрип, каждый звон, каждый шорох. Урчание старого холодильника. Шуршание шин по разломанному асфальту двора. Свет фар по потолку. Запах старых водопроводных труб.

Я вижу это так ясно, так четко, что кажется еще полшага – я войду туда, большая, тяжелая. Звякнут бокалы в серванте, скрипнет дверь. Из кухни запахнет оладьями и черносмородиновым вареньем, которое я почти уже люблю. И они будут там. А я буду маленькая.

И это будет рай.

Фото -
Andriy
Dubchak

Баллада о ледяном вагоне

Уехать или остаться? Любое решение неправильное. Уехать – оставить близких, друзей, воюющих и выживающих. Остаться – подвергнуть смертельной опасности тех, за кого несешь ответственность.

Магазины не работают, вода и электричество с перебоями, прилёты в дома по соседству.

В местном чате сообщение: откроется магазин, привезут хлеб. Два часа на морозе – стоим в очереди. Низко пролетает самолёт. Очередь разбегается. Кто в сторону леса, кто в сторону домов. Кто-то остаётся стоять на месте, безопасности нет нигде.

Самолет улетел в сторону города. Очередь быстро восстанавливается. Все подавлены.

Покупаем два батона (дают по одному в руки), крупы, макароны, консервы, полки неприлично пусты.

Дома варю суп, и вместе с батонами отношу маме. Себе печем лепешки, мука пока есть.

Соседи сутками сидят в подвале, быстро навели там порядок, обустроили быт, развлечения для детей. Мы не ходим в подвал. Лифт не работает. Лестница – самое опасное место во время налёта. Большая вероятность, что в попытке спастись, окажешься в самое опасное время в самом опасном месте. Сидим дома, на своём последнем этаже и каждой клеточкой ощущаем, что всего лишь чердак и крыша отделяют нас от смертоносного неба. И каждым нейроном понимаем сколько бетона свалится нам головы, если вдруг сверху... И как условно защищают эти две стены,

Карина Исакаева

Польша

за которыми нужно спрятаться, если вдруг сбоку... А опасность – она везде, со всех сторон. И от нее не спрячешься. Хорошо, что мама не верит в войну и игнорирует действительность.

Это такая адова пытка, точно в аду есть уголок, где под скрежет зубовой, в муках принимают решение. И каким бы оно ни было, оно принесёт страдание. Уехать нельзя остаться.

Мы с мамой уезжаем. Муж остаётся. Вот сейчас поедет. Вот сейчас. Вот только сварю борщ. Под грохот канонады. Большую кастрюлю. Варю. Ну как варю. Руки варят борщ. А мозг совсем не варит. Оказывается, варить борщ может быть условным рефлексом. Моем, чистим, моем, режем, обжариваем, тушим, варим, вот поплыл аромат, из той, из мирной жизни, когда было из чего готовить, где готовить, для кого готовить, кого ждать с нетерпением, кого вкусно кормить и с кем обсудить, не торопясь, события дня. И котик калачиком на коленках.

Котик, обожающий сидеть во всех сумочках и коробочках, категорически не хочет сидеть в переноске. Но соглашается на рюкзак. Мастерю поводок из строп, резиночек, колечек и карабинчиков. Из моей футболки получается отличная футболочка для котика, к ней можно прикрепить стропу с карабинами. Но у котика другое мнение. Котик не хочет футболку и карабин. Котику не нравится поводок. Мужу не нравится вся затея. Говорит, не мучай зверька. Вот, и ещё одно решение принято. Котик остаётся.

Едем на вокзал.

Проезжаем блокпосты.

Видим руины, пустые глазницы окон, шрамы от осколков на стенах домов, видим уцелевшие дома, которые превратятся в руины несколько дней спустя, сейчас я знаю об этом. Видим уцелевшие районы, они целы и сейчас, молюсь, чтоб уцелели, выжили, победили. Родные улицы, вот тут живут мои друзья, тут знакомые, тут совсем не знакомые мне харьковчане. Вот тут как будто и нет войны, только людей меньше, чем обычно.

Карина Исакаева

Польша

Вот вокзальная площадь. Тут многолюдно как обычно. Нет, не как обычно. Обычно это место встреч и прощаний. Сейчас это место прощаний и отчаяния. Концентрат прощаний и отчаяния. Ужаса, безысходности и тоски. Боли и страха. И надежды. НАДЕЖДЫ.

И вот стоим мы с мамой на берегу этого людского океана, и я понимаю, что нам не то, что в вагон войти, нам в вокзал не попасть. Усаживаю маму скамеечку в переходе (слава нашей складной боевой скамеечке, она нас спасала неоднократно) и бегу в вокзал узнать где-нибудь что-нибудь.

Там много людей, которые сами хотят получить ответы на вопросы, которые я пытаюсь им задать. Зал забит битком. Все стоят, ждут.

Выхожу на при- вокзальную пло- щадь. Там сотни людей, старики, жен- щины, дети. Посре- ди этой толпы стоят трое военных. Три богатыря – недю- жинного роста. Тяну

одного за рукав, спрашиваю, есть ли надежда попасть в какой-нибудь поезд. Он улыбается, и от этой улыбки становится спокойней на душе, и говорит, что на самом дальнем пути стоит поезд в Тернополь, он скоро отправится и можно попробовать сесть на него.

Бегу в подземный переход за мамой, но мама вдруг решила остаться тут. Она сама не знает где – тут, в Харькове или тут, в переходе.

И я понимаю, что тут поможет только чудо. И чудо произошло. Нет, не так. Чудо происходило всё время, как будто ангел простер над нами крылья. В этот раз оно явилось в виде юной девушки, в пушистой шапочке и шарфике, она предлагает помочь, и мы идём по бесконечному переходу к поезду. Даша, так зовут спасительницу, несет нашу сумку и ведет светский разговор с мамой, я веду маму под руку, тащу скамеечку и молюсь, чтоб в конце туннеля были свет и поезд. Перед выходом на перрон мама спохватывается, говорит, чтоб мы

ехали сами, а она уж как-нибудь здесь. По лестнице с перрона спускаются четыре весёлых хлопца, Даша останавливает их и просит помочь. Хлопцы весело подхватывают маму, сумку и скамеечку, я обнимаю Дашу, ставшую такой родной за эти пару минут, благодарю, и Даша бежит обратно к своим. Счастья тебе, Даша в пушистой шапочке, надеюсь, что у тебя всё в порядке.

Четыре спасителя, посланные небесами и Дашей быстро возносят нас на перрон. Там действительно стоит поезд. Набитый до отказа. Мы идем вдоль вагонов, маму по-королевски несут на руках и вносят в тамбур вагона, который казался набитым чуть менее плотно, пытаются устроить её в вагоне, но тут мама проявляет решительную твердость остаться в тамбуре, они усаживают маму на скамеечку и желают счастливого пути. Счастья вам, милые хлопцы, надеюсь, вы живы, молюсь, чтобы вы жили. Поезд стоит еще некоторое время, набитый под самую завязку, люди

подходят и подходят и, оказывается, если под- винуться и потесниться, место находится.

Через некоторое время тамбур забит до отказа, я мысленно, в который раз, благослов-

ляю скамеечку, на которой сидит моя восьмидесятипятилетняя мама.

Поезд тронулся. На душе стало еще ледяней. Эвакуационный поезд, наверное, его выкатили из каких-то запасов. Это была электричка советских времен, не думала, что они еще сохранились. Сквозь стеклянные двери вагона вижу деревянные сиденья, которые помнят натруженных дачников девяностых, гремящих ведрами, оцетинившихся тяпками и лопатами. Сейчас, как и тогда, сиденья заполнены до отказа, люди стоят тесно во всех проходах.

А мы так же тесно стоим в тамбуре. Знаете, сколько душ может ехать в тамбуре? Двадцать четыре! Двадцать две человеческие и две кошачьи. Черно-белый Томас и рыжий Гарфилд похожи как братья. У обоих вид офигевший, глаза широко раскрыты, они явно не одобряют тот бардак, что мы тут устроили, но ведут себя сдержанно и пристойно.

ЗНАЕТЕ, СКОЛЬКО ДУШ МОЖЕТ ЕХАТЬ В ТАМБУРЕ?
ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ!
ДВАДЦАТЬ ДВЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ И ДВЕ КОШАЧЬИ.

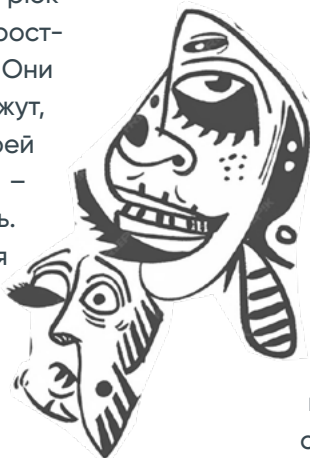

Женщина средних лет рядом со мной внезапно бледнеет, а потом зеленеет, я понятия не имею, что происходит, и как ей помочь, но руки сами, отдельно от меня, выхватывают из кармана пакет, быстро разворачивают и подносят к лицу женщины. Её обильно тошнит в пакет, и она медленно оседает. Казалось, что мы стоим так плотно, что упасть невозможно, но мы хватаем ее в несколько рук и проталкиваем в вагон, там ее принимают, усаживают, дают воды. Женщина молчит, лицо ничего не выражает, она явно не понимает, где она и что с ней происходит. Невесть откуда появляется аппарат для измерения давления, судя по лицам окружающих – дело плохо. Откуда-то возникает дама, и хотя на ней не белый халат, а красное пальто, по уверенным движениям и строго-участливому выражению лица ясно, что она врач. Даёт зелёной пациентке таблетки. Женщине быстро легчает и она становится обычного землистого тревожного оттенка – как все мы.

Мы еще не покинули Харьков, а дорожные приключения уже начались.

Еще недавно мы думали, что может быть хуже, чем ехать в никуда в ледяном тамбуре. Но соглашаемся, что ехать в никуда в ледяном тамбуре покрытыми рвотой было бы куда как хуже. И что хорошо и плохо вещи – относительные. И завязывается вполне обычный вагонный разговор. Кто – откуда – куда.

Все едут в никуда, и только хозяйка Гарфилда едет в Краков, там её уже ждёт работа. Она – преподаватель латыни. Преподаватель мёртвого языка легка, тонка, юна. Собралась быстро, похватила всё самое необходимое. Самое необходимое – это собственно Гарфилд, ноутбук и всё остальное пространство изящного рюкзака забито косметикой. Двое подростков ведут себя как двое подростков. Они комментируют события, мерзко ржут, сидят на ледяной ступеньке, из дверей нещадно дует, им пофиг, а маме их – нет, но они упорно игнорируют мать. Мать волнуется. Впервые в жизни я понимаю смысл слова «волноваться». Ее лицо идет волнами, искажая черты. Ещё чуть-чуть – и она тоже хлопнется в обморок. Тяну ее за рукав и говорю, что дети есть

ЕЩЕ НЕДАВНО МЫ ДУМАЛИ, ЧТО МОЖЕТ
БЫТЬ ХУЖЕ, ЧЕМ ЕХАТЬ
В НИКУДА В ЛЕДЯНОМ ТАМБУРЕ.

дети, она нужна им чтоб довести до безопасного места и там убить собственными руками. Мой черный юмор срывается, она грустно улыбается и маленькие засранцы через несколько минут сами выбирают в чуть более теплое место тамбура.

Внушительных размеров тётка в развесистых юбках бурчит и истово крестится. Она, оказывается, тоже не в никуда, а вполне в конкретное место – в Полтаву, в монастырь, на молебен. Война, а что война, суета это всё, и мы тут все в суете, вот и наказал нас Господь, а ей, благочестивой, страдать с нами за грехи наши, ездим туда-сюда, отвлекаем от дел праведных. Мысленно сочувствую сёстрам, у них сейчас, небось, работы невпроворот, принимают беженцев. До Полтавы всего три часа от Харькова, весь тамбур ждёт с нетерпением, когда она выйдет и освободит целых два места.

На ледяной ступеньке другой стороны тамбура сидит без движения африканец в лёгкой курточке. Соседи пытаются спросить, всё ли с ним в порядке. Он не понимает, преподавательница латыни повторяет вопрос на живом английском. Парень говорит, что всё окей. Он студент, зовут Эванс. И это – единственная фраза, которую он произносит за двадцать семь часов пути. И –

единственное имя, которое осталось в памяти из тех ледяных суток. Кроме Томаса и Гарфилда, разумеется, но эти имена захочешь, не забудешь.

Всё окей, Эванс, надеюсь, у тебя всё окей, сын жаркого континента.

Вот, наконец, Полтава. Радостно прощаемся с богомолкой. Она грузно спускается по ступенькам на перрон. И вдруг оглушительно звучит воздушная тревога. Тётка мгновенно меняет траекторию и пулей влетает обратно в тамбур со всеми своими юбками, молитвами и баулом.

А кто-то уже успел с облегчением перекреститься. Тётка быстро смахивает подростков с нагретого места и бурчит, что полно на свете мест, где можно помолиться, совсем не обязательно в Полтаве.

Студент-ветеринар, их вуз и общага в пригороде, и этот пригород бомбили нещадно с первых дней. Преподаватели, пусть и ветеринарные, но врачи, оказывали помощь пострадавшим. Человеки, они ведь тоже имеют отношение к миру животных. Зато, говорит, сбылись две мечты сразу: ассистировал на операции и жил один в комнате. Правда, без стёкол. И долго откапывать пришлось, но зато потом – полный хозяин почти дворца. Хоть конём скачи.

Студент-биолог. Сначала был дома, в Чугуеве. Вроде как было безопасней, чем в Харькове, пока в огород ракета не прилетела. Оккупированную часть прошел пешком, ночью. Боятся оккупанты ночью в наши леса соваться.

Строитель. Дюжий мужик. Патлат, бородат. Говорит, везде работу найдёт, всё по строительству умеет от и до, всеми инструментами владеет. А оружие в руки взять не может.

Женщина лет пятидесяти, одна на весь тамбур с чемоданом, в пончо и в шляпке, выглядит бабочкой. Она сидит у дверей в вагон со стороны тамбура, потом оказывается тоже у дверей, но уже со стороны вагона, потом перемещается на своём тропическом чемодане всё дальше и исчезает из виду.

А всего в нашем тамбуре три двери. Третья – туалет. И это наша проблема. Два вагона ходят в этот туалет и нам приходится сжиматься еще теснее, чтобы пропустить страждущих. Но это повод сменить позу. Всё тело затекает. Затекает так, что холод уже и не чувствуется. Меняемся местами – если прислониться к стене, то можно поспать. А еще можно протиснуться в вагон и погреться.

За 27 часов пути никто из нашего тамбура не ходил в туалет.

А в каждом вагоне появилось по завсегдатаю. Старушка – ей нужно было буквально каждые

полчаса из одного вагона и огромная бабища с девочкой лет четырех из другого. Старушка, похоже и не сидела вовсе, весь цикл занимал много времени, она беседовала с каждым на пути туда и обратно, и с каждым пыталась находить общих знакомых, и даже находила, и искренне радовалась, но пока добиралась до своего места, мочевой пузырь звал ее на новый виток поиска общих знакомых. Бабища была шумной, её было слышно на все два вагона, она несколько раз сменила место на более удобное и её муж, краснея как Альхен, безмолвной покорной тенью следовал за ней. Девочку непрерывно кормили, поили и носили писать. Каждый час.

– Я с ребенком, – шумно оповещала весь поезд и окрестные степи бабища и пробиралась к выходу, неся дочку над головой, – а ну, расступись, – командовала нашему тамбуру. – Я с ребенком!

Мама, похоже, не чувствует холода на своей скамеечке. Несколько раз всем тамбуром предлагаем ей переместиться в тёплый вагон, но мама твёрдо стоит на своём:

– Как все, так и я.

Но ближе к вечеру мамочка явно стала уставать и подмерзать, да и аудитория тамбура ей наскучила. Пользуюсь моментом, беру маму в охапку, втягиваю в вагон и прошу потесниться. Место находится, мама, совсем чуть-чуть сопротивляется и совсем немного возмущается – в кого это я пошла такая наглая и невоспитанная – и устраивается на деревянном сидении. Оно сейчас мягче пуховой перины. И вокруг – свежая аудитория, не такая отмороженная и готовая вежливо восхищаться. Красота!

Хозяйка Томаса тоже находит себе место в вагоне – рядом с двумя милыми пирсингованными девицами. На коленях у каждой – маленькая переноска, в каждой переноске – крыска. Крыски непрерывно занимаются благоустройством своих маленьких миров, не ведая, какая хрень творится в большом.

...РОДНОЙ ХАРЬКОВ ВСЁ ДАЛЬШЕ. ВСЕ
МЫСЛИ ЕЩЁ ТАМ, ОБРЫВАЮТСЯ ОДНА
ЗА ОДНОЙ, ТЯНУТСЯ ПО ОБЛЕДЕНЕВШИМ
ШПАЛАМ БЕЛЕСЫМИ ОБРЫВКАМИ НЕРВОВ.

Карина Исакаева

Польша

На редких станциях люди выходят, никто не входит в наш безымянный поезд, становится чуть свободнее.

Мы бодримся, поддерживаем друг друга, больше молчим. Думы тягостны, родной Харьков всё дальше, все мысли ещё там, обрываются одна за одной, тянутся по обледеневшим шпалам белесыми обрывками нервов. Боль, страх, тоска, неизвестность.

Богомольная тётушка говорит мне, что мама уже согрелась и отдохнула, пора делать рокировку. Я не сразу поняла, чего хочет от меня божий одуван. Преподавательница латыни по толмацкой привычке тут же уточняет у тётки:

– То есть, вы хотите, чтобы старую женщину подняли, а вас усадили на ее место? А почему вы не хотите сесть на какое-нибудь другое место?

Не хочет. Остается сидеть в холодном тамбуре на маминим стульчике.

В Житомире в тамбуре из мрака ночи возникает бойкая дивчина.

– Девчата, вот держите, – даёт несколько пакетов. – А это мамкам передайте.

В пакетах еда, вода, – мамкам памперсы, влажные салфетки и баночки с детским питанием. Дивчина растворяется во мраке, так же внезапно, как и появилось, только слышно, как они с подругами зычно делят между собой вагоны. Еда – изумительные домашние пирожки и булочки! Тамбур наполняется запахом домашней выпечки и ванили. Берем по пирожку, отдаём пакеты в вагон. Есть не хочется, но на душе становится теплей. Спасибо тебе, дивчина из Житомира, пусть у тебя будет всё хорошо. Сколько вас, таких дивчин, варили-жарили-пекли. Ты и твои подружки прибежали ночью на вокзал встречать безымянные поезда-призраки, чтобы накормить домашней едой замерзших странников и пополнить мамкам стратегические запасы памперсов и пюрешек. Счастья тебе, дивчина из Житомира, мы всем тамбуром надеемся, что у тебя и твоих подруг всё хорошо.

Странно, младенцы практически не плачут. Они еще не знают, что мир, в который они пришли для счастья, пошел трещинами и стремительно разлетается. Но если мама рядом, то рядом тепло и любовь. А с мамой, с теплом и с любовью и на

осколке мира уютно и спокойно. Даже если мама порой ведет себя странно. Но мама быстро берет себя в руки, ей этими руками держать и мир и дитя, а потери она оплачет потом.

Все мы оплачем потери как-нибудь потом, после войны. А пока мы несемся в ледяном вагоне с ледяными телами, и слезами. Слезы вмёрзли в душу и останутся там надолго.

Телефоны включаем на краткий миг, сообщить, что мы живы и с нами всё в порядке. И быстро выключаем, чтоб наш поезд не вычислили по многочисленным сигналам враги. В вагонах темно, никаких световых пятен. Рассвет не приносит облегчения. Мы замерзли и смертельно устали. Мы почти не спали этой ночью, да и все ночи с начала войны, мы еще не умеем спать под взрывы и сирены. Этот навык обретем гораздо позже. А пока мы просто едем. Мы не хотим здесь находиться, мы не хотим быстрее доехать. Мы настолько устали, что нет сил хотеть. Всё, что мы знали и любили, осталось позади, впереди полная неизвестность.

СТРАННО, МЛАДЕНЦЫ ПРАКТИЧЕСКИ НЕ ПЛАЧУТ. ОНИ ЕЩЕ НЕ ЗНАЮТ, ЧТО МИР, В КОТОРЫЙ ОНИ ПРИШЛИ ДЛЯ СЧАСТЬЯ, ПОШЕЛ ТРЕЩИНАМИ И СТРЕМИТЕЛЬНО РАЗЛЕТАЕТСЯ.

Яков Наерман
США

Шрамы Билла Уоллеса

Недавние разоблачения Илона Маска, возглавляющего Департамент эффективности государственного управления США (DOGE), о масштабных нарушениях в системе соцобеспечения, прозвучали как гром среди ясного неба. Он заявил, что количество действующих номеров социального страхования (SSN) значительно превышает численность населения США, а возраст некоторых получателей пособий превышает 150 лет. Это вызвало волну как аплодисментов, так и опровержений... А мне это напомнило одну историю, невольным свидетелем которой я стал 35 лет назад.

Я работал технологом в компании Solar Turbines на участке изготовления деталей топливной аппаратуры. В нашей группе было ещё четверо инженеров-технологов, а старшим среди нас был Билл Уоллес – именно о нём и пойдёт речь.

Билл был долговязым, худым, угловатым, слегка напоминающим необъезженного жеребца. Высокий лоб, длинные прямые волосы, которые он постоянно поправлял, тёмный шрам на лице и выпирающая челюсть делали его облик, на мой взгляд, малопривлекательным. Однако, судя по эффектным девицам, с которыми я иногда его видел, у женщин он явно пользовался успехом.

Остроумный, но язвительный, Билл был не в почёте у коллег и начальства. Но он был блестящим технологом, всё делал быстро и тщательно и ревностно опекал нас – инженеров своей группы. Для меня, новичка с бедным английским, его поддержка была особенно важна. Билл не раз выручал меня, исправляя грубые ошибки и подсказывая, как правильно оформить технологическую инструкцию или памятку. Он никогда не попрекал меня этим, но не упускал случая подшутить – над моим языком, незнанием элементарных аспектов американской жизни. Я воспринимал его насмешки без обиды, и это только укрепляло наши отношения.

Билл был родом из Ситки, бывшей столицы Русской Америки. Там сохранились русские постройки, старые православные приходы, а также старообрядцы, когда-то бежавшие от советских репрессий. Слушая мои телефонные разговоры на русском, он вспоминал детство – этот язык часто звучал в его родном городе.

Из нашей четвёрки Билл единственный категорически отказывался работать сверхурочно. У него не было карьерных амбиций, а стать старшим по группе он согласился только потому, что терпеть не мог, когда ему указывали, что делать.

Он вовсе не был бесребреником — деньги ему были позарез нужны. После тяжёлого развода половина зарплаты по решению суда уходила бывшей жене, и мысль о том, что он вынужден ей платить, была ему невыносима. Поэтому он избегал повышения официального оклада, предпочитая подработки за наличные. Когда я спросил, почему он просто не уйдёт с этой работы, Билл ответил, что стабильная занятость с бенефитами — его единственный шанс проводить хотя бы 40% времени с дочерью Джессикой, которую он обожал.

Билл был ветераном Вьетнама, инвалидом. Как он сам говорил, большая часть его позвоночника была из титана. Это было заметно — он слегка волочил ногу. Иногда у него случались приступы боли, от которых он буквально «выключался», спасаясь обезболивающими. Как и многие ветераны, о войне он не любил говорить.

Однажды я спустился в лобби встретить посетителя. Он опаздывал, и, ожидая, я заметил двух мужчин, которые тоже кого-то ждали. Рядом сидела секретарь-вахтёр. Увидев меня, она обратилась:

— Яков, ты ведь работаешь с Биллом Уоллесом? У тебя наверняка есть его внутренний пейджер. Можешь его вызвать? К нему пришли.

Я послал Биллу запрос, и вскоре он перезвонил.

— Тебя ждут двое в лобби, — сказал я.

— Кто они?

— Не знаю. Просто два мужчины.

— Ладно, сейчас буду.

Через несколько минут он спустился. Один из посетителей что-то сказал ему, и они вместе вышли на улицу. Но сквозь стеклянные двери я видел, что происходило. Один из мужчин показал Биллу какое-то удостоверение, а затем, к моему изумлению, они надели на него наручники, посадили в машину и увезли.

Перед тем как сесть в машину, Билл оглянулся, встретился со мной взглядом, понял, что я всё видел, и слегка кивнул.

Через несколько часов он позвонил мне на рабочий телефон:

— Яков, я знаю, ты всегда сидишь допоздна. У тебя есть с собой какие-нибудь деньги?

— Да, долларов сорок.

— Я подъеду на такси к Ballast Point, что на India Street. Можешь встретить меня и расплатиться?

— Конечно.

— И если сможешь снять в банкомате сотню, буду очень признателен. Завтра всё отдам. Да, и забери из моего офиса сумку — там документы и ключи.

Через десять минут я уже стоял у входа в бар. Ещё через пять-десять на такси подъехал Билл. Я заплатил за такси и передал ему пять двадцаток. Он молча кивнул, жестом пригласил меня внутрь, и мы зашли.

КАК И МНОГИЕ ВЕТЕРАНЫ, О ВОЙНЕ ОН НЕ ЛЮБИЛ ГОВОРИТЬ.

Яков Наерман

США

Билл заказал большой кувшин пива, крылышки и сырные палочки. Молча закурил. Я тоже. Пиво принесли сразу. Билл налил нам по кружке и почти залпом выпил свою. Потом долил и также молча выпил. Опять закурил. Я не спрашивал, понимая, что он сам всё расскажет, когда будет готов. Так и произошло.

— Ты знаешь, что я воевал во Вьетнаме? Но я никогда не рассказывал, чем для меня закончилась та война.

Нас перевозили на вертолёте. Его подбили. Машина загорелась, но я успел выпрыгнуть. Упал на дерево, а потом в болото. Вертолёт с экипажем и всей командой взорвался недалеко от меня. Я услышал взрыв, а потом потерял сознание. Кто меня подобрал и когда — не знаю. Очнулся уже на корабле, в госпитале. Позже узнал, что пролежал в коме два месяца.

Я был полностью парализован. Потом вернулась речь, но своего имени я не назвал. Мысль, что останусь инвалидом и стану обузой для родителей, была невыносима. Я решил, что если движение не восстановится, то при первой возможности уйду из жизни.

Меня перевезли в Вирджинию, сделали с дюжину операций. Движение постепенно вернулось. Я заново учился ходить и, шаг за шагом, через год после падения смог покинуть больницу.

Документы восстановили, и я полетел на Аляску. Не знаю почему, но никому не позвонил, не предупредил. Видимо, меньше всего хотелось официальных встреч, плакатов, фанфар и всей этой гнусной шумихи.

Когда я подошёл к дому, то долго стоял у двери, не решаясь позвонить. Наконец нажал на кнопку. Открыла сестра. Несколько секунд она смотрела на меня в ужасе, потом вскрикнула и упала в обморок. Я успел её подхватить. Она открыла глаза, посмотрела на меня и прошептала:

— Билл... это ты?

— Да.

— Господи...

Она закричала:

— Мама! Папа! Билл живой!

Я не буду описывать нашу встречу — слёзы, радость, бесконечные рассказы... Ты сам можешь это представить.

На следующее утро отец сказал:

— Одевайся, пойдём. Я должен тебе кое-что показать.

Мы пришли на кладбище. Остановились перед могилой. На надгробии был выбит крест и надпись: «Билл Уоллес. Сержант. 20 апреля 1950 — февраль 1974. Любимый сын и брат.»

Отец рассказал, что им передали урну с прахом, которую они похоронили на нашем семейном кладбище. Наверное, я уже никогда не узнаю, кто там на самом деле лежит.

Мы решили оставить эту могилу с моим именем — чтобы тот, кто там — был похоронен не безымянно.

МЫ РЕШИЛИ ОСТАВИТЬ
ЭТУ МОГИЛУ С МОИМ
ИМЕНЕМ — ЧТОБЫ ТОТ,
КТО ТАМ —
БЫЛ ПОХОРОНЕН
НЕ БЕЗЫМЯННО.

А потом начались проблемы с властями. Родителям выплатили десять тысяч долларов на похороны. Теперь, узнав, что я жив, Минобороны требовало вернуть эти деньги, которые давно были потрачены. Я был взбешён и хотел идти с кем-то ругаться. Но отец обратился к знакомому юристу. Тот написал официальное письмо: большая часть суммы ушла на похороны и установку могилы, а остальное на лекарства. И если нас не оставят в покое, мы подадим в суд – за их ошибку, из-за которой мои родители едва не умерли от горя и постарели лет на десять. После этого от нас отстали.

Прошло целых пятнадцать лет. Я женился, развёлся, у меня родилась дочка Джессика. Переехал в Сан-Диего, нашёл работу. Постепенно эта история забылась. Я надеялся, что навсегда. Единственное, что напоминало о войне, – спина, приступами боли.

И вдруг, как гром среди ясного неба, сегодняшняя история. Где-то в управлении социального обеспечения проводили ревизию данных и перевод бумажных записей в компьютерную базу. И эти идиоты «выяснили», что номер социального страхования (SSN) погибшего Билла Уоллеса использует какой-то преступник из Сан-Диего. Этот «преступник», как ты понимаешь, – я. Ну и меня сразу арестовали.

Продержали два часа: сняли отпечатки пальцев, сделали фото, задавали идиотские вопросы. Пока наконец не поняли, что я – это действительно я. Извинились, отпустили, дали официальное письмо, подтверждающее, что больше ко мне никаких претензий нет. Но осадок остался мерзкий. Боюсь, сцену с наручниками видел не только ты. Пойдут слухи... Мне было бы наплевать, но если узнает моя бывшая, она может использовать это, чтобы сократить мои свидания с Джессикой. Так что, пожалуйста, никому!

Я пообещал.

– Знаешь, Яков, я сказал, что кроме болей в спине о войне ничего не напоминает? Хорошо бы это было так... Увы! Если день-два не вспоминаю – праздник... Ты знаешь, что нашего техника, Лан Нгуена, из участка сборки топливной аппаратуры, семилетним мальчишкой старшие братья увезли на моторке.

– Да, он рассказывал. Его не хотели брать, так он стал кричать, и его пришлось забрать, чтобы вьетконговцы не услышали...

– Возможно.. Мы ведь в его деревне бой вели. Там враги засели. Потом, когда их выбили, в той деревне недели две жили... И когда у нас на проводили день открытых дверей, и Лан привёл старших братьев, я не пошёл. Боялся, что меня кто-то узнает. Хотя я там ничего противозаконного или плохого не делал. И за кур мы им платили долларами...

Мы ещё помолчали. Допили потеплевшее пиво. Билл оставил на столе деньги и встал. Я предложил отвезти его домой, но он отказался и уехал на такси.

До конца недели он на работе не появлялся, сказав, что заболел. В понедельник подошёл ко мне, положил деньги около телефона и сказал: «Спасибо».

Больше мы с Биллом никогда об этом не говорили.

Яков Наерман
США

Эстафета Памяти

*«Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас»*

*«Пусть так же они поминают меня
В канун моего поминального дня».
Анна Ахматова «Реквием»*

Международный день памяти жертв Холокоста (International Holocaust Remembrance Day). В Израиле его отмечают 27-го Нисана, в апреле-мае. И каждый раз, когда я думаю о Катастрофе, я вспоминаю историю, рассказанную мне моей мамой.

Мне было лет 12. Часов девять вечера. Папа был в командировке. Мы с мамой сидели на кухне – нашем любимом и самом тёплом месте в квартире. Перед мамой была гора тетрадок, которые она должна была проверить. Я что-то читал про войну. Я знал, что маме было лет 14, когда началась война, и что почти всю войну она жила в эвакуации в Янгиюле, недалеко от Ташкента.

– Мам, а ты во время войны живых немцев видела?

– Да, дважды. Второй раз, когда, после победы, пленных вели через Москву

– А как стреляют видела?

– Да, видела. Издалека.

– Когда?

– Когда я видела немцев в первый раз.

– А как это было?

– Мне тяжело об этом вспоминать. Давай не будем, а?

– Но, мам, так я никогда об этом не узнаю? Это секрет?

– Нет, не секрет. Как-нибудь расскажу. А сейчас иди спать...

– Но почему не сейчас? Нам сейчас никто не мешает. Когда ещё так будет?

Мама помолчала. Вздохнула. И понизив голос до полусшёпота начала рассказывать.

– Вообще-то перед сном страсти рассказывать не советуют, но ладно, давай попробую.

Как ты знаешь, мы переехали из Крыжополя

(Винницкая область) в Москву в 38-м году. Жили всемером в полуподвале, в маленькой 14-метровой комнате. На ночь разбирали обеденный стол, на котором я и спала. Дядя Володя спал под столом. И я с нетерпением ждала лета, когда мы на каникулы уезжали назад в Крыжополь, где у тётки Эстер был домик, куры, вкуснейшие арбузы и все мои лучшие подруги. Поехали мы туда и в сорок первом. Мне было 14 и со мной был мой маленький брат Сютя. А через три недели началась война. Нас собрали на площади около горсовета и после объявления Левитана вышел председатель горсовета и сказал, что всем евреям и коммунистам треба тікати, поки не пізно.

Многие, особенно те кто видел немцев в Первую Мировую Войну, говорили, что немцы – это не так плохо, что хуже большевиков ничего быть не может, и решили никуда не ехать (Це комуністи навмисне брешуть). Но мой дядя Аврэймул, который незадолго видел еврейских беженцев из Польши, знал, что это – вовсе не пропаганда. Он оббежал всех родных и друзей: срочно бегите!

Железную дорогу разбомбили в первый день войны, все машины забрали для фронта, и нам колхоз выделил 19 старых лошадей с подводами на 100 с лишним человек. В основном старики, дети, да инвалиды. Остальных уже призвали на фронт. Нашего коня звали Орлик. На подводе было восемь человек: дядя с тёткой, их трое сыновей, старая бабушка и нас двое. Но все, кроме бабушки шли пешком, чтобы Орлику не так тяжело было. Надо было торопиться, поскольку фронт нас догонял... Было очень страшно. Когда начинали бомбить, мы съезжали с дороги и прятались в канавах. Немецкие мессершмитты летели низко с жуткими завываниями, от звука которых невозможно было спрятаться. Один раз бомба упала совсем рядом, на дороге. Нас осыпало землей и от взрыва я несколько дней почти ничего не слышала. Но самым страшным были переправы через реки по мостам. Беженцев пускали только, в «паузы», когда не было армейских или государственных машин. По несколько подвод зараз.

Остальные ждали сбоку от дороги. Мы знали, что когда фронт подойдет совсем близко, мост взорвут. Чтобы враг не смог воспользоваться. Так что нам надо было обязательно успеть.

И вот как то переправлялись мы через маленькую речку. Со смешным названием. Кажется, Синюха. Мы и 15 других подвод уже переправилось, а четыре - пока были на том берегу. Там оставалась моя лучшая подруга Малка. Мы их ждали тоже сбоку дороги, напротив, через реку, метрах в 50. Махали друг другу руками. И вдруг налетели немцы. Сначала кинули несколько бомб. Все - на той стороне, на подступах к мосту. А потом вдруг стали появляться парашютисты. Как я теперь понимаю, чтобы сохранить мост. Мы их раньше никогда не видели. Они, как маленькие паруса, вспыхивали за самолетами и быстро приближались к земле, на том берегу. Мы смотрели, не отрывая глаз, как замороженные. Меня тогда поразило, как быстро и четко они собрали огромные парашюты и развернули свою технику. Буквально за несколько минут. Не знаю почему, но их никто не пытался остановить или атаковать. Десять наших подвод на «этом» берегу быстро укатили. Три семьи, чьи родные были на том берегу, и мы остались ждать: я без Малки отказывалась ехать. Те несколько грузовиков, что оставались около моста, быстро переехали на эту сторону. Наши крыжопольцы тоже попытались пробиться к мосту, но не успели: несколько немцев, даже не собрав парашюты, бегом ринулись к мосту, всех от него отогнали и начали проверять на мины... А потом один из них, наверное офицер, подошёл к сбившимся в кучку нашим беженцам, что-то прокричал и указал в сторону реки. Все двинулись в том направлении. Я видела, как Малкин папа, дядя Йося, пытался что-то попросить, наверное разрешения перейти через мост... Но офицер его ударил. Йося встал и пошёл догонять остальных. К офицеру присоединились

ещё двое. Они согнали наших на краю свежей воронки от бомбы и вдруг начали стрелять. Прозвучало несколько жутких криков и ... наступила тишина. Я была, как в столбняке. После этого я ничего не помню: не помню, как кто-то забрал меня и перенёс на подводу, не помню, как мы догнали остальных.. Смутно слышала крики и плач женщин, чьи родные были расстреляны. Мы двигались всю ночь. Наши мужчины шли и заунывно молились...

Потом было ещё несколько мучительных недель бегства наперегонки с линией фронта, голод, когда мы питались одним жмыхом, месяц в вагоне-теплушке, тиф, похороны по дороге. Много забылось, стёрлось из памяти... Но те несколько минут расстрела я помню так, будто это произошло сегодня утром. Наверное, это будет последнее, что я буду помнить перед смертью. Мне было очень тяжело это рассказывать, но я хочу, чтоб ты знал. И когда-нибудь рассказал своим детям. Ведь по нашей вере, когда мы вспоминаем ушедших, мы продлеваем их бытие «там». Договорились?

- Да, мамуля!

На фотографии мама с братом Сюттой перед войной.

Арик Кругляк

США

Долгий путь к Свету

В синагоге одного Южно-Калифорнийского города появился один незнакомец. Во время вечерней молитвы он казался самым обычным прихожанином и чувствовал себя совершенно в своей тарелке. В нужных местах вставал и садился, в нужных местах отвечал кантору, бойко читал ивритский молитвенник, легко находил нужную страницу не дожидаясь подсказки раввина, – да и выглядел он, как и должен выглядеть ортодоксальный еврей – белые кисточки цицит из-под пиджака, белая рубашка, чёрная как смоль борода, чёрная шляпа, чёрный цвет кожи... Ну а поскольку ничего не бывает интереснее судеб человеческих, мне захотелось узнать его историю. И я в который раз убедился, что жизнь куда причудливее любых голливудских сценариев.

Начало его биографии, увы, очень типично. Шри-Ланкийская мама и афроамериканский папа. Родители в разводе, мама вышла за белого мужчину. Мальчик в семье ощущал себя «белой вороной» или «чёрной овечкой». В поисках самоутверждения он прибил к местной шпане, потом вступил в банду. «Всё сразу стало на свои места, появилась извращённая, но логичная шкала ценностей. Я знал, что надо делать, чтобы меня уважали. И я это делал». Он участвовал в ночных дозорах, торговал патронами, грабил наркоторговцев из «конкурирующих организаций». С уголовной системой для несовершеннолетних был знаком не понаслышке, но каждый привод в полицию и каждый арест воспринимал, как очередную медаль или повышение. Наконец, в 19 лет он попался на вооруженном ограблении и получил по полной. Во время налёта никто не пострадал, но с учетом всехотячающих обстоятельств он получил 24 года тюрьмы строгого режима.

Поначалу его даже не беспокоило, что он попал на срок длиннее всей доселе прожитой жизни. «Ну я же гангстер, а гангстеры сидят в тюрьме, среди своих. Так положено. Но со временем начал задумываться, а времени в тюрьме было навалом. Он много читал, пытался осмыслить происходящее. Одно для себя усвоил твердо, религия – это не для него. «Я был абсолютно уверен, по Марксу, что религия – это опиум для народа». Мог с лёгкостью «срезать» вопросами тех, кто приходил спасать его душу, католиков ли, мусульман ли. Пока кто-то не позвал его на встречу с тюремным раввином (Jewish chaplain). Ну, он пошёл, «чисто для прикола», готовый к бою, и стал закидывать раввина вопросами.

– Да успокойся, – улыбнулся раввин в ответ на очередное «мужик, ну жели ты вправду хочешь, чтобы я поверил в..», – Ничего я от тебя не хочу, мы, евреи, вообще никого в свою веру обращать не собираемся. Будь человеком, живи достойно, и будет тебе счастье!

«ВСЁ СРАЗУ СТАЛО НА СВОИ МЕСТА. ПОЯВИЛАСЬ ИЗВРАЩЁННАЯ, НО ЛОГИЧНАЯ ШКАЛА ЦЕННОСТЕЙ. Я ЗНАЛ, ЧТО НАДО ДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ МЕНЯ УВАЖАЛИ. И Я ЭТО ДЕЛАЛ».

Парень опешил, он такого не ожидал. Взял почитать книгу по иудаизму. Потом по истории евреев, потом ещё и ещё. И втянулся, даже иврит стал учить. Листая Инстаграм на контрабандном телефоне, познакомился с еврейской девушкой, блондинкой из Канады.

- Yeah, man. Your typical Jewish love story! A nice boy from a gated community meets a girl on Instagram. But, for some reason, her family didn't take it too well.- (Прикинь, мужик, типичная еврейская любовная история. Хороший мальчик из престижного закрытого жилкомплеса знакомится с девушкой, а её семья почему-то против!). - Чувства юмора ему точно не занимать. А с девушкой они расстались несмотря на то, что после одного из тюремных свиданий, она родила от него ребёнка. Ага, она приезжала его проведать... Тем временем парень взялся за себя. Поступил заочно в колледж, списался с раввинским судом. И всё это, находясь в тюрьме строгого режима среди отпетых уголовников. «А в тюрьме ты всё время, как на войне, без выходных и перерывов на обед. Скажем, при тебе группа белых скинхедов или мексиканцев нападает на чернокожего собрата. Если ты за него заступишься, то можешь здорово огрести. А если не заступишься, потом свои с тобой ещё хуже поступят. И у белых точно также. Ты постоянно окружён злобой, ненавистью, насилием. Или представь, каково Тору учить, когда рядом скинхед с наколотой свастикой и заточкой в кармане прохаживается, а на соседних нарах кокаин нюхают». Он прожил во всём этом шестнадцать лет. Шестнадцать, Карл! Учил Тору, работал клерком у тюремного раввина. Преподавал первый в истории американских тюрем курс сионизма. Потом вышло послабление законов, ему заменили остаток срока на условный и выпустили. Это было пять лет назад. С тех пор он получил степень бакалавра и мастера с отличием, защитил докторат. Прошел ортодоксальный гиюр (обращение в религию) и стал евреем. Сменил имя Омар на Иегуду. Разыскал ту девушку, мать своего ребёнка, уговорил ее начать соблюдать религиозные законы. Они поженились, сейчас у них четверо детей. Иегуда работает в тюрьмах Лос Анжелеса, занимается психологической реабилитацией тех, кому предстоит выйти на свободу.

-Я не могу разбрасываться временем, - говорит он, - мне достался по милости Бога ещё один шанс, и я не имею права его потерять.

Не знаю, как дальше сложится его судьба, но эти пять лет впечатляют.

-Знаешь, зачем человеку даётся ещё один шанс? - сказал мне когда-то один старый еврей ещё в Москве. - Потому что, с'из ништу кейн фарфален, как говорится на идиш, - не бывает так, что всё пропало. Как бы низко ни пал человек, всегда можно подняться. Надо только захотеть, и с божьей помощью всё получится.

И он-таки был прав.

Перед публикацией этой истории я спросил разрешения у героя повествования. Он разрешил, добавив, что для него будет большой честью, если его история поможет кому-либо приблизиться к вере или раскрыть свой потенциал в преодолении трудностей.

КАК БЫ НИЗКО НИ ПАЛ
ЧЕЛОВЕК, ВСЕГДА МОЖНО
ПОДНЯТЬСЯ.
НАДО ТОЛЬКО ЗАХОТЕТЬ,
И С БОЖЬЕЙ ПОМОЩЬЮ
ВСЁ ПОЛУЧИТСЯ.

Арик Кругляк
США

Три поездки в Израиль

Январь 2019.

Ну какая поездка в Израиль обходится без посещения Котеля, Стены Плача, единственно уцелевшего осколка иерусалимского храма, обители Божественного присутствия. И хоть давно всем известен старый анекдот «сколько лет хожу, прошу о чём-то, – а как со стенкой разговариваю!», но вот поди ж ты, в любой день полно туристов, солдат, паломников и просто любопытствующих. Подходят, трогают древние камни, кто любовно, кто опасливо, молятся, запикивают записочки в расселины, докучают небесам мелкими просьбами. Ну и крупными тоже. Я на всякий случай наглухо застёгиваю молнию на куртке, суверенно прячу любимую майку с надписью «меня интересуют только мыши», – а ну как её там, наверху примут всерьёз. На обратном пути седобородый старец в чёрной шляпе несколько шагов пятится назад, отходя от Стены, дабы не поворачиваться спиной к святому месту. Увидев это, добродушный российский турист в лыжной шапочке разворачивается кругом и бодро марширует задом наперёд.

– Серёга, ты чо, еврей? – обалдело спрашивает его спутница.

– Да я просто понял, как быть евреем, – благобно улыбаясь, говорит Серёга. – Это легко. Задний ход врубил, и по газам! Всего и делов.

– Можешь поворачиваться, – говорю ему и тоже улыбаюсь, ведь невозможно не заразиться его жизнерадостностью.

– Ты уже порядочно отошёл.

– Ага, вот только поворотник включу!

Заглядевшись на Серёгу, чуть не спотыкаюсь о лежащие на площади армейские рюкзаки. Неподалёку строятся в две шеренги симпатичные молодые девчонки в военной форме, будут принимать присягу. Им теперь эти стены защищать предстоит. Всего и делов. А ты бредешь дальше

по старому городу. Идешь себе узкими улочками, болтаешь о том, о сем с любимым родичем, вдыхаешь ароматы кофе, шашлыка, пряностей, ладана и еще черт знает чего. Дивишься предприимчивости торговца, свалившего на одном прилавке ермолки, кресты, шестиконечные звезды, платки-арафатки, семисвечники, церковные свечи, майки «Люблю Израиль» и «Свободу Палестине» – подходи, налетай, пиши диссертацию об экономических основах мирного сосуществования, раздел «Деньги не пахнут». А куда ни свернешь – в любой подворотне сказки «Тысячи и одной ночи», пласты истории, и самые невообразимые духовные миссии – то армянский монастырь, то исламский университет Аль Кудс, то лоток с пластиковыми игрушками – автоматами Калашникова. Все сеют разумное, доброе, вечное, каждый по-своему. А гам многоголосый стоит, каждый на своем наречии галдит, лоточники товары расхваливают, пытаются слово с тебя взять, что на обратном пути ты точно у них чего-нибудь купишь. Экскурсоводы туристов скликают, монахи спешат, о своем – о девичьем шушукуются – даже некая гармония присутствует в этой какофонии... Пока один солист не вступает, – не то проповедник, не то городской сумасшедший, вдруг принимается надрывно и пронзительно выводить две-три фразы на арабском. Заунывно, ритмично, так и чувствуется мерное, покачивание верблюжьих спин в такт речитатива... Бесконечное, блин, покачивание, – он уже в двадцатый раз свою песнь заводит, и все приближается, и звучит все громче и все надрывнее.

– Да чтоб у тебя на лбу вырос, – с досадой говорит ему оказавшийся рядом носитель великого и могучего, и жестом поясняет анатомию своих пожеланий. Проповедник ошалело смолкает, а я от изумления всплескиваю руками и смахиваю с

края лотка большой пластиковый стакан отборной спелой клубники, помытой и без хвостиков. Клубничины так и просят, «съешь меня», вернее, только что просили. Стакан летит на мостовую, половина ягод высыпается на древние плиты, отполированные людским потоком за века до округлости морской гальки. Араб-продавец выбегает из недр лавки, наклоняется собрать ягоды и машет мне рукой, мол, не будем устраивать международный скандал, иди себе, человек, дальше. Я двигаюсь вперед, но на всякий случай через пару шагов оборачиваюсь – стакан свежесобранных с мостовой ягод уже водружен на своё законное место. Вот прямо как есть, с пылью веков, немый. Ягоды опять просят: «съешь меня», но, кажется, на этот раз, подмигивают лукавым ленинским прищуром...

Февраль 2024.

И в этот раз не обошлось без посещения Стены Плача, почти сразу по прибытии и отправился. Вроде, недавно совсем был здесь, а как всё изменилось. Площадь перед стеной почти пустая, не слышно многоязычного гомона туристов и паломников, зато висят на древних стенах новые тексты. Один указывает, где ближайшее укрытие от ракетных обстрелов, другой – текст молитвы за благополучное возвращение заложников, которые томятся в плену у террористов в Газе. Да, есть за что молиться в этой стране: и за заложников, и за солдат, и за жителей юга и севера, и за все более хрупкую и призрачную надежду на мир и благополучие. И арабский рынок, такой оживленный и многолюдный, сейчас почти пуст. Редко какой магазинчик открыт, остальные наглухо задраены железными створками. Город, как и вся страна, втянул голову в плечи, ждет вестей с фронтов. И меня тянет проехать по фронтовым дорогам, поклониться памяти сотен и сотен расстрелянных, замученных и сожженных жертв 7-го октября. Эх, дороги, пыль да туман... Они много о чём могут рассказать, эти дороги в «приграничных районах Газы», кажется, так по-русски называется Gaza Envelope. О немыслимой по масштабу и жестокости трагедии, произошедшей здесь меньше пяти месяцев назад. О героизме, который выплеснулся в самых неожиданных местах, чтобы, как обычно, покрыть чьи-то просчё-

ты и халатность. И вопросы, вопросы проклятые, ну, почему, почему? Вот, вдоль дороги подряд четыре киббуца расположены, с виду совершенно одинаковых – поля, рощи, крыши, блок-посты на въезде, – и расстояние до забора с Газой одинаковое... Но в два из четырех ворвались отряды террористов и там произошла чудовищная резня, а в двух других – горстки охранников из местных жителей сумели организовать отпор, отбить все атаки и продержаться целый день до подхода армии, и никто на территории этих киббуцев не пострадал. На месте трагедии музыкального фестиваля Нова цветут анемоны, эти красные цветы, которые первыми появляются зимой в Израиле. На поляне, где стояли палатки, и на той, где была танцплощадка. В лесопосадках, где пытались спрятаться молодые, застигнутые врасплох, люди. Вдоль дорог, еще недавно забитых расстрелянными машинами. В полях, где творились запредельные зверства. И кажется, будто вся пролитая здесь кровь проросла алым. А когда въезжаешь в приграничный город Сдерот, то сначала кажется, что он живет обычной жизнью. Оживленное движение на главной улице, универмаги стоят, промзоны, как везде. Если не знать, то и не догадаешься, какой кромешный ужас здесь творился четыре месяца назад, что многие десятки жителей погибли в один день от рук террористов, что 90% жителей до сих пор не вернулись в город, и какая травма должна быть до сих пор в душах у оставшихся. И небольшая стройплощадка в центре кажется совершенно обычной, только флаги на обломках арматуры напоминают, что бульдозер равняет землю на месте полицейского участка, захваченного террористами. Четыре месяца назад там был настоящий бой, с танками и вертолётами, и все отделение полиции полегло, защищая город. А на дороге из города Офаким стоит обычная бензоколонка. При ней чистенькая, уютная кафешка. Вся в вазонах с цветами. Обычная, каких много в любой стране. И не сразу замечаешь небольшой мемориал в углу, в память девушки, которая здесь работала и была убита, просто так, ни за что. А в киббуце Яд Мордехай, который славится своим мёдом, закрыты все магазины и вообще нет жителей. А в киббуце Беери... В общем, когда с базы неподалёку раздаётся редкий, но ощутимо громкий бум артиллерийско-

Арик Кругляк

го выстрела, не вздрагиваешь, а киваешь. Побывав здесь, еще отчётливее понимаешь, что армия обороны Израиля воюет как раз за то, чего требуют бесноватые на площадях европейских городов и американских университетских кампусов: чтобы остановить геноцид. Геноцид, который весь мир мог наблюдать 7-го октября прямо с мобильных террористов. Какая же короткая память оказалась у этого мира. А дорога дальше мчится, пылится, клубится... Каждый дорожный указатель как ножом по сердцу, Реим, Кфар Аза, Бе'эри – так в Германии веяло холодом от указателей на чистенький пригород Мюнхена Дахау и на буковый лесопарк, по-немецки Бухенвальд. И цветы эти алые, каплями, ручьями, озерами разлиты вдоль дорог. Одна сценка простая до сих пор из головы не выходит: временный блокпост недалеко от границы, на краю асфальта, дальше, до границы дорожного покрытия больше нет, только изрытая танками грунтовка. Рядом патрульный армейский джип. Гражданских машин практически не видно. Вдруг подъезжает легковушка, из неё выпрыгивает женщина, вытаскивает громадный пластиковый мешок, не пакет, а именно мешок, я только успеваю разглядеть в нём гору пирожков-бурекас и уйму каких-то кулёчков-свёрточков, и тащит к военным. Разговора я не слышу, но по жестам всё понятно. Женщина готовила сама, от чистого сердца, просит защитников принять и уважить. Солдатик беспомощно разводит руками, машет куда-то влево, мол, там тоже воинская часть есть, но сдаётся под натиском и бережно кладёт мешок в джип. И опять комок к горлу – это ведь не первый день, и не первый месяц войны, а всё несут и несут. Так вот и выглядит «война народная», навязанная Израилю. Война за то, чтобы «больше никогда». Кстати, один из трех военных в джипе был в черной кипе и с длинными пейсами, – ещё один символ единства на безымянном перекрёстке военных дорог... Снег ли, ветер, – вспомним, друзья! Нам дороги эти позабыть нельзя.

Сентябрь 2024.

Когда едешь по Израилю из центра на север, в какой-то момент отношения с навигаторами начинают портиться. Скажем, где-нибудь в рай-

оне Хайфы вбиваешь в Waze пункт назначения, который должен быть минутах в десяти от тебя, а тебе говорят, что ехать три с половиной часа. Протираешь глаза, проверяешь адрес, вбиваешь его в Google Maps – тот же результат. Тупо смотришь в телефон и чувствуешь, как мозг входит в состояние когнитивного диссонанса, ибо на всех картах видишь, что ты находишься в Иордании, в аэропорту Аммана. Или, скажем, в Бейруте. Поэтому навигаторами пользоваться невозможно, и приходится вспоминать давно утраченные навыки ориентирования на местности, расспросов «как проехать» и чтения карт. А подавляют сигнал GPS на севере Израиля специально, чтобы сбить с толку всякую беспилотную летающую дрянь, которая может прилететь из Ливана. Такое вот, далеко не самое ужасное, проявление войны. А Средиземное море по-прежнему тёплое и прозрачное, виды с горы Кармель что на море, что на Изреэльскую долину завораживают, как и тысячи лет назад, шашлыки и стейки в элегантных ресторанах и вкусны, и кошерны, современная архитектура восхищает разнообразием форм и решений... И можно бродить, плавать, гурманствовать и радоваться жизни, наплевав на неработающие навигаторы, но забыть о войне трудно. О ней напоминает почти полное отсутствие туристов, и полупустой хайфский порт, и глаза несчастных заложников с царапающих душу плакатов на каждом углу. О них не забывают, да и невозможно забыть в такой маленькой стране, где все всех знают и люди переживают за незнакомцев, как за своих близких. Идет война на юге и пахнет большой войной на севере, но страна пытается, насколько это возможно, жить нормальной жизнью, строить, учиться, торговать, изобретать. Даже влюбляться и играть свадьбы. Кто бывал на еврейских свадьбах, тот не мог не слышать фразу на иврите, начинающуюся словами Од йишома беарей Йехуда (ещё услышат в горах Иудеи). Под неё танцуют на разные мелодии, она входит в молитвы и благословения, к ней привыкли и в слова не вдумываются. Как это было у Маяковского из школьной программы: «слова у нас до важного самого в привычку входят, ветшают, как платье». Но когда в наши дни приезжаешь в Иерусалим на

Арик Кругляк

свадьбу, что-то подкатывает к горлу, когда слышишь эти слова, да ещё после того, как с утра брёл по местному лесу и случайно наткнулся на пронзительный памятник Холокосту – товарный вагон немецких железных дорог времён рейха на рельсах, ведущих в никуда. А слова не простые. Их написал пророк Ирмияху (Иеремия) больше двух с половиной тысяч лет тому назад. Он пережил страшную катастрофу, – разрушение и уничтожение еврейского государства, он видел разоренный и опустошенный Иерусалим, и вот среди всего этого ужаса он произнёс: «Ещё услышат в горах Иудеи и в окрестностях Иерусалима голос радости и голос веселья, голос жениха и голос невесты».

И что вам сказать, сбылось пророчество. Свидетельствую, ибо я побывал на красивой, весёлой свадьбе, в тех самых окрестностях Иерусалима и горах Иудеи. Побывал и даже удостоился благословить. Сколько пришлось пережить и вынести на своих плечах за этот год мальчишкам и девочкам, друзьям и родственникам жениха и невесты, а поди ж ты, танцевали и веселились будто и нет никакой войны и будто не рвут душу ежедневные новости. Сбылось пророчество и пусть сбывается дальше. И больше. Несмотря ни на что. Ибо жизнь продолжается.

Ночь

Лодку одолжил Петр. Стемнело. В отдалении слышались удары, отдавались спазмами в животе – сердце стучит по-другому. Бу-бум, бу-бум, бу-бум. Небо слева затянуло темно-красным, густым и вязким, и сквозь это месиво пытался пробиться – пока не получалось – жаркий, смертоносный огонь.

Здесь царили темнота и тишина. Они пугали сильнее. Глухие далекие разрывы свидетельствовали жизнь – тишина ее отрицала.

Антон взял с собой маленький слабый фонарик. Неудобно, зато не засекут. Он сомневался, что кому-то сейчас этот гиблый участок земли, превратившийся в воду, мог быть интересен, но душа требовала осторожности. Если бы Улька так не плакала, если бы Настя так не смотрела...

Он оттолкнул лодку от берега, впрыгнул легко, привычно, взбаламутив сапогами грязную темную жижу, взялся за весла и начал грести. Может, это все зря, и риск, и ночь без сна, и глупая надежда. Повернуть бы, да куда ж ему поворачивать.

Прошло три дня, как они сбежали. Побросали вещи в багажник – шлем велосипедный? лопаточка блинная? дедова шапка, которую и носить-то некому? – и уехали до родственников. Дамбу взорвали, село затопило. Хорошо, что бабка добежала, что успели на своих колесах; многим повезло меньше.

В город прибывали беженцы, одни оставались, другие ехали дальше, третьи рвались вернуться, проверить, как оно там. Антон торчал в интернете, общался с местными, собирались новости по группам. Затопило под крыши, где-то больше, где-то меньше. Когда вода встала, поплыли спасатели и мародеры. В первую очередь вытаскивали людей, иногда – животных. И тела.

Уля все спрашивала, когда заберем Юшку, где Юшка, а Юшка-то как. Бабка просто слегла. Настя держалась, но Антон ловил иногда ее взгляд, пустой, без привычного прищура, и пугался. И думал, а правда, как.

Слабый рассеянный свет от фонарика вылавливал деревья, плывущие мимо деревяшки, ветки,

Эмилия Гааб

Россия, Германия

нехитрый скарб, раздутую коровью тушу, которую Антон поначалу принял за человека и наскоро перекрестился. Перевернутый зеленый пластиковый тазик – подумал, не подобрать ли, и отмахнулся – барахла хватает.

Двигался частично наугад. Компас был, фонарик был, опыт водно-походный был. К тому, что по селу придется на лодке плыть, а не ногами гулять, Антон не готовился. Скрылись из виду привычные ориентиры: знакомые заборы, столбы, дорожные знаки, кочки и выбоины. Взглядом искал-примечал крыши. Вспоминал цвет, материал, трубы, флюгеры, резьбу. У домов повыше – окна, ставни, кружевные занавески, цветы в горшках, заботливо выращенные и брошенные. Старался не думать об огородах, вспаханной земле и саженцах, о собственноручно сколоченных досках, о любимых диванах и креслах, об одежде, теперь окончательно испорченной...

Весла загребали воду с тихим монотонным «плюх», и Антон держался за этот звук. Жутко. Не село, а воспоминание, странный, ни на что не похожий запах. Стоило позвать Петра с собой, пусть бы тоже свое хозяйство проверил, поболтали бы. Хотя о чем тут болтать, непонятно.

Антон не следил, сколько времени прошло. То казалось, что едва отплыл, то будто бы вечность назад и скоро светать начнет. Рассветы его искренне удивляли: тьма подходила этому всему, а свет – нет. Но солнце вставало, вставало и сам Антон, и жизнь дальше текла, привычно и иначе.

Родную крышу он узнал каким-то внутренним знанием. Очертания едва прорезались, ни цвет, ни форма еще не проступили сквозь царящую повсюду черноту, а Антон понял: приплыл. Верхний этаж выглядел целым. Сквозь стекло видно было плохо, но Антон все равно светил фонариком и жадно разглядывал знакомые обои в цветочек, кровать Ульки, открытый шкаф с пустыми вешалками, кучку одежды на полу и старенького игрушечного зайца с оторванным ухом.

ДАМБУ ВЗОРВАЛИ. СЕЛО
ЗАТОПИЛО. ХОРОШО, ЧТО
БАБКА ДОБЕЖАЛА. МНОГИМ
ПОВЕЗЛО МЕНЬШЕ...

Закралась мысль выломать раму или стекло выбить и привезти зайца Уле.

– Не сходи с ума, Тоха, – пробормотал Антон и вздрогнул от звука собственного голоса. Потянуло снова покреститься, да повернуть назад. А надо было вперед.

Бабка жила на соседней улице через пять домов. Из воды теперь только крыша и торчала. Черепичная, аккуратная, не так давно обновленная крыша. Пустая. На что надеялся, Антон и сам не знал. Юшка жил возле огорода за домом, в будке. Привязывала его бабка за веревку, чтобы не раскапывал свежие грядки: вид сырой перекопанной земли будил в Юшке исследовательские инстинкты. Беспородный, мелкий, черный с белым пятном в половину морды, Юшка больше всех любил Улю, а слушался – бабку. Только перед огородом устоять не мог. И перед вареной курицей.

Антон думал, может, перегрызет пес дурацкую веревку, уплывет куда-то, зацепится за что-то, дождетя. Мерещилось, что дрожит вода за домом, как от пузырей. Хорошо, что не поспать уже в эту ночь, а то ведь явится во сне, будет лапами бить, рваться с привязи, молотить по воде, захлебываться, тянуться к свету, пока не затихнет. Даже скулеж такой знакомый – словно вот он, прямо тут, жалуется...

А ведь и правда – жалуется. Антон моргнул, задержал дыхание и принялся усердно всматриваться в темноту: откуда звук? Откуда?

– Юшка, – тихо позвал он. Потом увереннее, громче. – Юшка!

Пес взвыл справа, поскреб лапой черепицу. Антон посветил фонариком: на соседской крыше, отчаянно виляя хвостом, переминался с лапы на лапу мокрый, худой и грязный Юшка. Тому будто только фонариком в морду и не хватало. Плюхнулся в воду, поплыл к лодке. Антон дождался, боясь в темноте ударить ненароком, схватил за загривок и подтянул к себе. Пес отряхнулся, задрожал, притиснулся холодным боком, принялся вылизывать знакомую ладонь.

– Ну-ну, все, хороший пес, хороший. Жив, чертяка!

Антон мягко отстранил пса и взялся за весла. Юшка вдруг напрягся, вытянулся, гавкнул в темноту.

– Тсс, не шуми! Ты чего?

Юшка снова гавкнул – темнота отвела коротким «мяу».

– Да ты брось, – Антон посветил на крышу снова. Кошачьи глаза блеснули крошечными фарами, и Антон узнал Ваську, соседского кота. – Во дела! Ну, давай сюда. Уговаривать долго не пришлось: кот совершенно спокойно вошел в воду и подплыл к лодке, позволил и себя втащить за шкурку, заурчал. У Антона аж от сердца отлегло: и Юшку вытащил, и еще подарочек прихватил. Пусть и не люди, но две души живые. Пес было устроился у его ног, но вдруг повел носом, влез на корму и опять тихонько заскулил. Антон притих и прислушался. Скулил не только Юшка.

Мертвое село оживило. Без пса Антона окружало пугающее ничто, с ним же – такое же пугающее что-то. Оставленные звери то ли боялись Антона, то ли не верили ему, но помалкивали. Юшка, словно зазывала на площади, выманивал животных из укромных уголков и хрупких убежищ, с Юшкой было уже нестрашно. Рыжие, черные, серые, белые, коричневые собаки, псы, коты, кошки – всех втаскивал Антон в лодку, все отряхивались, ворчали, урчали, скулили, сустились, тыкались друг в друга, устраивались, укладывались, прижимались. Юшка сидел на корме и скулил.

Утихло бу-бум, темно-красные вспышки превратилась в предрассветное зарево, закончилось место в лодке. Антон продрог и устал, в нос бил запах сырой шерсти, Юшка обессиленно уронил морду на лапы. Сколько их тут было, Антон не пытался считать. Не хотел думать, как в панике бежали люди, забывая своих друзей – как бежала в ужасе бабка, молясь об Уле, а не о Юшке. Не хотел гадать, все ли хозяева спаслись, или эти сиротки – единственные, кто сумел вылезти на крышу, забраться на дерево, дожидаться помощи. Не хотел судить, кто прав, кто виноват, чья жизнь важнее.

Под локоть толкнулся маленькой острой мордочкой серый котенок, совсем мелкий, чудо, что уцелел. Пробрался на колени, свернулся комочком и тихо – всем крохотным тельцем – вздохнул. Антон опустил весла, пусть руки отдохнут. Накрыл котенка ладонью – тот скрылся почти целиком.

У берега ждал Петр с машиной; Петр дремал, шмыгая носом – на траве проступала роса.

Антон плакал в лодке, размазывая по щекам слезы левой рукой, правой – пытаюсь согреть котенка. Давился рыданиями, дрожал, смеялся:

– Вот ведь дед Мазай из меня, ах-ха-ха, дед, блин, Мазай...

Рассвело.

Эмилия Гааб

Россия, Германия

Одно желание

Я хочу, чтобы закончилась война.

Я иду на улицу, со мной идут друзья и коллеги, со мной идут тысячи людей. Я выхожу из дома с водой и пауэрбэнком, я кричу во все горло, я гуляю по Москве, я рисую цветные плакаты, я бегу от ОМОНа, я сижу в автозаке, я сижу на суде, я сижу в тюрьме.

Я хочу, чтобы закончилась война.

Загадывать желание нужно про себя и никому не признаваться – иначе не сбудется. На день рождения, задувая свечи, на Новый год под бой курантов – 12 ударов: написать на бумажке, сжечь, сыпать в шампанское, выпить. Бумага горит, пузырьки шипят. Наш маленький рефрен.

Я хочу, чтобы закончилась война.

Я сижу на Патриарших, я гуляю по Невскому, я прячу повестку, я кричу в лица родных, я вою в подушку, я плачу по ночам, я уезжаю из страны, я еду на фронт, я бегу с фронта, я прячусь в траншее, я лежу на пляже, я гнию в земле.

Я хочу, чтобы закончилась война.

Я держусь за собачьи, львиные, кошачьи металлические, медные, каменные полированные блестящие лапы, носы, хвосты. Я прохожу по мостам, под мостами, перед мостами, вхожу в пещеры, в замки, в лагерь. Я кланяюсь, подаю милостыню, кидаю монетки в реки, фонтаны, колодцы, чёрные дыры. Я пишу статьи, я завязываю ленточки, я вешаю маленькие замочки, я пишу послания на кусочке салфетки, я втыкаю свернутую бумажку в Стену плача с просьбой наказать палача.

Я хочу, чтобы закончилась война.

Желаю вслух друзьям, близким, знакомым мирного неба. Лайкаю чужие посты, делаю репосты. Ставлю черный квадрат. Рисую голубя. Пишу слова. Небо – голубое. Пшеница – желтая.

Я хочу, чтобы закончилась война.

Я не верю в бога. Мне нравятся готические соборы, острые шпили церквей, устремленные в небо, мощные высокие колонны до потолка, завораживающие звуки органа, цветные витражи, заполняющие пространство волшебным светом, нереальным цветом. Я не верю, что он есть. У меня было бы слишком много вопросов. У меня много вопросов. Я не задаю ни одного. Я зажигаю свечи, я разглядываю иконостас, я стою перед крестом, я запрокидываю голову. Я молюсь. Я верую.

Я хочу, чтобы закончилась война.

Выйти из чата, выйти из тьмы.

Я хочу, чтоб не было войны.

Привет, ты как?

Привет, ты как?

...мой золотой-необыкновенный, я так тебя люблю, так переживаю, когда мы далеко друг от друга, терзаю телефон, читая твои сообщения в сотый раз, разглядываю фотографии, увеличиваю - уменьшаю, ищу то, что раньше могла не заметить, когда мы уже встретимся, жду-не-дождусь...

Норм.

...да что ты можешь понять - там, вдалеке, за тридевять земель, как мне здесь одному. Один, один все время. Люди приходят какие-то, но они не ты, не ты. Говорят не так, как ты, пахнут по-другому, улыбаются искусственно, не умеют как ты - ржать до слез в полный голос - чтоб тушь стекала с глаз. Твои глаза зеленющие - как изумрудная полянка в весеннем лесу, как мои трусы с пьяным Сантой, что ты купила на Новый год ...

Ты помнишь, что надо показания счетчиков прислать, я внесу в личный кабинет.

...ты сильный, умный, надежный, но я же знаю, что ты как дитя побаиваешься коммунальных и всяких госслужб, не хочешь с ними общаться. Я возьму все, что тебе трудно, на себя, только бы ты не нервничал, береги себя, береги себя, береги для меня. Я всегда рядом...

Пришлю. Сама как

...блядь, да как сказать, что я дышать без тебя не могу, как ты уехала, ни разу не смог вдохнуть полной грудью, вдох застревает где-то посередине, возле сердца. Что вижу тебя во всех бабах, иду по улице - хуяк - ты! навожу резкость - нет, просто куртка похожа и волосы тоже кучерявятся, красиво так, но у тебя просто заебись как кучерявятся...

Все ок. Вчера ездила на экскурсию. Потом с девочками ходили в китайский ресторан, там платишь двадцать евро и жрешь хоть до посинения. Я назвала его "китайская жральня", теперь все так называют.

... хочу напомнить тебе, что я веселая, смешная, что со мной хорошо, тебе со мной хорошо,

Алиса Дербенёва

Украина

весело. Я легкая, не грузю тебя своими проблемами, до хрена у меня проблем, но зачем я тебе буду говорить, лучше смешить тебя буду, чтоб ты улыбался, ты так улыбаешься красиво - как лампочка включается и светлее становится даже в темноте...

Прикольно, молодцы, что в жральню сходили. Вкусно там? А я наконец добрался до крана на кухне, прокладки поменял.

...ты знаешь, что я хуевый сантехник, знаешь, ты все обо мне знаешь, никогда меня не ругала, что руки у меня из жопы обе левые растут. Я перерыл все сайты в интернете, чтоб найти, как эту прокладку поменять, как они выглядят вообще эти, блядь, прокладки... Кран сломался, когда я слишком сильно крутанул. Пришлось Вована звать, соседа, он пришел, говорит, дай бабла с копытными на пиво, сгоняю на базар, новый кран тебе притараню. Теперь сверкает на всю кухню новый кран, чтоб тебя порадовать, когда ты приедешь. Когда ты приедешь. Когда ты наконец приедешь...

Там креветки вкусные на палочках типа как шашлык. Здоровенные такие. Львиные, что ли. Нет - тигровые. Приеду, надо будет у нас такие найти и сделать на палочках.

...знаю я, что тигровые они, знаю, но специально пишу как девочка-дурочка-с-челочкой. Чтоб тебе проще все вокруг казалось, легче. По правде-то вся еда мне на вкус сейчас одинаковая, что соленое, что сладкое, ем просто потому что надо. Самое вкусное - когда мы с тобой вместе свежий борщ хлебам, с салом и чесночком ты любишь. А я все время обляпываюсь, мы хохочем, а ты говоришь, что не расстраивайся, просто у тебя грудь большая, все бабы о такой мечтают, а у тебя - вот, есть...

Сделаем. Ну давай, пока. Спокойной ночи!

...опять ночь без тебя...

И тебе спокойной!

...снова ночь без тебя...

Девочка на сцене

Клуб интернациональной дружбы, КИД, во времена позднего Союза был модной темой среди подростков. Мы писали письма детям стран соцлагеря и получали от них ответы, в которых кроме обязательных слов про Ленина, комсомол и бла-бла-бла, можно было узнать интересное – какую музыку у них слушают и какие шмотки носят. Меня взяли в КИД из-за красивого почерка и грамотности.

Однажды в пионерскую комнату, где после уроков обитали кидовцы, зашла завуч и объявила, что нас приглашают в заграничную поездку в Польшу. Пусть родители поскорее принесут заявления. Мы ликовали – настоящая граница!

Папа посадил меня в поезд, чмокнул в щеку и умчался по делам. Нас встречала руководитель команды Тамара Ивановна – пергидрольная блондинка в морковной помаде. Проверила по спискам – “ага, есть такая!” и назвала номер моей полки. Я поставила чемодан под ноги и села. Меня окружали совершенно незнакомые девочки. Я решила, что взрослые знают лучше, где мне сидеть, и мы поехали.

Девочки в вагоне были “малым детским хором им. Ф.Э. Дзержинского”. Они обсуждали распевки, повторяли слова песен перед выступлением и хихикали над своей руководительницей, которая бегала на остановках курить и пыталась от нас прятаться. Когда перед границей наш вагон куда-то перецепляли, Тамара Ивановна вслух читала инструкцию – как советские дети должны вести себя, чтобы не уронить честь своей великой страны. Что не мешало ей собирать у нас червонцы и прятать их в мешочек. Говорили, что в Польше червонцы меняют на злотые.

В Польше нас посадили на автобус и привезли в пустующий детский дом. Там для нас подготовили комнаты. Вечером я подошла к Тамаре Ивановне и спросила, когда приедут мои кидовцы. После непродолжительного, но бурного разбирательства выяснилось, что я села в неправильный вагон, а списки детей ей дали общие – для хора и КИДа. Она схватилась за голову – “что мне с тобой делать?”

Утром меня повели на репетицию и заставили пропеть ми-мэ-ма-мо-му. Потом дали ноты со словами песни. Ноты были для меня китайской грамотой, но я старательно пропела все слова, что видела. Тогда взрослые ничего не знали про толерантность и психологические травмы, поэтому Тамара Ивановна закричала:

– Какой ужас! Пой животом, а не горлом!

Я пела животом, но из живота доносились лишь глухие утробные звуки, не имеющие отношения ни к музыке, ни к словам.

Тамара Ивановна спросила:

– Ты хоть что-то умеешь делать?

Я сказала, что умею вязать, грамотно писать красивым почерком, много читаю и хорошо играю в баскетбол.

– Ты вязать на сцене будешь? Или мячом стучать? Господи, за что мне это наказание? Стихи знаешь какие-то?

Алиса Дербенёва

Украина

Алиса Дербенёва

Украина

Стихи я знала. Тамара Ивановна облегченно вздохнула:

- Будешь читать со сцены в перерыве между отделениями.

Мы выбрали "Жди меня" Константина Симонова. Тамара Ивановна сказала, что это "утверждённое произведение". На репетициях всё шло гладко. Меня научили читать животом - это оказалась вполне рабочая техника. Звук голоса действительно становился глубже.

Наконец настал день выступления. Тамара Ивановна лично нацепила каждой белые банты, проверила правильность завязывания пионерских галстуков. Даже в уши заглядывала, чтоб и там чисто было. Особенно досталось первому ряду. Их сценические платья скрипели от крахмала и натирали шеи.

Первое отделение прошло на ура. Девочкам долго хлопали. Как было не хлопать? Звонкая пионерская "Взвейтесь кострами синие ночи", торжественно-печальная "Люди мира, на минуту встаньте" и задорная украинская "Ти ж мене підманула, ти ж мене підвела" - в звонком девчачьем многоголосье производили впечатление на любого слушателя.

Девочек на сцене должны были сменить мы с Константином Симоновым. Я застыла соляным столбом и долго не могла выйти из-за кулис. Тамара Ивановна легким тычком придала мне ускорение, поэтому на сцену я выбежала, слегка пригнувшись.

Свет на сцене исчез, и я увидела зал, смотревший на меня сотнями глаз. Произошло странное - время растянулось и смешалось с пространством. Я увидела себя сверху и немного сбоку - толстая девочка с длинной косой, перекошенным пионерским галстуком и нелепым бантом над ухом. Девочка молчала и пыхтела носом. Громкий стук ее сердца сперва сливался со стуком сердец зрителей, но потом стал их заглушать. Девочка тихо сказала:

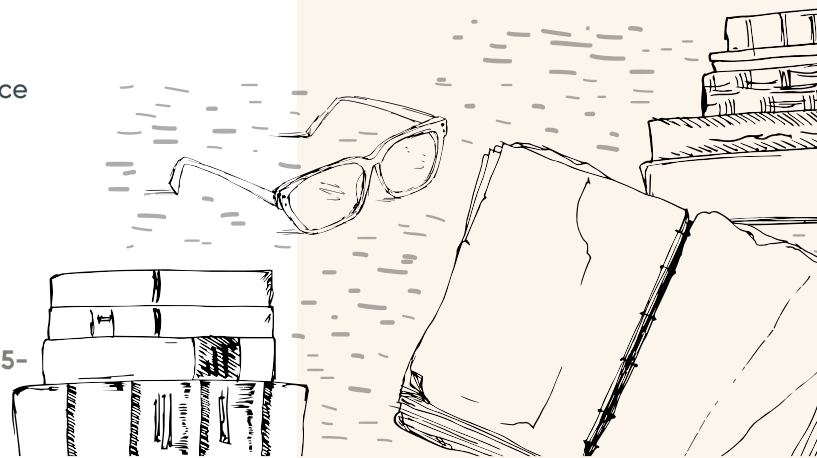
- Стихотворение. Вот.

*Нынче ветрено и волны с перехлестом.
Скоро осень, все изменится в округе.
Смена красок этих трогательней, Постум,
чем наряда перемены у подруги.*

*Дева тешит до известного предела -
дальше локтя не пойдешь или колена.
Сколь же радостней прекрасное вне тела:
ни объятье невозможно, ни измена!*

Зал затих. Я не понимала, что произошло. Это стихотворение лежало у меня дома, напечатанное на прозрачных листиках папиросной бумаги, как печатали тогда весь самиздат. Почему девочка на сцене читает его, а не "Жди меня"? Я даже разозлилась на нее, толстую дурочку! Но она продолжала все громче:

*Посылаю тебе, Постум, эти книги
Что в столице? Мягко стелют? Спать не жестко?
Как там Цезарь? Чем он занят? Все интриги?
Все интриги, вероятно, да обжорство.*

Алиса Дербенёва

Украина

*Я сижу в своем саду, горит светильник.
Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых.
Вместо слабых мира этого и сильных –
лишь согласное гуденье насекомых.*

Удивительно, но из своего угла над сценой я чувствовала одобрителное внимание зала. Мне вспомнилось имя автора – Иосиф Бродский. И фотография – печальный человек с уголками глаз, опущенными вниз.

*Пусть и вправду, Постум, курица не птица,
но с куриными мозгамихватишь горя.
Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.*

*И от Цезаря далеко, и от вьюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники – ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца.*

Зал загудел и разразился аплодисментами. Я снова стояла на сцене. Из глаз почему-то текли слезы. Рядом оказалась Тамара Ивановна, которая улыбалась одними губами и тянула меня за руку обратно за кулисы. Передо мной снова возник портрет печального человека, я вырвала свою руку и прокричала:

– Это написал Иосиф Бродский! – И зачем-то добавила.
– Он еврей.

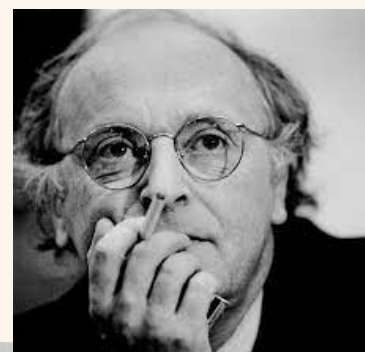
После второго отделения нас повезли обратно. Завтра мы должны уезжать домой. Тамара Ивановна зашла в мою комнату, выгнала из нее других девчонок и нависла надо мной, скрестив руки на пышной груди.

– Что это было? Ты с ума сошла? Я буду писать докладную начальству. Твоих родителей возьмут на карандаш. Где ты вообще взяла эту пакость? Еще и наизусть выучила... Ты знаешь, что этот Бродский – тунеядец и зек? Ещё и жидов приплела зачем-то.

Я молчала. Как мне объяснить, что это была не я. Настоящая я в это время висела под потолком. Но за родителей мне стало действительно страшно. Надо было что-то делать. И я придумала, что.

Наверное, Тамара Ивановна очень удивилась, когда разбирала свои вещи после приезда. На дне ее чемодана лежали листики в клеточку, на которых красивым почерком очень грамотно было написано стихотворение "Письма римскому другу".

На полях нарисовано сердечко и приписано – "Я Тамара Ивановна. Иосиф Бродский – мой любимый поэт. Он еврей".

Рисунки
Иосифа Бродского

...ПОГРУЖАЯСЬ В МЫСЛИ И В ЖИЗНЬ
УШЕДШИХ, ВЗГЛЯД НЕВОЛЬНО УХОДИТ
ПОД НОГИ.

Камень спотыкания

Об этот камень, или, точнее сказать плитку, я споткнулась не раз. В первый раз это было в отпуске на озере Комо, на ровном месте. Заглядевшись на горы за озером, вкрапленные в них виллы, канapé-кораблики, мирно ожидающие своего часа, не особо смотришь под ноги. Раз блеснуло, два блеснуло под ногами, присмотрелась, плитка из желтой меди, гладко впаиваемая в асфальт. Остановилась, прочитала: здесь жил, имя, фамилия, годы жизни. Памятник, наверное. Осмотрелась: набережную и обозримую полосу городского парка обрамляет непрерывная череда жилых домов, небольших, односемейных, разных, пестрых, и все же гармонично вписывавшихся в итальянский пейзаж. Замечательно жил почтенный, обладал хорошим вкусом и жаждой жизни, наслаждался. Трудился, наверное, исправно, недаром же все лучшее-бесплатное достается, вроде озера, гор, мягкого климата, нежного бриза, да, и мало ли других божьих даров на свете бывает.

Через несколько шагов опять блеснуло, почти кольнуло, и снова плитка размером примерно десять-на-десять сантиметров. Опять: здесь жили, имена, фамилии, годы жизни. Эти были парой, жили счастливо и умерли в один день, только странно, год смерти тот же, как и на первой плитке, 1943. Та же местность, вкус к жизни, мягкий климат, миниатюрная чашка эспрессо с бискотти после обеда, любимая сигара на веранде и теплая рука супруги на плече. Сшивались дни и вечера желаньем жить, любить и быть любимым.

Любопытно, что, погружаясь в мысли и в жизнь ушедших, взгляд невольно уходит под ноги. Ни горы, ни зевающие канapé, ни древние статуи, застывшие в томной позе под веткой оливы, не овладевают так, как мысль. Блеск плитки и надпись давно за спиной, а осадок недосказанности, недодуманности остался. Что-то мешало отпустить, и, в то же время, остановиться. И, вот, опять, блеск

Лилиана Янховер

Германия

меди на сером асфальте, еще больше, в четыре шоколадных кубика. Это была семья родителей с двумя детьми, девочками, Эттель и Мальвиной. Девочкам было по 13 и 16 лет в 1943 году на момент депортации.

Этот камень я носила с собой долго, пока на не споткнулась еще раз, в пандемию, когда работала над дневником Анны Франк. Ей было тоже 13 лет в день, когда она покинула свой дом, прячась в убежище, и 15 лет в день убийства. Ее дневник-свидетель, он же набросок для будущей новеллы, дошел до нас в трех версиях: в двух версиях Анны, одной оригинальной (А), второй переписанной для издания (В) и третьей укороченной версии отца Анны, Отто Франка, где вырезаны детали его личных отношений с матерью Анны и интимные детали дочери, казавшиеся ему неуместными для публикации (С). Выпущенное в 1986 году научное издание представляет сравнение этих версий. Свидетельства чудовищных преступлений, войны, разрушения, уничтожения всего и всех Анна черпала из нерегулярных сводок по радио, обрывков журналов, газет, ценников, рассказов друзей, приносящих еду и новости, дневных и ночных бомбардировок, снов и кошмаров, спутанных волос и прекращения месячных. Все предвещало конец, но дневник остался незаконченным, он остался жить, отброшенный в сторону сапогом Гестапо как детский рисунок, недостойный внимания. Он остался жить, благодаря друзьям Франк, сохранившим свидетельство под страхом быть обнаруженными и убитыми за связь с евреями.

В дневнике все было про жизнь, как здесь на озере при виде уток с утятами, прирученными ежедневными визитами деда с внуком, щедро разбрасывавшими хлебные крошки к недоумению залетных птиц. Был домашний быт с разделением работ: кто-то чистил картошку, кто-то перебирал фасоль, убирался по дому, считал

Лилиана Янховер

Германия

расходы, делал уроки, составлял список необходимых вещей, книг, медикаментов. Все, как у всех, только на маленьком пространстве в заднем помещении склада в середине Амстердама. Быт прерывался, когда на склад приходили рабочие и прятавшимся приходилось сидеть тихо часами. Кашель при простуде и прочие человеческие звуки глушились медикаментами, страхом и стыдом. Но, и это было не самое невыносимое для подростка Анны. Ее отец Отто, оценив происходящее на годы вперед, пригласил четверых чужих евреев в свое укрытие. Это были чужие, но свои. Одна семья, родители и сын, и один мужчина, зубной врач. Жизнь восьмерых изгоев под одной крышей в течение почти двух лет без возможности выйти на улицу или даже открыть занавеску, была мучением. Они следили друг за другом, ругались и спорили по всяким мелочам, подозревали друг друга во всем и вся, ненавидели и жалели одновременно. Кошмар в кошмаре.

Когда моя подруга, принимая в Баварии очередных украинских беженцев, которых ее муж на машине встречал на границе и привозил в их миниатюрный, по-немецки слаженный дом, звонила и говорила: все, не могу больше! – это и был тот самый гуманитарный кризис. Не переполненные вокзалы, не взятки на границе, не очереди в магазинах, а именно это. Жить с такими же как ты, в чужой стране, в чужих условиях, по чужой воле. Предметом разногласий являлись каждая мелочь: новости, еда, время ужина, распорядок дня, проветривание комнат, воспитание детей, прогулки, работа, хобби, вкусы. Лето 2022 было жарким, стены города давили и мешали дышать. Казалось, это временно, ненадолго. Хотелось вернуться. Назад, домой, к своим, лишь бы вздохнуть, опять задышать, и, пусть плохо, но жить. А как жить, если есть только один день и вся правда в нем, если память не в счет, если не за что зацепиться?

О проекте Штольперштайне (нем. камень спотыкания) я узнала на одном из семинаров по Германистике в Нью-Джерси. Этот проект придумал художник Гунтер Демниг в 1993 году. На месте последнего места проживания, работы или учебы, до его ареста, депортации или убийства жертвы

нацистов, устанавливается плитка в асфальт. На ней стоит: ЗДЕСЬ ЖИЛ, а дальше имя, фамилия, годы жизни, даты депортации и убийства. Сегодня этот памятник ставится всем пострадавшим от нацистского террора во Второй мировой войне: не выжившим и выжившим бежавшим жертвам, коммунистам, цыганам, славянам, гомосексуалистам, свидетелям Иеговы, иноверцам, инвалидам. За тридцать два года установлено 116 тысяч плиток в 31 европейских странах: от Норвегии до Италии и от Испании до России. В Украине насчитывается 24 камня спотыкания, осенью 2021 года планировалось проложить 80 камней в Киеве, проект под названием Одна жизнь. Один камень.

Эта плитка всегда лежит там, где ты ее не ожидаешь. Поэтому и называется камнем спотыкания. На русский язык Штольперштайн переведен как Камень преткновения, что несколько меняет немецкое значение. Камень преткновения, согласно википедии, является крылатым выражением, обозначающим препятствие для достижения какой-либо цели или решения какой-либо задачи. В то время как камень спотыкания подразумевает неожиданное препятствие на ровном месте, прерывающее ровный шаг, что ведет к приостановке шага, потери равновесия. И, так как камень-плитка ровно встроена в асфальт, ты спотыкаешься взглядом, мыслью, а не ногой. Камень пробивает забвение, повседневность. По Фрейдю, это прожигание историческим событием твоей личной жизни. Ты пошел дальше, а шрам остался, и ты уже не прежний.

ЭТА ПЛИТКА ВСЕГДА ЛЕЖИТ ТАМ,
ГДЕ ТЫ ЕЕ НЕ ОЖИДАЕШЬ.
ПОЭТОМУ И НАЗЫВАЕТСЯ
КАМНЕМ СПОТЫКАНИЯ.

Фото из семейного архива
Л. Э. Кренкель

Дорогие друзья!

В четвертом выпуске вы познакомились с воспоминаниями Юрия Храмова об отце поэте Евгении Храмове. Сейчас мы с радостью представляем стихи Евгения Храмова. Пусть эта встреча с его творчеством станет напоминанием о таланте, который не должен исчезнуть из памяти.

1957

Что за жизнь в те времена вершилась!
Римская империя крошилась,
Варвары врывались в города.
Что ни день – властителей паденье,
Областей отдельных отпадение –
Очень было весело тогда.

Был вчера мозольный оператор,
Нынче стал великий император,
Завтра – не останется следа.
Выбежал за водкой – не вернулся.
Мирный пахарь волком обернулся.
Очень было весело тогда.

Вот она, эпоха катаклизма,
Торжество идей феодализма,
Низвержение всяческих святынь.
А на крышах города Вероны
Милые античные вороны
Всё долбят ненужную латынь.

СТРАНИЦЫ ВРЕМЕНИ

О. Чухонцеву

Время думать о том, что случилось.
Время думать о том, что придёт,
Что играло, светилось, лучилось,
Что погаснет, умолкнет, замрёт.

Диалектика здравого смысла
Нас вела за собою везде,
Но пустые несут коромысла
Нам навстречу, а это – к беде.

Впрочем, так и ведётся от века,
Видно, к этому приговорён
Человек, что всегда человеку
Надо ждать окончанья времён.

Так что это привычное бремя
И твой сын на плеча переймёт.
Что случилось?
Да кончилось время.
Что случится?
Да время придёт.

Евгений Храмов**Стихи поручика Турбина**

Прощай! Мы уходим, Россия, Россия, Россия!
Твой фосфорный гром, как последний салют,
прогремит
Ты нас родила, нас вскормила, вспоила, вырастила
Мы были тобой, а теперь мы толпа горемык.

Прощайте, уезды – Козлов, и Одоев, и Россось,
Штандарт императорский, кавалергардский шишак
Румынские, польские, финские ветры нас хлещут
наотмашь

Дождинки твои выжигая на наших щеках.

Как взять нам с собой это ровное русское поле?
Приснится ль нам роща под тёплой псковской грозой
В Галате галдящей, на голых плато Галлиполи,
Над грифельным Рейном, над тощей афинской лозой?

Так что же теряем мы, Родину или Державу?
Кому посылает проклятья свои пулемёт?
Да это неважно...

А важно, чтоб рота равнение держала,
Когда от причалов в чужие казармы пойдёт.

1981

1972*В.Варжапетяну*

Я поле жизни перешёл.
И отдохнуть присел.
Там тихо одуванчик цвёл
И жаворонок пел.

И было мне так хорошо,
Что я забыл почти,
Что поле жизни перешёл
И дальше нет пути.

1981

Золотая рыбка

У синя моря он стоит,
плечи опустил.
Какой он глупый, тот старик, –
рыбку отпустил,

Ему бы вновь её добыть,
и уж на этот раз:
«Я сам хочу владыкой быть!
Хочу – и весь тут сказ».

И вот к нему из всех столиц
посольства будут слать,
и сладко будет есть старик,
и мягко будет спать.

Старуха старику сплетёт
сеть – золотую нить.
И к синю морю Царь придёт,
чтоб рыбке отомстить

за горы злата-серебра,
за колокольный звон,
за полны пригоршни добра,
что сам не нажил он.

А после бы закон издал,
пришлѣпнул сургучом,
что моря сроду не видал
и рыбка ни при чём.

У синя моря он стоит,
плечи опустил.
Какой он глупый, тот старик, –
рыбку отпустил...

Евгений Храмов

Одиссей

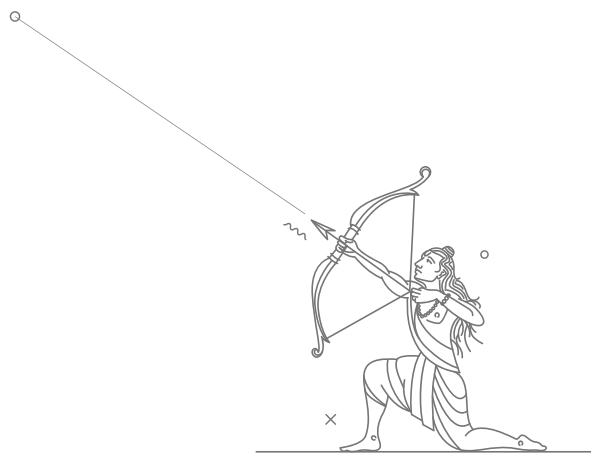
...А он все мотался по южной Европе
Вдоль нынешних франций, италий, испаний
Носило его по дорогам скитаний.
А сколько же было годов Пенелоп?
Которая так беззаветно любила?
Которая всех женихов отвергала?
Считай не считай, а под сорок ей было,
А это для Греции ох как немало!

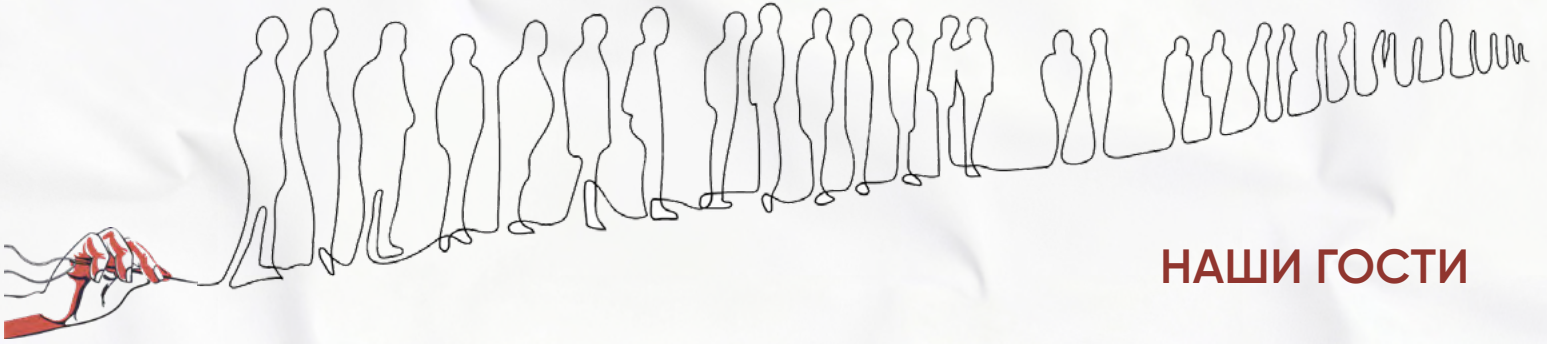
А что с Одиссеем?
А что с Одиссеем?
Он все-таки был большим фарисеем.
Зачем ему было домой торопиться –
Ведь нимфы кругом, и богини, и жрицы.
Он только притворно, на случай на всякий,
Как можно слышнее вздыхал по Итаке:
«Ах, остров любимый! Ах, край мой родимый!»
А сам-то все мимо, и мимо, и мимо.

Еще мы побродим по южной Европе!
Еще мы успеем к своей Пенелопе!
Которая так беззаветно любила,
Которая всех женихов отвергала,
Которой под сорок давно уже было,
А это для Греции ох как немало.

* * *

– Как совесть повелит моя,
Так и отправлюсь в путь,
А там пусть Высший Судия
Рассудит как-нибудь!
– Но, если за тобой второй,
И третий, и седьмой,
Кого неторною тропой
Повел ты за собой,
Когда ты Царь, когда ты Вождь,
Когда обязан знать,
Как будешь укрывать их в дождь
И где положишь спать.
Им чистой совестью твоей,
Как ни велик твой дух,
Не обогреть своих детей,
Не накормить старух.
Так ради них испей до дна
Весь яд неправоты...
Затем свобода и дана
С Нагорной высоты.

НАШИ ГОСТИ

**Е. Ш.
####**

***

*«И сказал Господь: кто склонил бы Ахава, чтобы он пошёл бы и пал...?»
И выступил один дух: Я выйду и сделаю духом лживым в устах всех пророков его».*

-1-

Все говорят «Наш!»
Все говорят: «Ну и!»
Как будто бы дан шанс:
«Момент не упusti!»

-2-

Но можешь ли ты постигнуть
События самую суть,
Что в нём суждено погибнуть,
Нечестию утонуть?

-3-

Как вязли в грязи колесницы
Египетского царя,
Так суждено будет сбыться
Заклятию... Его возвестит заря!

-4-

И в этот момент оказался
На месте, что заклил Господь,
Тот, - должен был называться
Народа Божьего вождь.

-5-

Ни Господа враг, ни язычник,
Но израильский царь Ахав,
Как пойманный вор с поличным,
Пред Господом был неправ.

-6-

И вот пророком Господним
Был замысел Божий раскрыт,
Но и тогда негодный
Ахав, как всегда, зло творит.

-7-

Поверил он безвольно
Тем, кто ему только льстил,
Чего сам желал бы, но
Не было в том правды сил.

-8-

Живём иной раз и не знаем,
Что век наш отмерен уже
Пред Тем, кто нас видеть желает,
Придётся явиться душе.

-9-

Своим ли отмеренным сроком
Прервётся нам данная жизнь?
Или для многих уроком
Творец предпочтёт завершить?

-10-

Беда ждёт тех, кто отвращает
Свой слух от избранных его,
Из лжи в ловушку попадает
Приняв гнев Бога самого.

***

В угоду века зло творят...
Сквозь время строки говорят,
Как будто бы не обо мне:
Удел пророка - быть в тюрьме.

Но пользу извлеки из кучи,
Глазами Господа взгляни...
Он сделает тебя могучим,
Не превзойдут тебя они.

Стеною медной, башней будь;
Мой дух позволь в себя вдохнуть!
Не ты - они придут сюда,
Ты будешь, как мои уста.

Заткнули ватой свои уши?
Не слышат Господа слова?
Будь твёрд внутри, кремень снаружи,
Да не склонится голова!

ПЗК
####

Что чувствует рыба, попав на крючок?
Внезапный полёт и отсутствие вод.
Предсмертные вздохи и ужас в глазах,
Приманке доверилась, и вот результат.

Вот так и меня, словно рыбку из вод,
Под жабры схватил ФСБ хоровод.
Я вышел из матрицы, где всё понятно,
Где график событий на годы вперёд,

Где ясно, уютно, комфортно, надёжно,
И где меня больше никто уж не ждёт.
Теперь как по минному полю иду,
Где шаг - это выбор, решение - моё.

Внезапно, шагая, я понимаю:
Иначе в судьбе моей быть не могло.

Ольга
Вербовая
####

Спасибо, что остался человеком!

Спасибо, что остался человеком
В эпоху лицемерия и мрака,
Жестоким не оправдывался веком,
Не озверел, как дикая собака!
Спасибо, что среди злобы и ненастья
Не изменил ты совести и чести,
Что од не пел делам порочным власти
И не кидал камней с толпою вместе
В тех, кто был этой властью заклеимённым!
Спасибо, что в войну ты жаждал мира!
Пусть о тебе, таком непревзойдённом
Свирель моя поёт, а с ней и лира!

Не сдавайся во время недоброе

Не сдавайся во время недоброе
Ты в угоду жестокому веку,
Пусть шипят вокруг злобными кобрами,
Что немодно, мол, быть человеком,
Дескать, много кругом зла, агрессии,
И не воин ты в поле один.
Не сдавайся на милость депрессии,
Если хочешь дожить до седин.
За зиму весна ведь приходит,
И под солнышком тает снег, лёд.
Соломон-царь сказал: всё проходит.
И недоброе время пройдёт.

Дорогие читатели!

Мы благодарны каждому из вас за время, проведённое на этих страницах, за внимание к слову, за стремление к новым открытиям и переживаниям, которыми наполняет нас литература.

Надеемся, что прочитанное откликнулось в вашей душе, заставило задуматься, улыбнуться или, возможно, озадачило или вызвало вопросы. Для нас важно ваше мнение – что понравилось, что запомнилось, а что, может быть, вызвало споры или раздумья? Ваша обратная связь помогает нам становиться лучше и делать альманах ещё более интересным и многогранным.

Если вы тоже пишете – будь то проза, поэзия, эссе или любая другая форма самовыражения – и вам близки идеи и ценности нашего издания, приглашаем вас присоединиться к обществу авторов «Иглы»! Присылайте свои произведения на нашу электронную почту или сайт, делитесь своим взглядом на мир, своими чувствами и мыслями. Многие наши авторы начинали именно как читатели, и, кто знает, возможно, именно ваше произведение украсит страницы будущего выпуска.

Спасибо, что были с нами! До новых встреч на страницах альманаха!

Ждем вас на нашем сайте: igla.press

Пишите нам на электронную почту: info@igla.press

*С уважением,
Редакция альманаха «Игла»
Влад Галант
Карина Исакаева
Вера Арболь
Яков Наерман*

igla.press

ИЗВЕЩА

март 2025

Творческое содружество поэтов, писателей, художников и музыкантов